ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 12. № 5/2026

DISCOURSE

Volume 12. No. 5/2026

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2026

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.
Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.
Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).
Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.
Языки: русский, английский.
Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф,
тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru,
http://discourse.etu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора
Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь
М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Е. В. Боднарук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия
П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия
С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, СПб., Россия
В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия
А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия
Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
И. В. Кононова, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия
Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, вед. науч. сотр. Института философии РАН, Москва, Россия
Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия
Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия
Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия
А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
Е. В. Строгецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия
В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия
Л. В. Шиповалова, д-р филос. наук, проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге, СПб., Россия
А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия
В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия
Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:
Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:
• Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
• Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
• Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).
Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.
Задачи:
• публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;
• осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
• интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
• усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.
Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте https://discourse.etu.ru

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

© Оформление. СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2026

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.
Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.
Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.
Editorial adress: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov St., St Petersburg 197022, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, http://discourse.etu.ru

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief
Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary
Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia
Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia
Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia
Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia
Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia
Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia
Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
Elena V. Strogetskaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia
Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia
Lada V. Shipovalova, Dr. Sci. (Philos.), Prof., European University at St. Petersburg, St Petersburg, Russia
Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia
Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:
• Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
• Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
• Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).
The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.
All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:
• Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
• Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
• Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
• Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.
Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at https://discourse.etu.ru

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Жаров А. М. ИИ как эпистемический авторитет: доверяем ли мы алгоритму больше, чем человеку? 5
Техов Д. А. От классической (А. Баумгартен) к неклассической (И. Кант) научной рациональности в обосновании связи научного и художественного познания 18
Фомкин Ф. С. Демографические изменения и политическая поляризация в США 1960–2020 гг.: политико-философский анализ 30
Пирайнен Е. В., Астахова А. В. Архитектура космизма как феномен философско-культурологического исследования 47
Разова Е. Л. Структурная морфология антропного пространства: размерности и инварианты целостности 58

СОЦИОЛОГИЯ

Смирнова Е. А. Влияние религиозного фактора на формирование отношения населения к вспомогательным репродуктивным технологиям 78
Васильева О. В., Парфёнов А. С. Роль экономических факторов в принятии решения о деторождении (по результатам глубинных интервью с женщинами сибирского региона) 90
Пашковский Е. А., Иванов Д. С. Межличностная коммуникация поколения Z: онлайн vs офлайн 106
Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А., Румянцев Н. Г. Социальные технологии и социальная инженерия: современная концептуализация и перспективы осмысления в контексте вызовов цифровизации 120

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Кленова Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики шведскоязычного политического медиадискурса 140
Нехорошев А. С., Киселева С. В., Юсупова Л. Г. Интернет-сленг в современном мире 150
Ульяницкая Л. А., Игнаткович В. В. Актуализация концепта HEIMAT в немецкоязычной прессе Бельгии (на материале газеты Grenzecho) 164
Забоева А. А., Соколова А. Л. Лингвокогнитивный анализ концепта LAW (на материале кинотекста сериала «Better Call Saul») 176
Богданов Б. С. Сравнительный анализ настоящего времени в английском и валлийском языках 186

Правила представления рукописей авторами 201

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Zharov A. M. AI as an Epistemic Authority: do We Trust an Algorithm More than a Human? 5
Tekhov D. A. Classical (Baumgarten) and Non-Classical (Kant) Scientific Rationality as the Foundation of the Interconnection between Scientific and Artistic Knowlendge 18
Fomkin F. S. Demographic Change and Political Polarization in the United States 1960–2020: A Political-Phylosophical Analysis 30
Piraynen E. V., Astakhova A. V. The Architecture of Cosmism as a Phenomenon of Philosophical and Cultural Research 47
Razava A. L. Structural Morphology of Anthropic Space: Dimensions and Invariants of Wholeness 58

SOCIOLOGY

Smirnova E. A. The Influence of the Religious Factor on the Formation of Public Attitudes Towards Assisted Reproductive Technologies 78
Vasilyeva O. V., Parfyonov A. S. The Role of Economic Factors in Decisions about Childbearing: Results of in Depth Interviews with Women in a Siberian Region 90
Pashkovsky E. A., Ivanov D. S. Generation Z Interpersonal Communication: Online vs Offline 106
Babintsev V. P., Shapoval Z. A., Rumyantsev N. G. Social Technologies and Social Engineering: Modern Conceptualization and Perspectives for Understanding in the Context of Digitalization Challenges 120

LINGUISTICS

Klenova E. A. Communicative Strategies and Tactics of Swedish Political Media Discourse 140
Nekhoroshev A. S., Kiseleva S. V., Yusupova L. G. Internet-Slang in the Modern World 150
Ulianitckaia L. A., Ignatkovich V. V. Actualization of the Concept HEIMAT in the German-Language Press of Belgium (Based on the Grenzecho Newspaper) 164
Zaboeva A. A., Sokolova A. L. The Cognitive Linguistic Analysis of the LAW Concept (Based on the Film Text of the TV Series “Better Call Saul”) 176
Bogdanov B. S. Comparative Analysis of English and Welsh Present Tense 186

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 5–17
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 5–17

Философия
Philosophy

Оригинальная статья
УДК 165
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-5-17

ИИ как эпистемический авторитет: доверяем ли мы алгоритму больше, чем человеку?

Александр Михайлович Жаров

Института философии РАН, Москва, Россия
aleks.zharoff2016@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9082-3446

Введение. Статья посвящена исследованию феномена ИИ как нового типа эпистемического авторитета. Цель работы – систематический эпистемологический анализ доверия к алгоритму как источнику знания и выявление его последствия для познающего субъекта и общества. Актуальность исследования определяется стремительным распространением больших языковых моделей в качестве универсального советника по вопросам, прежде требовавшим обращения к эксперту-человеку.

Методология и источники. Исследование опирается на концептуальный аппарат социальной эпистемологии, когнитивной психологии и философии техники. Используются концепции рационального доверия к авторитету (Хардвиг: компетентность и благонамеренность как условия доверия; Загзебски: интеллектуальные добродетели), феномен автоматизационного уклона из области когнитивной психологии, а также критический анализ структурных предвзятостей ИИ-систем. Исследование носит теоретический характер и реализуется через последовательный анализ пяти тезисов об эпистемическом статусе ИИ.

Результаты и обсуждение. Установлено, что ИИ занимает позицию эпистемического авторитета на основании утилитарной эффективности, а не субъектных добродетелей. Иллюзия объективности и автоматизационный уклон обусловливают склонность доверять алгоритму в ущерб человеческой экспертизе. Фундаментальная сложность интерпретации (феномен «черного ящика») LLM существенно ограничивает классическое условие рационального доверия – возможность независимой верификации пути получения вывода. Систематическое делегирование мышления алгоритму ведет к атрофии критических способностей и деквалификации субъекта. Медиаторная концепция ИИ как агрегатора коллективного знания признается перспективной, однако ограниченной вследствие избирательности данных и рассеянной ответственности.

Заключение. ИИ формирует принципиально новый и более хрупкий тип эпистемических отношений. Ответом на этот вызов выступает «критическая алгоритмическая грамотность» – системная компетенция, которая становится необходимым условием сохранения когнитивной автономии в обществе, делегирующем знание алгоритму.

Ключевые слова: эпистемический авторитет, искусственный интеллект, социальная эпистемология, автоматизационный уклон, черный ящик, алгоритмическая грамотность, большие языковые модели

© Жаров А. М., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 5–17
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 5–17

Для цитирования: Жаров А. М. ИИ как эпистемический авторитет: доверяем ли мы алгоритму больше, чем человеку? // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-5-17

Original paper

AI as an Epistemic Authority: do We Trust an Algorithm More than a Human?

Alexander M. Zharov

Institute of Philosophy of the RAS, Moscow, Russia
aleks.zharoff2016@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9082-3446

Introduction. The article is devoted to the study of the phenomenon of AI as a new type of epistemic authority. The purpose of the work is to conduct a systematic epistemological analysis of trust in the algorithm as a source of knowledge and to identify its consequences for the cognizing subject and society. The relevance of the research is determined by the rapid spread of large language models (LLMs) as a universal adviser on issues that previously required consulting a human expert.

Methodology and sources. The research is based on the conceptual framework of social epistemology, cognitive psychology and philosophy of technology. The study uses the concepts of rational trust in authority (Hardwig: competence and well-intentionedness as conditions of trust; Zagzebski: intellectual virtues), the phenomenon of automation bias from the field of cognitive psychology, as well as a critical analysis of the structural biases of AI systems. The research is theoretical in nature and is conducted through a consistent analysis of five theses on the epistemic status of AI.

Results and discussion. It has been established that AI occupies the position of epistemic authority based on utilitarian effectiveness rather than subjective virtues. The illusion of objectivity and the automation bias lead to a tendency to trust the algorithm to the detriment of human expertise. The fundamental difficulty of interpreting LLMs (the black box phenomenon) significantly limits the classical condition of rational trust – the possibility of independent verification of how a conclusion was reached. The systematic delegation of thinking to an algorithm leads to the atrophy of critical abilities and the deskilling of the subject. The mediation conception of AI as an aggregator of collective knowledge is considered promising, but limited due to the selectivity of data and dispersed responsibility.

Conclusion. AI forms a fundamentally new and more fragile type of epistemic relationship. The answer to this challenge is "critical algorithmic literacy", a systemic competence that becomes a prerequisite for maintaining cognitive autonomy in a society that delegates knowledge to an algorithm.

Keywords: epistemic authority, artificial intelligence, social epistemology, automation bias, black box, algorithmic literacy, large language models

For citation: Zharov, A.M. (2026), "AI as an Epistemic Authority: do We Trust an Algorithm More than a Human?", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-5-17

Введение. История знания – это в значительной мере история эпистемического авторитета. Просвещение произвело здесь фундаментальную революцию: жреца и оракула сменил ученый и врач. Новый авторитет был основан на методе – воспроизводимом, проверяемом, открытом для критики. Большинство из нас не способно самостоятельно верифицировать прописанный антибиотик или расчет нагрузки на мост, но мы доверяем системе, которая производит и верифицирует экспертов [1, p. 335]. Эксперт заслуживал доверия именно по-

тому, что его знание получено через надежную процедуру и могло быть проверено другими специалистами.

Сегодня мы наблюдаем новый, возможно, столь же принципиальный сдвиг. Миллионы людей ежедневно обращаются за ответами к большим языковым моделям (LLM) – ChatGPT, Gemini, Claude по вопросам, прежде требовавшим обращения к эксперту-человеку: о здоровье и лечении, праве и финансах, моральных дилеммах. ИИ превращается в универсального советника и тем самым в новый тип эпистемического авторитета. Является ли этот авторитет легитимным? Основан ли он на тех же критериях, что и доверие к человеческим экспертам, или мы имеем дело с принципиально иным и, возможно, опасным типом эпистемических отношений?

Цель статьи – систематический эпистемологический анализ феномена ИИ как эпистемического авторитета, опираясь на аппарат социальной эпистемологии [2; 3], когнитивной психологии и философии техники. Исследование структурировано вокруг пяти тезисов:

1) ИИ смещает основание авторитета от интенциональности к эффективности;

2) иллюзия объективности и автоматизационный уклон обусловливают чрезмерное доверие алгоритму;

3) фундаментальная сложность интерпретации (феномен «черного ящика») LLM существенно ограничивает классическое условие рационального доверия;

4) передача авторитета ИИ ведет к деквалификации познающего субъекта;

5) ИИ является не автономным авторитетом, а особым типом знаниевого посредника.

Методология и источники. Исследование опирается на концептуальный аппарат социальной эпистемологии, когнитивной психологии и философии техники. Методологическую основу составляют: концепция рационального доверия к авторитету, разработанная Дж. Хардвигом [1; 4] (компетентность и благонамеренность как базовые условия рационального доверия); теория интеллектуальных добродетелей Л. Загзебски [5; 6] (интенциональная ориентация на истину как конститутивный признак эпистемического авторитета); феномен автоматизационного уклона из области когнитивной психологии и человеко-машинного взаимодействия (Л. Скитка [7], Р. Парасураман [8]); критический анализ структурных предвзятостей ИИ-систем в рамках философии техники (К. Кроуфорд [9]).

Исследование носит теоретический характер и реализуется через последовательный концептуальный анализ пяти тезисов об эпистемическом статусе ИИ. В качестве эмпирического материала привлекаются результаты экспериментальных исследований в области когнитивной психологии и человеко-машинного взаимодействия [10, 8], данные о пользовательских практиках взаимодействия с LLM, а также работы по технической архитектуре языковых моделей [10–12]. Источниковую базу составляют работы в области социальной эпистемологии [2; 3; 13], когнитивной науки и философии техники.

Результаты и обсуждение. В ходе исследования установлено, что ИИ занимает позицию эпистемического авторитета на принципиально иных основаниях, чем традиционные человеческие авторитеты: его легитимность строится на утилитарной эффективности сервиса, а не на добродетелях субъекта – честности, ответственности, ориентации на истину. Это означает переход от субъектно-нормативной к инструментально-прагматической модели доверия, что создает структурно более хрупкую эпистемическую конструкцию.

Показано, что иллюзия объективности и феномен автоматизационного уклона обусловливают склонность людей доверять алгоритму больше, чем эксперту-человеку, вопреки рациональным основаниям. Невидимая системная предвзятость LLM оказывается эпистемически опаснее видимой человеческой субъективности, поскольку против нее не выработано культурных иммунных механизмов. Фундаментальная сложность интерпретации (феномен «черного ящика») LLM существенно ограничивает классическое условие рационального доверия – возможность независимой верификации пути получения вывода, превращая алгоритм в оракула, а не в эксперта.

Систематическое делегирование познавательных функций алгоритму ведет к атрофии критического мышления и формирует деструктивную петлю обратной связи: чем больше пользователь доверяет ИИ, тем хуже он способен оценивать качество его ответов. Медиаторная концепция ИИ как агрегатора коллективного человеческого знания признается концептуально продуктивной, однако принципиально ограниченной вследствие избирательности обучающей выборки, трансформации при синтезе и практического коллапса распределенной ответственности.

Трансформация оснований авторитета: от интенциональности к эффективности. *Классическая модель эпистемического авторитета.* Социальная эпистемология давно занимается вопросом рациональности доверия авторитетам [2; 3; 13]. Дж. Хардвиг показал, что в современном обществе большая часть знания является «опосредованной»: нам известно многое, но не потому, что мы сами провели исследование, а потому, что приняли свидетельство других [1, p. 336]. Это не слабость, а структурная необходимость: разделение познавательного труда является условием возможности науки и экспертизы [4, p. 694]. Рациональное доверие рационально тогда, когда есть основания считать, что свидетель обладает компетентностью (доступом к знанию через надежную процедуру) и благонамеренностью (стремлением точно передать это знание).

Л. Загзебски добавляет к этой модели важное измерение: подлинный авторитет предполагает не просто компетентность, но правильную эпистемическую ориентацию – стремление к истине как самоценности, «интеллектуальные добродетели»: честность, открытость, смирение, мужество в отстаивании истины [5, p. 15; 6, p. 7]. Именно эта интенциональная ориентация делает авторитет эпистемически надежным партнером. Данная модель конститутивно ориентирована на человеческого субъекта: авторитет является авторитетом потому, что он – субъект с определенными намерениями, ценностями и ответственностью.

Как ИИ разрушает классическую модель. ИИ принципиально не вписывается в описанную модель – не в смысле «плохо соответствует», а в смысле принципиально иной природы отношения. Когда пользователь спрашивает у ChatGPT о симптомах болезни, он не оценивает благонамеренность системы, и не может. Понятие «хочет ли ИИ меня обмануть?» бессмысленно применительно к языковой модели так же, как бессмысленно спрашивать, хочет ли нас обмануть калькулятор. У системы нет целей, ценностей, ориентации на истину [10; 14]. Это касается любой LLM независимо от ее возможностей.

Тем не менее люди доверяют ответам ИИ, и это доверие основано на ином принципе: эффективности. Пользователь доверяет системе, потому что она «обычно дает правильные ответы», «не подводила раньше». Это прагматическое, утилитарное доверие к инструменту,

а не к агенту. Этот сдвиг принципиален: ошибка инструмента – технический сбой, а не предательство. Нарушение нормативного контракта между знающим субъектом и доверяющим ему не происходит – значит, не активируются и механизмы социальной коррекции: порицание, потеря репутации, институциональные санкции. Переход к инструментальному доверию денормативизирует отношения с источником знания.

Утилитарный поворот и его риски. Утилитарная легитимация авторитета – «доверяю, потому что работает» – сама по себе не является пороком. Если система стабильно дает надежные результаты, рациональность ее использования не вызывает сомнений. Однако она становится проблематичной при условиях, характерных для LLM: когда надежность системы неоднородна и непредсказуема. Термометр либо работает, либо нет. LLM работает отлично в одних областях и систематически ошибается в других, не подавая никакого сигнала о смене режима [11]. Это создает специфический риск «трансфера доверия»: пользователь, выработавший доверие на основе успешных взаимодействий в одном домене (запросов о рецептах или рекомендациях фильмов), переносит его на принципиально иные области – медицинские или юридические советы. ИИ-система воспринимается как универсально компетентная, что нарушает нормальные механизмы калибровки доверия: классический авторитет имеет четкие границы компетентности (врач – в медицине, но не в юриспруденции), тогда как LLM таких границ не маркирует.

Иллюзия объективности и автоматизационный уклон. *Откуда берется иллюзия объективности.* Одним из наиболее устойчивых и опасных когнитивных заблуждений в отношении ИИ-систем является иллюзия объективности – убеждение в том, что ответ алгоритма лишен субъективных искажений. Психологические корни иллюзии хорошо изучены. Во-первых, машинность: у людей существует укорененная ассоциация между «машинным» и «точным» – механические часы не ошибаются, компьютер считает без арифметических ошибок. Эта ассоциация переносится на LLM, хотя принципиально неприменима: языковые модели – вероятностные генераторы, а не детерминированные вычислительные машины. Во-вторых, отсутствие видимых признаков субъективности: LLM не проявляет усталости, раздражения, энтузиазма по поводу любимой теории, ее ответы выглядят одинаково ровно и уравновешенно, что создает впечатление бесстрастности, ассоциируемой с объективностью.

Между тем иллюзия объективности скрывает принципиальную предвзятость иного рода. LLM не является нейтральным зеркалом реальности – она артефакт, встроенный в конкретный социальный, культурный и экономический контекст. Выбор обучающих данных, их состав, предобработка, функции потерь при обучении, системы безопасности, наложенные разработчиком, – все это определяет, какие точки зрения представлены в ответах. К. Кроуфорд детально документирует механизмы структурной предвзятости: гендерные и расовые перекосы в обучающих данных, отражение доминирующих культурных нарративов, экономические интересы корпораций-разработчиков [9, p. 14]. ИИ не объективнее человека – он предвзят по-другому, но эта предвзятость скрыта за фасадом ровного уверенного текста без видимых маркеров субъективности.

Автоматизационный уклон: психология чрезмерного доверия. Иллюзия объективности получает психологическое подкрепление через феномен автоматизационного уклона (automation bias) – систематическую тенденцию переоценивать рекомендации автоматизированных систем и недооценивать собственное суждение, когда оно противоречит машин-

ному [7, p. 991]. Феномен описан в работах Л. Скитка и коллег, исследовавших поведение операторов в системах высокой автоматизации: в авиации, медицине, управлении атомными станциями. Операторы систематически следовали рекомендациям автоматизированных систем, даже когда те были ошибочными: пилоты следовали ошибочным командам автопилота; врачи принимали неверные диагнозы, игнорируя клинические наблюдения [8, p. 381].

Механизм уклона включает несколько компонентов. Когнитивная экономия: обработка машинной рекомендации требует меньше ресурсов, чем самостоятельный анализ, – в условиях нагрузки мозг предпочитает «передать» принятие решения машине. Диффузия ответственности: если машина рекомендует X, ответственность за ошибку субъективно «переходит» к ней. Эффект ореола: зарекомендовавшая себя система распространяет репутацию надежности на новые применения, принципиально отличающиеся по достоверности. В контексте LLM уклон особенно остр: система производит не просто сигнал, а убедительно аргументированный текст, организованный как авторитетное экспертное свидетельство. Такой текст активирует доверие не только через механизм автоматизации, но и через нарративное убеждение – он «звучит» как эксперт. Кроме того, диалоговый формат взаимодействия с LLM активирует те же когнитивные схемы, что и общение с человеком: собеседник интерпретируется как агент с намерениями и ответственностью.

Паттерны автоматизационного уклона в контексте LLM. Применительно к LLM автоматизационный уклон порождает три характерных паттерна. Первый – некритическое принятие: получив убедительно оформленный ответ, пользователь, как правило, не проверяет его по независимым источникам, даже когда речь идет о принципиально важных для принятия решений вопросах. Второй – обесценивание человеческой экспертизы: если ответ эксперта расходится с ответом LLM, пользователи нередко принимают сторону алгоритма – врач, чья оценка расходится с «рекомендацией» ИИ-диагностики, может испытывать давление следовать машинной рекомендации. Третий – избирательная проверка: ответы LLM проверяются, когда расходятся с ожиданиями, но не когда приятны или подтверждают имеющиеся убеждения. Это создает риск «комфортной дезинформации». В совокупности три паттерна формируют эпистемическую экосистему высокого риска, требующую системного образовательного ответа, а не просто индивидуальных предупреждений.

Эпистемический «черный ящик»: авторитет без прозрачности. *Прозрачность как условие рационального доверия.* В классической модели эпистемического авторитета прозрачность играет ключевую роль не как требование лично проверять каждый шаг эксперта, а как принципиальная возможность объяснения. Эксперт способен изложить резоны своего суждения; они поддаются критике; при выявлении ошибки возможна коррекция. Хардвиг подчеркивает: рациональное доверие основано на убеждении, что авторитет является рациональным агентом, способным дать отчет в своих суждениях [1, p. 340]. Достаточно знать, что такой отчет в принципе возможен. Именно поэтому институты научной экспертизы включают требования к методологической документации, рецензированию, воспроизводимости – они создают инфраструктуру потенциальной прозрачности. Знание, которое нельзя в принципе проверить и воспроизвести, не является знанием в строгом смысле.

ИИ как новый оракул. LLM существенно затрудняет выполнение условия потенциальной прозрачности в ее классическом, процедурном понимании. Хотя область Explainable AI (XAI)

активно развивается и предлагает методы для визуализации зон внимания трансформеров или построения упрощенных суррогатных моделей, в случае с генерацией свободного текста на сотни миллиардов параметров эти объяснения остаются вероятностными картами, а не логической реконструкцией рассуждения. Даже разработчики, имея полный доступ к весам модели, не могут дать однозначного ответа на вопрос, почему в данном конкретном случае модель предпочла факт А факту Б, а не сгенерировала галлюцинацию Х. Таким образом, «черный ящик» в контексте LLM – это не столько полное отсутствие доступа, сколько отсутствие семантически интерпретируемой причинно-следственной цепи, что и ограничивает классическое условие рационального доверия [12, p. 5]. Нейронная сеть с миллиардами параметров – не алгоритм в классическом смысле, проследить ее шаги невозможно. Авторитет без возможности объяснения – это не экспертный авторитет Просвещения, а нечто ближе к авторитету оракула. Аналогия содержательна: Дельфийский оракул принимался как авторитет не потому, что его слова были прозрачны, а потому что воспринимались как исходящие из источника, превосходящего человеческое. Нечто аналогичное происходит с ИИ: обучение на колоссальных массивах человеческих текстов воспринимается как источник трансцендентной компетентности, а непрозрачность становится не проблемой, а признаком превосходства.

К. Кроуфорд описывает ИИ-системы как «черные ящики власти»: они производят решения, влияющие на жизни людей, не давая никакого объяснения и не оставляя пути для апелляции [9, p. 212]. В эпистемологическом смысле это авторитет без ответственности – возможно, самая опасная форма авторитета.

Тем не менее было бы неверно утверждать, что LLM остаются абсолютно непрозрачными. Современные исследования постепенно открывают «черный ящик», предлагая инструменты, которые позволяют если не полностью понять, то хотя бы частично проинтерпретировать поведение модели. Так, методы анализа внимания дают возможность отследить, какие именно фрагменты входного текста оказали наибольшее влияние на сгенерированный ответ. Другой подход связан с техниками стимуляции нейронов: исследователи учатся автоматически выявлять интерпретируемые паттерны в активациях сети, что позволяет заглянуть во внутренние представления, которые модель формирует о мире. Наконец, методы контрастного объяснения показывают, почему модель предпочла один ответ другому, выявляя ключевые различия между альтернативами.

Таким образом, вопрос об объяснимости ИИ не сводится к дихотомии «полностью прозрачный–абсолютно непрозрачный». Скорее, речь идет о спектре возможностей, которые постоянно расширяются. Для рационального эпистемического доверия достаточно необязательно полной прозрачности, а принципиальной возможности получить осмысленное объяснение в конкретном случае. По этому критерию современные LLM занимают промежуточное положение: они не являются «оракулами» в строгом смысле, но и не соответствуют идеалу просвещенческого эксперта. Это требует от пользователя более сложной калибровки доверия с учетом того, для какого типа решения и какого качества объяснения доступны.

Невозможность «перекрестного допроса». К проблеме непрозрачности примыкает проблема невозможности подлинного критического диалога с ИИ. В классической эпистемологии уточняющий допрос – ключевой инструмент верификации авторитета: дополнительные вопросы раскрывают структуру знания эксперта, выявляют пробелы, проверяют устойчи-

вость позиции к контраргументам. С LLM этот инструмент работает неоднозначно. С одной стороны, к 2026 г. ситуация, описанная в обзорах трехлетней давности [11], претерпела значительные изменения. Современные модели (включая новейшие версии Gemini, GPT-5 и Claude) демонстрируют значительно более высокую когерентность в длинных диалогах и снабжены механизмами верификации (например, поисковые агенты на базе LLM или встроенные модули фактчекинга). Это частично возвращает пользователю инструмент перекрестного допроса: запрос «объясни шаг № 3 подробнее» или «приведи источник для этого утверждения» уже не является имитационным, а ведет к реальной детализации или самокоррекции.

Однако эпистемическая проблема не снимается полностью, а смещается на метауровень. Во-первых, «место разлома» по-прежнему не маркируется самой системой: в областях с низкой плотностью обучающих данных (редкие языки, узкоспециальные научные дискуссии) модель может генерировать правдоподобный, но ложный ответ с той же интонационной уверенностью, что и в проверенных областях. Во-вторых, возникает риск «иллюзии верификации»: пользователь, получивший ссылку на источник, сгенерированный самой же LLM, или краткую выжимку из поиска, может ошибочно принять процедурную активность системы за содержательную проверку истинности. Таким образом, перекрестный допрос становится возможным технически, но требует от пользователя значительно большей эпистемической бдительности, чем при диалоге с экспертом-человеком, чья компетентность и границы некомпетентности социально маркированы. Современные методы взаимодействия (например, техника «цепочки рассуждений», повторные запросы с переформулированием, использование LLM для самопроверки) позволяют частично повысить результативность такого «допроса», выявляя некоторые внутренние противоречия. Однако эти приемы не устраняют фундаментальной проблемы: у LLM нет связной и стабильной системы убеждений, которую можно было бы проверить на когерентность так же, как у человека. Поэтому «перекрестный допрос» к ИИ остается имитацией, а не полноценной эпистемической процедурой.

Необходимо признать: за последние три года достигнут заметный прогресс в снижении частоты галлюцинаций. Тем не менее даже самые современные LLM продолжают галлюцинировать, особенно в областях, требующих актуальных, узкоспециализированных или логически сложных рассуждений. Проблема не решена кардинально, а ее частичное смягчение не отменяет эпистемической опасности «черного ящика».

Эпистемическая лень и деквалификация познающего субъекта. *Экстернализация мышления и ее когнитивные последствия.* История цивилизации – это во многом история экстернализации когнитивных функций: от письменности, вынесшей память за пределы головы, до калькуляторов, взявших на себя арифметику [15, p. 7]. Каждый шаг сопровождался тревогами об атрофии соответствующей способности – и эти тревоги отчасти оправдывались. Устная традиция с ее феноменальными мнемоническими практиками постепенно деградировала; устный счет сократился. Но каждый раз изменения компенсировались освобождением когнитивных ресурсов для задач более высокого уровня. Этот компенсаторный механизм хорошо документирован: экстернализация памяти в цифровые хранилища [16] высвобождает ресурсы для концептуального мышления [17].

Вопрос о том, что происходит при экстернализации мышления через LLM, актуален именно потому, что LLM берет на себя функции, компенсация которых по описанному об-

разцу невозможна или крайне затруднена. Речь идет не о памяти или арифметике, а о рассуждении, аргументации, критическом анализе, синтезе. Если эти функции экстернализированы в алгоритм, что остается «внутри»?

Атрофия критического мышления. Наиболее очевидный риск – атрофия критического мышления как практической навыковой способности. Критическое мышление – не врожденный дар, а приобретенный навык: умение формулировать вопросы, оценивать качество аргументов, выявлять логические ошибки, проверять факты по первоисточникам. Все эти умения деградируют без практики. Передача задач, требующих критического мышления, алгоритму ведет к снижению частоты практики и постепенному ослаблению навыка. Исследования фиксируют снижение способности студентов к самостоятельному аргументированию и анализу первоисточников в условиях широкой доступности ИИ-инструментов [17].

Эта ситуация создает опасный парадокс: чем больше люди доверяют ИИ, тем хуже они способны оценивать качество его ответов. Компетентный специалист распознает галлюцинацию LLM быстрее и точнее чем неофит именно потому, что у него есть независимая система знания, с которой можно сравнивать. Систематическое использование LLM вместо самостоятельного мышления постепенно лишает пользователя собственного критического мышления – петля обратной связи с деструктивным потенциалом.

Централизация знания и хрупкость эпистемического сообщества. Научное знание всегда создавалось и поддерживалось сообществом: ошибка одного участника сети корректируется другими, монополия на истину невозможна, знание устойчиво к сбоям отдельных узлов [2, p. 32]. Доминирование нескольких LLM как источников знания для миллионов людей создает принципиально иную, централизованную и хрупкую архитектуру. Концентрация эпистемического влияния несет риски цензуры, манипуляции, системных ошибок, одновременно распространяющихся на весь массив пользователей. Эпистемическое неравенство при этом усугубляет несправедливость: те, кто лишен доступа к альтернативным источникам, оказываются в полной зависимости от алгоритмического «канона» [18, p. 1].

Ситуация структурно аналогична историческим монополиям на знание. Средневековый контроль церкви над книгопечатанием создавал именно такую хрупкую конструкцию: ошибка, вошедшая в канон, не корректировалась – у общества не было механизмов ее исправления [19, p. 138]. Реформация стала отчасти ответом на эту монополию; распределенная природа современной науки является институциональным ответом на тот же урок. Возврат к централизации через доминирование LLM воспроизводит те же уязвимости в принципиально новом технологическом контексте.

ИИ как посредник: компромиссная концепция. *ИИ как агрегатор коллективного знания.* После развернутой критики необходимо рассмотреть альтернативную концептуальную рамку. ИИ-система обучена на колоссальном корпусе текстов, созданных людьми. Когда LLM отвечает на вопрос, она не создает знание самостоятельно – она извлекает, синтезирует и перефразирует то, что было написано людьми. В этом смысле доверие ответу LLM есть опосредованное доверие коллективному интеллекту авторов, чьи тексты стоят за ответом. Это позволяет переформулировать природу эпистемического доверия к LLM: не доверие к алгоритму как к агенту, а доверие к алгоритму как к медиуму – посреднику, обеспечивающему доступ к распределенному человеческому знанию. Концепция ближе к роли высоко-

квалифицированного аналитика-медиатора, обрабатывающего огромный массив источников и извлекающего релевантное содержание.

Более того, медиаторная модель не учитывает важное эмерджентное свойство современных LLM, которое отличает их от «продвинутого T9». Если бы модель была лишь статистическим усреднением популярных ответов, она систематически воспроизводила бы распространенные заблуждения и мифы. Однако эмпирические данные (особенно актуальные на 2026 г.) показывают обратное: благодаря процедурам тонкой настройки (fine-tuning) и обучению с подкреплением на основе обратной связи (RLHF), модели демонстрируют прогресс в детекции ошибочных, хотя и частотных, взглядов. Например, на запрос о вреде прививок или эффективности гомеопатии современные LLM склонны генерировать научно-обоснованный ответ, а не наиболее часто встречающуюся в интернете риторику. Это свидетельствует о наличии в архитектуре их «знания» не только статистического паттерна, но и иерархии авторитетности источников, привитой в ходе антропогенного обучения. Следовательно, ИИ в роли посредника не просто отражает коллективный разум, но и избирательно его фильтрует в соответствии с определенной (западной, академической) эпистемической нормой, что одновременно является и преимуществом в борьбе с дезинформацией, и риском гомогенизации знания.

Проблемы медиаторной модели. Медиаторная концепция сталкивается с тремя серьезными ограничениями. Во-первых, проблема репрезентативности: обучающая выборка LLM перекошена в сторону английского языка и западных культурных контекстов, недопокрывает знание в устной форме или в специализированных профессиональных практиках [9, p. 89]. Когда мы «доверяем человечеству через LLM», мы на деле доверяем избирательному и предвзятому срезу человеческой письменности.

Во-вторых, проблема трансформации при синтезе: LLM трансформирует тексты, производя новый текст на основе статистических закономерностей. Этот процесс непрозрачен – он может смешивать четко противопоставленные позиции, нивелировать принципиальные нюансы, производить синтезы, которые ни один из авторов не одобрил бы. В-третьих, проблема скрытой авторизации: пользователи не воспринимают ответ LLM как синтез чужих текстов – они воспринимают его как высказывание системы. Авторство стягивается к алгоритму, а не распределяется между людьми-авторами, что прямо противоречит медиаторной логике.

Распределенная ответственность и ее практический коллапс. Медиаторная концепция предполагает «распределенный» авторитет LLM: за каждым ответом стоит ответственность разработчиков, инженеров, кураторов данных, авторов исходных текстов. Ответственность, распределенная без механизмов ее атрибуции, в конкретном случае функционально эквивалентна отсутствию ответственности. Если LLM выдала ложное медицинское утверждение, кто несет ответственность? Разработчик? Куратор данных? Автор первоисточника? Ответ «все и никто» – институциональный провал эпистемической системы.

Классический человеческий авторитет был надежен в том числе потому, что ответственность была концентрирована и атрибутируема: врач, давший неверный совет, несет профессиональную ответственность; ученый, опубликовавший фальсификацию, сталкивается с ретракцией и репутационными последствиями. Эта концентрированная ответственность создавала стимулы к качеству. Рассеянная ответственность LLM этих стимулов не создает – или создает их в принципиально ослабленном виде.

Заключение. Выполненный анализ позволяет сформулировать пять взаимосвязанных выводов о феномене ИИ как эпистемическом авторитете.

Во-первых, ИИ занимает позицию эпистемического авторитета в современной культуре на принципиально иных основаниях, чем традиционные авторитеты: его легитимность строится на утилитарной эффективности сервиса, а не на добродетелях субъекта. Это прагматический поворот в структуре доверия, создающий более хрупкую конструкцию.

Во-вторых, иллюзия объективности и автоматизационный уклон обусловливают склонность доверять алгоритму больше, чем эксперту-человеку, вопреки рациональным основаниям. Невидимая системная предвзятость LLM опаснее видимой человеческой субъективности, против которой выработаны культурные иммунные механизмы.

В-третьих, непрозрачность ИИ как «черного ящика» ограничивает классическое условие рационального доверия – возможность независимой верификации пути получения вывода. Мы имеем дело с авторитетом без ответственности, структурно аналогичным оракулу, а не эксперту. Невозможность «перекрестного допроса» делает верификацию знания, полученного от LLM, задачей принципиально иного уровня сложности.

В-четвертых, систематическое делегирование познавательных функций алгоритму ведет к атрофии критического мышления, замыкая петлю деградации: чем больше мы доверяем ИИ, тем хуже мы способны его проверять. Концентрация эпистемического авторитета в нескольких LLM-системах воспроизводит хрупкость исторических монополий на знание.

В-пятых, медиаторная концепция ИИ как агрегатора коллективного знания концептуально продуктивна, но не снимает принципиальных проблем: перекоса обучающей выборки, трансформации при синтезе и практического коллапса распределенной ответственности [20, p. 148].

Итоговый нормативный вывод: нарастающее использование ИИ как источника знания требует формирования «критической алгоритмической грамотности» – системного набора навыков и установок, позволяющих использовать ИИ продуктивно, не попадая в ловушки автоматизационного уклона, иллюзии объективности и эпистемической лени. Эта грамотность включает знание механизмов работы LLM и их ограничений, умение верифицировать ответы по независимым источникам, осознание системных предвзятостей ИИ, способность отличать область надежной работы системы от области высокого риска ошибок. Она должна стать частью образования – так же, как медиаграмотность стала ответом на вызовы информационного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hardwig J. Epistemic Dependence // The J. of Philosophy. 1985. Vol. 82, № 7. P. 335–349. DOI: https://doi.org/10.2307/2026523

2. Goldman A. I. Knowledge in a Social World. Oxford: Clarendon Press, 1999.

3. Foley R. Intellectual Trust in Oneself and Others. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.

4. Hardwig J. The Role of Trust in Knowledge // The J. of Philosophy. 1991. Vol. 88, № 12. P. 693–708. DOI: https://doi.org/10.2307/2027007

5. Zagzebski L. T. Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199936472.001.0001

6. Zagzebski L. T. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.

7. Skitka L. J., Mosier K. L., Burdick M. Does Automation Bias Decision-Making? // Int. J. of Human-Computer Studies. 1999. Vol. 51, № 5. P. 991–1006. DOI: 10.1006/ijhc.1999.0252

8. Parasuraman R., Manzey D. H. Complacency and Bias in Human Use of Automation // Human Factors. 2010. Vol. 52, № 3. P. 381–410. DOI: 10.1177/0018720810376055

9. Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. New Haven: Yale Univ. Press, 2021.

10. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? / E. M. Bender, T. Gebru, A. McMillan-Major, S. Shmitchell // Conf. on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21), Virtual Event, Canada, 3–10 March 2021 / Canada, 2021. P. 610–623. DOI: https://doi.org/10.1145/3442188.3445922

11. Survey of Hallucination in Natural Language Generation / Z. Ji, N. Lee, R. Frieske et al. // ACM Computing Surveys. 2023. Vol. 55, iss. 12: 248. DOI: https://doi.org/10.1145/3571730

12. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. Hoboken, NJ: Pearson, 2020.

13. Coady C. A. J. Testimony: A Philosophical Study. Oxford: Clarendon Press, 1992.

14. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59, № 236. P. 433–460.

15. Clark A., Chalmers D. J. The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58, № 1. P. 7–19.

16. Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. NY: W. W. Norton, 2010.

17. Sparrow B., Liu J., Wegner D. M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. 2011. Vol. 333, iss. 6043. P. 776–778. DOI: 10.1126/science.1207745

18. Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.

19. Popper K. R. The Open Society and Its Enemies. London: Routledge, 1945.

20. Quine W. V. O., Ullian J. S. The Web of Belief. 2nd ed. NY: Random House, 1978.

Информация об авторе

Жаров Александр Михайлович – младший научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН, Гончарная ул., д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия. Автор 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная эпистемология, онтология и теория познания, эволюционная эпистемология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.02.2026; принята после рецензирования 21.03.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Hardwig, J. (1985), "Epistemic dependence", *The J. of Philosophy*, vol. 82, no. 7, pp. 335–349. DOI: https://doi.org/10.2307/2026523

2. Goldman, A.I. (1999), *Knowledge in a social world*, Clarendon Press, Oxford, UK.

3. Foley, R. (2001), *Intellectual trust in oneself and others*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

4. Hardwig, J. (1991), "The role of trust in knowledge", *The J. of Philosophy*, vol. 88, no. 12, pp. 693–708. DOI: https://doi.org/10.2307/2027007

5. Zagzebski, L.T. (2012), *Epistemic authority: a theory of trust, authority, and autonomy in belief*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199936472.001.0001

6. Zagzebski, L.T. (1996), *Virtues of the mind: an inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

7. Skitka, L.J., Mosier, K.L. and Burdick, M. (1999), "Does automation bias decision-making?", *Int. J. of Human-Computer Studies*, vol. 51, no. 5, pp. 991–1006. DOI:10.1006/ijhc.1999.0252

8. Parasuraman, R. and Manzey, D.H. (2010), "Complacency and bias in human use of automation", *Human Factors*, vol. 52, no. 3, pp. 381–410. DOI: 10.1177/0018720810376055

9. Crawford, K. (2021), *Atlas of AI: power, politics, and the planetary costs of artificial intelligence*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.

10. Bender, E.M., Gebru, T., McMillan-Major, A. and Shmitchell, S. (2021), "On the dangers of stochastic parrots: can language models be too big?", *Conf. on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '21), Virtual Event*, Canada, 3–10 March 2021, pp. 610–623. DOI: https://doi.org/10.1145/3442188.3445922

11. Ji, Z., Lee, N., Frieske, R. et al. (2023), "Survey of hallucination in natural language generation", *ACM Computing Surveys*, vol. 55, iss. 12: 248. DOI: https://doi.org/10.1145/3571730

12. Russell, S. and Norvig, P. (2020), "Artificial intelligence: a modern approach", 4th ed., Pearson, Hoboken, NJ, USA.

13. Coady, C.A.J. (1992), *Testimony: a philosophical study*, Clarendon Press, Oxford, UK.

14. Turing, A.M. (1950), "Computing machinery and intelligence", *Mind*, vol. 59, no. 236, pp. 433–460.

15. Clark, A. and Chalmers, D.J. (1998), "The extended mind", *Analysis*, vol. 58, no. 1, pp. 7–19.

16. Carr, N. (2010), *The shallows: what the internet is doing to our brains*, W.W. Norton, NY, USA.

17. Sparrow, B., Liu, J. and Wegner, D.M. (2011), "Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips", *Science*, vol. 333, iss. 6043, pp. 776–778. DOI: 10.1126/science.1207745

18. Fricker, M. (2007), *Epistemic injustice: power and the ethics of knowing*, Oxford Univ. Press. Oxford, UK.

19. Popper, K.R. (1945), *The open society and its enemies*, Routledge, London, UK.

20. Quine, W.V.O. and Ullian, J.S. (1978), *The web of belief*, 2nd ed., Random House, NY, USA.

Information about the author

Alexander M. Zharov – Research Assistant at the Sector of Interdisciplinary Problems of Scientific and Technological Development, Institute of Philosophy of the RAS, 12/1 Goncharnaya st., Moscow 109240, Russia. Author of 20 scientific publications. Area of expertise: social epistemology, ontology and theory of knowledge, evolutionary epistemology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.02.2026; adopted after review 21.03.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

Оригинальная статья
УДК 167
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-18-29

От классической (А. Баумгартен) к неклассической (И. Кант) научной рациональности в обосновании связи научного и художественного познания

Денис Антонович Техов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
VincentCDR@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-9076-674X

Введение. В философской системе И. Канта эстетическая способность суждения, соотносимая многими авторами с художественным познанием, лишена эпистемологического смысла. В связи с этим ставится вопрос о возможности говорить о художественном познании и его связи с научным в рамках кантовской философии. Цель статьи – разрешить данную проблему через обращение к интеллектуальной связи И. Канта с А. Баумгартеном, оказавшим на него заметное влияние. Актуальность обращения к наследию А. Баумгартена обусловлена тем, что в последние два десятилетия впервые вышли переводы его «Метафизики» на английский и «Эстетики» на русский язык.

Методология и источники. Вопрос связи научного и художественного познания рассматривается в методологии исторической эпистемологии, позволяющей обращаться к историко-философским аспектам формирования научного метода для решения актуальных проблем философии науки. При анализе взглядов А. Баумгартена и И. Канта используется классификация типов научной рациональности В. С. Стёпина, применение которой к связи научного и художественного познания предложено С. Я. Невкрытой. Источниковую базу составляют тексты Баумгартена, Канта и работы исследователей, которые также осмысливали данную проблему.

Результаты и обсуждение. В статье рассматривается философское осмысление связи научного и художественного познания посредством сравнения чувственного познания человека и идеи интеллекта Бога у А. Баумгартена. У И. Канта, который отказывается от идеи Бога как основания сравнения двух видов познания, происходит сужение смысла художественного познания до эстетической способности суждения.

Заключение. Делается вывод, что рефлексия связи двух видов познания у А. Баумгартена соответствует позиции классической научной рациональности, а у И. Канта – неклассической.

Ключевые слова: Кант, Баумгартен, научное познание, художественное познание, чувственное познание, научная рациональность, эстетическое суждение

Для цитирования: Техов Д. А. От классической (А. Баумгартен) к неклассической (И. Кант) научной рациональности в обосновании связи научного и художественного познания // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-18-29

© Техов Д. А., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

Original paper

Classical (Baumgarten) and Non-Classical (Kant) Scientific Rationality as the Foundation of the Interconnection between Scientific and Artistic Knowlendge

Denis A. Tekhov

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia
VincentCDR@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-9076-674X

Introduction. In Kant's philosophical system, the aesthetic power of judgment – which many authors associate with artistic cognition – lacks epistemological meaning. This raises the question of whether artistic cognition and its connection with scientific cognition can be meaningfully discussed within Kant's philosophy. The aim of this article is to resolve this problem by examining the intellectual relationship between I. Kant and A. Baumgarten, who exerted a significant influence on him. The relevance of turning to Baumgarten's legacy is determined by the fact that the last two decades have seen the first translations of his Metaphysics into English and his Aesthetics into Russian.

Methodology and sources. The connection between scientific and artistic cognition is explored within the methodology of historical epistemology, which allows us to address current issues in the philosophy of science by examining the historical and philosophical aspects of the formation of scientific method. In analyzing the views of A. Baumgarten and I. Kant, the study employs the classification of types of scientific rationality proposed by V.S. Stepin, whose application to the connection between scientific and artistic cognition was suggested by S.Ya. Nevkrytaya. The sources include texts by Baumgarten and Kant, as well as works by scholars who have reflected on this problem.

Results and discussion. The article examines the philosophical understanding of the connection between scientific and artistic cognition through a comparison of human sensory cognition and the idea of the divine intellect in A. Baumgarten's thought. For I. Kant, who rejects the idea of God as the basis for comparing the two types of cognition, the meaning of artistic cognition is narrowed down to the aesthetic power of judgment.

Conclusion. It is concluded that Baumgarten's reflection on the connection between the two types of cognition corresponds to the position of classical scientific rationality, while Kant's corresponds to non-classical scientific rationality.

Keywords: Kant, Baumgarten, scientific cognition, artistic cognition, sensory cognition, scientific rationality, aesthetic judgment

For citation: Tekhov, D.A. (2026), "Classical (Baumgarten) and Non-Classical (Kant) Scientific Rationality as the Foundation of the Interconnection between Scientific and Artistic Knowlendge", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 18–29. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-18-29

Введение. То обстоятельство, что А. Баумгартен оказал существенное влияние на формирование философской системы И. Канта, – факт, хотя и не широко, но известный как в отечественной, так и в зарубежной науке. В своих лекционных курсах докритического периода И. Кант опирался на труды А. Баумгартена, но по мере выхода критической трилогии это влияние уменьшалось. Однако нельзя сказать, что оно исчезло полностью: вплоть до старости И. Кант перечитывал наследие своего предшественника [1, с. 124–125]. Несмотря на известность всех этих обстоятельств до недавнего времени вопрос об этой преемственности

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

был недоступен широкой научной публике. Отчасти дело в том, что слишком значительно И. Кант отошел от баумгартеновской мысли, когда давал определение эстетике в своей «В критике способности суждения». Более существенно то, что главные труды А. Баумгартена «Метафизика» и «Эстетика» были написаны на латыни по распространенному убеждению языком сложным, изобилующим специальными терминами и оборотами [2]. В рамках последних двух десятилетий впервые вышли на английском перевод баумгартеновской «Метафизики» (2011) [3] и русский перевод его «Эстетики» (2021) [4]. В связи с этим появляются работы, посвященные значению Баумгартена в различных областях [5–7]. В контексте вопроса о взаимосвязи научного и художественного познания мы обращаемся к А. Баумгартену, так как в его трудах обнаруживаем потенциально близкое художественному познанию понятие, так называемое «чувственное познание» (cognitio sensitiva[1] [8, с. 6], facultas cognoscitiva inferior [9, с. 179–180]), связь которого с научным или, по А. Баумгартену, «интеллектуальным познанием» (facultas cognoscitiva superior, intellectus [9, с. 228]) имеет у философа свое объяснение. Это обращение также позволяет составить базу для более основательного с историко-эпистемологической точки зрения рассмотрения вопроса о взаимоотношениях научного и художественного познания у И. Канта через его связь с наследием А. Баумгартена.

Методология и источники. Сравнивая художественное познание у А. Баумгартена и И. Канта, мы обращаемся к типологии научной рациональности, предложенной В. С. Степиным [10, с. 280–288]. В контексте изучения связи научного и художественного познания такое обращение впервые выполнила исследовательница С. Я. Невкрытая [11]. В частности, она предложила видеть в трактовке вопроса И. Кантом первое рассмотрение с позиций неклассической научной рациональности. Вышедшие переводы А. Баумгартена позволяют дополнить такое рассмотрение, обратившись также к тому, что, как мы полагаем, следует считать рассмотрением с позиций классической научной рациональности.

Следует сказать, что обращения к И. Канту в рамках исследований, посвященных взаимосвязи двух видов познания, носят разрозненный характер, и каждый раз необъятный корпус кантовской мысли предстает в интерпретациях в соответствии с отдельными исследовательскими задачами [11–15]. В этом смысле нельзя сказать, что существует внутреннее развитие мысли об И. Канте именно в рамках специальных исследований этой взаимосвязи. Однако связь может быть не только внутренняя для отдельного вопроса, но и внешняя, подразумевающая связь с общефилософской традицией. Это общая предпосылка, на наш взгляд, заключена в том, что И. Кант воспринимается как философ, который разделяет философскую мысль Просвещения и Романтизма («Кант есть последняя и наиболее совершенная формула эстетического классицизма и в то же самое время первая, правда, пока еще не разработанная, но все-таки весьма отчетливая формула романтизма» [16, с. 350]).

В контексте взаимосвязи исследований двух видов познания такой взгляд на И. Канта в наибольшей степени оказывается представлен в диссертационном исследовании «Природа художественного познания в контексте научной рациональности» С. А. Невкрытой [11]. Автор, опираясь на трактовку научной рациональности у В. С. Швырева [17, с. 484], предлагает рассматривать истоки неклассической открытой научной рациональности у

[1] Здесь и далее латинские термины приводятся по латинскому изданию «Эстетики» и «Метафизики» [8; 9].

И. Канта [11, с. 56]. В такой интерпретации неклассическая рациональность связана с рефлексией несовпадения между Реальностью и схемами, структурирующими нашу информацию о ней [11, с. 53], что во многом впервые предпринимается у И. Канта. Открытия, которые И. Кант делает в отношении научного познания посредством переосмысления научной рациональности, относятся и к художественному познанию (автор не выделяет специальной художественной рациональности). По мнению исследовательницы, в отношении этого вида познания И. Кант убедительно показывает, как в него оказывается включенным «активно действующий» субъективный компонент, когда субъект познания «не противостоит картине мира, а включен в нее» [11, с. 78].

Как нам представляется, смысл художественного познания как постнеклассического наиболее отчетливо раскрывается в работе «Место и роль моделирования в системе научного и художественного познания» Г. А. Стакуна [14]. Автор во многом предлагает отойти от И. Канта в том смысле, что в кантовской эпистемологии эстетики не находит своего отражения фактор влияния процесса познания на структуру реальности, прежде всего социальной. По мысли Г. А. Стакуна (аппелирующего к М. Хайдеггеру), художественное познание структурирует реальность посредством художественных моделей, так, например: «Сам по себе храм является не просто архитектурным сооружением, а выступает в качестве своеобразной модели мира, которая, однако, представляет мир не как дистанцированный от нас объект, а как то, во что мы сами включены в качестве его составляющих» [14, с. 85].

Среди отечественных исследований П. В. Копнин, один из ранних исследователей связи двух видов познания, по-видимому, первым противопоставил познавательное содержание эстетики И. Канта и А. Баумгартена в этом контексте [12, с. 255–257]. Это противопоставление неслучайно не только в силу широкого и задокументированного интереса И. Канта к наследию А. Баумгартена. У его предшественника мы обнаруживаем понятие, которое оказывается сопоставленным П. В. Копниным с художественным познанием «чувственное познание», чего, строго говоря, у И. Канта нельзя обнаружить из-за особенного рассмотрения им смысла познавательной способности рассудка. По мысли П. В. Копнина, разница между двумя точками зрения сводится к тому, что И. Кант в своих критиках разъединяет чувственное и логическое начала, в то время как в баумгартеновском чувственном познании они пребывали в единстве. П. В. Копнин полагал, что возможно возродить идею А. Баумгартена на новом основании в рамках материалистической мысли.

Указать на принципиальное эпистемологическое различие между взглядами двух философов можно обратившись к американскому баумгартоведу и кантоведу К. Фьюгейту. Он предлагает обратить внимание на один из комментариев И. Канта к первому параграфу баумгартеновской «Метафизики», в котором дается определение метафизики как науки о первоосновах человеческого познания. К. Фьюгейт утверждает, что это положение следует понимать в качестве указания на смысл метафизики как рассмотрения неполноты человеческой природы в сравнении с природой Бога. Иначе говоря, А. Баумгартен рассматривает основания человеческого познания посредством сравнения совершенных божественных форм чувствования и их несовершенных человеческих форм. В этом смысле, полагает исследователь, учение о «чувственном познании» является по существу творческим переосмыслением наследия «позитивной» и «негативной» теологии [18, с. 58]. В своих комментариях

И. Кант придает иной смысл началу «Метафизики» А. Баумгартена: он воспринимает вопрос о первоначалах познания как вопрос о возможности метафизики в качестве человеческой науки. Проще говоря, если в трудах А. Баумгарена идет сопоставление человеческого познания с совершенным божественным, то у И. Канта ставится проблема оснований человеческого познания внутри психики и отделения познания от других способностей души, которые познанием не являются.

Следует сказать, что большая часть историко-философских исследований связи двух философов указывает, что проект чувственного познания оказал значимое влияние на критический проект И. Канта в целом. Таким образом, если признавать за чувственным познанием форму художественного познания, то уже в этом есть определенная связь не только с «Критикой способности суждения», но и со всей системой «Критик» И. Канта. Как указывает И. С. Нарский, к проявлениям этой интеллектуальной связи можно отнести несколько вещей, в частности, баумгартоновская мысль подготовила почву для формирования у И. Канта понятия «трансцендентальной эстетики» [19, с. 46].

Хотя И. Кант и почитал А. Баумгартена как «блестящего метафизика», он все-таки упрекает его в числе прочих «догматиков» в легкомысленном отношении к основам метафизики. Как указывает К. Фьюгейт [3, с. 25], сомнение, которое заставляет И. Канта отвергнуть «Метафизику» А. Баумгартена и с которым для нас связан переворот в видении взаимосвязи научного и художественного познания, направлено на универсальность божественного интеллекта. Если человеку доступно, по логике А. Баумгартена, лишь чувственное познание (в том смысле, что интеллектуальное познание есть лишь степень чувственного познания), то каким образом, как бы задается вопросом И. Кант, исходя лишь из этой способности, мы оказываемся способны рассматривать интеллект Бога и находящиеся в его обладании универсальные принципы? Для И. Канта невозможность этого очевидным образом разрушает основание сравнительной методологии «Метафизики» и «Эстетики» А. Баумгартена. Об этом он пишет в примечании к §1 «Критики чистого разума», когда указывает, что теория «превосходного аналитика» Баумгаретна не может быть верной в том случае, если оказывается, что оценка прекрасного связана не с «общими принципами разума» и «критериями», что действительно позволило бы возвести ее в ранг науки, а укоренена исключительно в данных опыта [20, с. 53].

Результаты и обсуждение. В §519 «Метафизики» А. Баумгартен определяет «познание» (facultas cognoscitiva) как активную способность знать о вещах (cognoscendi) [9, с. 180]. Знание о каждой отдельной вещи, являющее себя в виде представления (repraesentatio, §520 [9, с. 180]), может быть само более или менее отчетливым (distincte) и находиться с другими познаниями в большей или меньшей согласованности (consensus [10, с. 8], ordinis, perfectio[2] [9, с. 96]). В контексте раскрытия знания о вещах он выделяет низшее *чувственное* познание, в котором представление предстает смутно, и высшее *интеллектуальное* познание, в котором представления сравнительно более отчетливы. В то же время в полном смысле отчетливость и согласованность доступна только интеллекту Бога, который создает (буквально осуществляет) своим представлением реальность, а человеческая способность познания есть лишь стремление к отчетливости и согласованности, а не обладание ими в пол-

[2] В §94 «Метафизики» А. Баумгартен указывает, что согласованность есть совершенство (consensus ipse est perfectio).

ном смысле, т. е. в форме божественного знания. Так, в §6 пролегоменов к «Эстетике» А. Баумгартен указывает, что чувственное познание является человеческим познанием, а в §870 «Метафизики» он указывает, что Бог не обладает чувственным знанием о вещах из-за наличия в его распоряжении исчерпывающего отчетливого интеллектуального знания. Поскольку вещи есть мысли Бога, а человеческие представления тоже есть мысли, хотя и менее совершенные, мир оказывается возможным познать.

Человеческое интеллектуальное познание является также несовершенным в том смысле, что в нем отчетливость достигается направленностью души на отдельный объект посредством извлечения из внимания других объектов. Божественный же интеллект знает все вещи и связи вещей между собой отчетливо. Философская рефлексия интеллектуального познания связана в таком случае с исследованием эпистемологического содержания представлений. Любое исследование представлений непременно ведет к пониманию отчетливости, поскольку отчетливые представления реальны на самом деле (посредством существования в интеллекте Бога). Однако это уводит нас от изучения чувственного познания, так как его главным признаком является смутность представлений. Как предполагает в §17 и §22 «Эстетики» А. Баумгартен, чтобы избежать этой проблемы, мы должны сделать предметом эстетики другую составляющую познания – универсальные принципы согласованности суждений, так называемые «критерии» чувственного познания [20, с. 53], совокупно обозначаемые как Красота. Подчеркнем, что речь здесь не о видах согласованности (например, причинно-следственная связь), а о качествах связей. Обозначение любви матери к ребенку как благородной относится к качеству связи. Также в риторическом рассуждении, хотя аргументы-представления могут быть одновременно недостаточно отчетливы, например, для задач интеллектуального познания, и в то же время более качественны в смысле соотношения отдельных частей к целому.

А. Баумгартен полагает, что у каждой связи есть некоторые универсальные логические принципы, общие в каждой отдельной связи. По А. Баумгартену, человеку Красота становится доступна не сама по себе как целое, а в качестве этих универсальных принципов, присутствующих в каждой отдельной связи. Они, не подразумевая обязательный переход к отчетливым представлениям [21, с. 20], являются предметом эстетики. Эти принципы (богатство, величие, истина, свет, убеждение, жизнь), как указывает С. Тедеско [21, с. 25–27], правильно называть критериями вкуса, причем в том смысле, что они используются для построения правильного, научного (по мысли А. Баумгартена) [22, с. 570] или же можно было бы сказать просвещенного чувственного познания. Принципом выделения критериев для А. Баумгартена является не внутреннее ощущение, а предшествующий опыт изучения вопроса его предшественниками (по преимуществу в античной традиции). Из этих разрозненных знаний он выстраивает единую систему эстетики.

Хотя мы и ограничиваемся в исследовании внутри эстетики лишь особыми чувственными критериями согласованности, это вовсе не значит, что эти критерии не имеют отношения к научно-интеллектуальному знанию. Об этом А. Баумгартен пишет в § 3 пролегоменов к «Эстетике», раскрывая, что выведенные в эстетике законы логики низшего познания 1) предоставляют «хорошую материю для тех наук, которые по преимуществу познаваемы интеллектом», 2) позволяют «результаты научного познания» приспособить «к уровню по-

нимания любого человека», 3) «совершенствует познание, выводя его даже за пределы отчетливо познаваемых нами вещей» [4, с. 40–41]. Важно упомянуть, что для А. Баумгартена граница между наукой и искусством проницаема. Так в §10 пролегоменов он указывает, что по мере совершенствования оснований всякого искусства происходит отдаление от укорененности в опыте, и в этом процессе искусство становится наукой, что почти дословно предваряет посыл отечественного искусствоведения 1920-х, в рамках которого сформировалось понятие художественного познания. Более того, полагает А. Баумгартен, положениям эстетики в будущем предстоит обрести проверяемость опытом, что дополнительно упрочит положение эстетики среди других наук. Вот какого рода, как мы полагаем, соединение логики (универсальной согласованности) и чувства (познания смутных представлений) происходит у А. Баумгартена.

Таким образом, нам представляется, что А. Баумгартен в своем исследовательском проекте занимает позицию классической или же закрытой научной рациональности. Во-первых, красота у него является объективно существующей, противопоставленной автономному человеческому интеллекту. Во-вторых, он выводит критерии чувственного познания, позволяющие строить наиболее правильно процесс познания. Если говорить о связи научного и художественного познания в логике А. Баумгартена, то художественный и научный виды познания представляют собой один и тот же процесс, отличающийся только степенью отчетливости представлений. В этом смысле изучение художественного познания является вспомогательным для научного (1 – на этапе сбора материала для дальнейшего исследования; 2 – на этапе распространения знаний; 3 – на этапе формирования новых научных областей, где еще нет «отчетливых» представлений о предмете) и обладает потенциалом выхода за пределы себя в область научного познания. Совершенная согласованность, исследуемая в науке о чувственном познании, подразумевает не только полную связанность вещи с каждой другой вещью посредством причин и следствий, но и качественную определенность этих связей. Наличие у связей эстетических качеств гарантируется интеллектом Бога, получением от него существования настолько же реального (познаваемое), как и существование Природы.

Поскольку мы уже рассмотрели смысл эпистемологического исследования «чувственного познания» у А. Баумгартена как изучение универсальных принципов согласованности связанности, то, следовательно, нас должен интересовать вопрос о том, в каком смысле такая связанность понимается у И. Канта и может ли она относится к художественному познанию. Как далее мы выясним, мысль И. Канта между «Критиками» в этом отношении прошла через определенную эволюцию.

В «Критике чистого разума» (§15) связь рассматривается как принадлежащая исключительно рассудку. Так, понятие связи (conjunctio) между предметами, полагает И. Кант, берется не из созерцания (к основаниям которого И. Кант применяет название трасцендентальной эстетики), в котором мы лишь воспринимаем отдельный предмет, а благодаря, как указывается в §16, *единству* «Я» («единство апперцепции»): «В самом деле, многообразные представления, данные в некотором созерцании, не были бы вместе моими представлениями, если бы они не принадлежали все вместе одному самосознанию» [20, с. 106]. Этот принцип у И. Канта оказывается в §17 первоначалом чистого рассудочного познания.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

В дальнейшем И. Кант создает «Критику способности суждения» (изначально озаглавленную как «Критика вкуса»), в которой он все-таки хочет обнаружить «автономию» эстетики (эстетической способности суждения) относительно рассудка в качестве познавательной способности [23, с. 23]. Как указывает И. С. Нарский в «Критике способности суждения», И. Кант расходится с А. Баумгартеном в большей степени, нежели в «Критике способности суждения», которую можно понимать как частичное возвращение к баумгартеновской эпистемологии эстетики [19, с. 46].

И. Кант определяет способность суждения как «способность мыслить особенное как подчиненное общему» [20, с. 755]. Философ объясняет, что есть две стороны способности суждения: одна, подразумевающая нисхождение от общего к особенному (определяющая) и другая – от особенного, мыслящая восхождение к общему (рефлектирующая). Указывается, что первый случай можно было бы объяснить законодательством рассудка, однако, когда речь заходит о втором, то выясняется, что рассудок не всегда имеет в себе основания подводить особенное под общее и, следовательно, для этого должен быть особый априорный принцип [20, с. 756]. Этот принцип называется «принципом формальной целесообразности природы» и положен в основу телеологических суждений. На наш взгляд, принцип целесообразности природы, подразумевающий наличие в нашем сознании убеждения в том, что отдельные законы природы все-таки можно свести в единую систему, в некотором роде сравним с баумгартеновским интеллектом Бога, как раз таким единством являющимся («интеллект Бога есть высшая наука» [3, с. 295]). Разница тут в том, что в баумгартеновском понимании из общего выводится частное, и принцип оказывается не эвристическим, т. е. проявлением не классической рациональности, а механистическим, подразумевающим Бога, как вполне механическую причину.

В п. III введения мы сталкиваемся с тем, что способность суждения соотносится с чувством удовольствия и неудовольствия, которые заложены в основания эстетической способности суждения. Рассуждение об эпистемологии удовольствия впервые появляется только в «Критике практического разума». Там удовольствие вызывается обнаружением соответствия: «удовольствие есть представление о соответствии предмета или поступка с субъективными условиями жизни»). В «Критике способности суждения» смысл весьма похожий: так же удовольствие от соотнесения, но уже особенного с общим в Природе и в душе. В п. VI Введения объясняется, в каких отношениях удовольствие находится с рассудком: «В самом деле, если совпадение восприятий с законами согласно всеобщим понятиям природы не оказывает в нас никакого влияния на чувство удовольствия – да мы и не можем находить в себе такое влияние, так как рассудок действует здесь необходимым образом непреднамеренно, согласно своей природе, то, с другой стороны, обнаруживаемая совместимость двух или более эмпирических разнородных законов природы под одним охватывающим их принципом есть основание весьма заметного удовольствия» [20, с. 763]. Таким образом, в отдельных случаях телеологическая способность суждения может вызывать чувство удовольствия, т. е. дать материал для эстетической способности суждения, ведь, по существу, «то субъективное в представлении, что не может стать моментом познания, – это связанное с представлением удовольствие и неудовольствие, ибо через них я ничего не познаю в предмете представления, хотя они вполне могут быть результатом какого-нибудь познания» [20, с. 765].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

Д. Н. Разеев, обращаясь к первой версии введения к «Критике способности суждения», обращает наше внимание, что первоначально для И. Канта существовала особенная внутренняя связь между эстетической и телеологической способностями [23, с. 28]. Дело в том, что целесообразность природы не содержится в вещах в себе (по крайней мере, мы не можем этого утверждать, подчеркивает И. Кант), а лишь представляет из себя эффективный регулятивный принцип нашего познания. Изначально неопределенное представление о том, что природа устроена вообще целесообразно, И. Кантом соотносилось с эстетическими суждениями, а более конкретные суждения о целесообразности отдельных предметов им рассматривались как телеологическая способность, которая в таком смысле была лишь частным случаем применения первой. Однако впоследствии И. Кант отошел от этой идеи.

В конечном итоге И. Кант приходит к утверждению, что эстетическая способность вообще не имеет эпистемологического значения: «Эстетическое суждение о целесообразности объекта, которое не основано на имеющемся понятии предмета, и не создает понятие о нем» [20, с. 766]. Таким образом, баумгартеновская посылка сохраняется, но демонтирована его метафизика, позволявшая говорить о возможности особого познания без отчетливых представлений. Яснее становится то, в каком смысле, как утверждал И. С. Нарский, в «Критике способности суждения» баумгартеновская эстетика представлена без ее познавательной части (в то время как в «Критике чистого разума» та же эстетика представлена без эстетической части) [19, с. 46]. Сам же И. Кант объясняет это обстоятельство тем, что, как мы помним, чувства удовольствия и неудовольствия и присутствуют неизбежно в процедуре познания, однако сами эти чувства ничего не дают «в предмете представления». В случае телеологической способности суждения, поскольку в ней акцент сделан на представлении о целесообразности природы, то она, как указывает Д. Н. Разеев, может использоваться нами для выработки методологии нашего познания природы, а значит, косвенным образом все же служить целям познания [23, с. 46].

Мы полагаем, что связь научного и художественного познания у И. Канта можно рассматривать в двух плоскостях. Во-первых, в том смысле, в каком «чувственное познание» А. Баумгартена соотносится с критическим проектом И. Канта в целом. Во-вторых, внутри философской системы И. Канта эстетическая способность суждения является одним из мотивов научного познания: более общие научные законы интересны потому, что они вызывают в нас удовольствие.

Заключение. Таким образом, в рассмотрении чувственного познания А. Баумгартена мы сталкиваемся с элементами классической закрытой научной рациональности. К таким элементам относятся: 1) закрытый предмет Красоты, самостоятельно существующий в качестве объекта через сознание Бога; 2) универсальные принципы отчетливости и согласованности между наблюдаемым и представлением наблюдателя; 3) критериальный подход в осуществлении познавательного процесса. Связь между научным и художественным познанием прослеживается через легитимность эстетических критериев для научного познания, в невозможности выхода за пределы чувственного познания даже в научно-интеллектуальном познании. Обращаясь к взаимосвязи двух видов познания у И. Канта, мы должны понимать, что два вида познания не должны быть гарантированы через внешнее относительно человеческого сознания знание Бога. Следовательно, обнаруживаться их связь должна во внутрен-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 18–29
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 18–29

нем устройстве человеческого интеллекта. На наш взгляд, уже этого достаточно для понимания, в чем кантовское рассмотрение являет собой принципы неклассической рациональности. В то же время следует сказать, что поскольку чувственное познание может пониматься как вдохновляющий принцип всего критического проекта в целом как учения об основаниях человеческого познания, то оно, т. е. чувственное познание, распадается на все составляющие «критик», т. е. на чистый и практический разум и на способность суждения. Поскольку мы считаем легитимным соотносить чувственное познание с художественным, то мы, следовательно, должны говорить в случае И. Канта об ограничении смысла художественного познания, обнаружении внутри чувственного познания особой исключительно художественной способности. Эта способность соотносится с научным познанием в контексте тех психологических механизмов, которые заложены в основание научного познания как стремления к все более общим и вызывающим все большее удовольствие законам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В. Л. «Метафизика» Баумгартена в традиции немецкой школьной философии XVIII в. Предисловие к переводу // EINAI: Проблемы философии и теологии. 2012. Т. 1, № 1/2 (1). С. 108–140.

2. Захарова И. И. Трудности перевода «Метафизики» А. Г. Баумгартена с латыни на русский язык // Ломоносов-2021: материалы XXVIII Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Севастополь, 21–23 апр. 2021 / Филиал МГУ в г. Севастополе. Севастополь, 2021. С. 99–101.

3. Baumgarten A. G. Metaphysics: a critical translation with Kant's elucidations, selected notes, and related materials / transl. and eds. by C. D. Fugate, J. Hymers. London: Bloomsbury Publ., 2013.

4. Баумгартен А. Г. Эстетика / пер с лат. Г. С. Беликова, А. В. Белоусова, Д. В. Бугая и др.; под общ. ред. А. В. Белоусова, Ю. А. Шахова. М.: Изд-во ун-та Дмитрия Пожарского, 2021.

5. Загидуллина М. В. Автономность эстетического как фундаментальное основание науки эстетики // Terra Aestheticae. 2022. № 2–1 (10). С. 11–28.

6. Коломиец Г. Г. Искусство и наука как предмет эстетической гносеологии // Вестн. РУДН. Сер. Философия. 2024. Т. 28, № 3. С. 796–810. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-796-810

7. Круглов А. Н. Критика циклопической учености в немецкой философии XVIII века // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2023. Т. 47, № 5. С. 69–89. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-4-69-89

8. Baumgarten A. G. Aesthetica scripsit. Frankfurt a. O.: Impens. I. C. Kleyb, 1750.

9. Baumgarten A. G. Metaphysica. Magdeburg: Impens. C. H. Hemmerde, 1779.

10. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / под ред. Л. П. Киященко, В. С. Степина. СПб.: Міръ, 2009. С. 249–295.

11. Невкрытая С. А. Природа художественного познания в контексте научной рациональности: дис. … канд. филос. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2007.

12. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974.

13. Свирский С. Я. Художественное познание мира и его роль в формировании научного материалистического мировоззрения студенческой молодежи: автореф. дис. … д-ра филос. наук / АН УзССР. Ташкент, 1975.

14. Стакун Г. А. Место и роль моделирования в системе научного и художественного познания: дис. … канд. филос. наук / ЧувГУ. Чебоксары, 2010.

15. Шилин В. Н. Художественная идея как предмет теоретического познания: дис. … канд. филос. наук / ЛГУ. Л.,1983.

16. Лосев А. Ф. Учение о стиле / под общ. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

17. Швырев В. С. О гуманитаризации современной научной рациональности // Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В. С. Степина / отв. ред. и сост. И. Т. Касавин и др. М.: Канон+, 2004. С. 483–493.

18. Fugate C. D. Baumgarten on the Nature and Role of Metaphysics // Metaphysics as a Science in Classical German Philosophy / in R. Dunphy, T. Lovat (eds.). NY: Routledge, 2023. P. 50–72.

19. Нарский И. С. Философско-эстетические идеи А. Баумгартена как один из стимулов теоретического развития Канта // Кантовский сборник. 1985. № 10. С. 40–51.

20. Кант И. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения / пер. с нем. Н. Лосского, Н. Соколова. СПб.: Азбука-Аттикус, 2024.

21. Тедеско С. Предисловие к итальянскому переводу «Эстетики» А. Г. Баумгартена // Баумгартен А. Г. Эстетика. М.: Изд-во ун-та Дмитрия Пожарского, 2021. С. 12–32.

22. Микешина Л. А. Становление эпистемологии гуманитарной науки // Философия и культура. 2015. № 4. С. 563–572. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.4.14136

23. Разеев Д. Н. Телеология Иммануила Канта. СПб.: Наука, 2010.

Информация об авторе

Техов Денис Антонович – аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 194034, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, философия история, история античности.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 02.04.2026; принята после рецензирования 20.05.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Ivanov, V.L., (2012), “Metaphysica of A.G. Baumgarten within the Tradition of the German School Philosophy of the XVIIIth Century. An Introduction”, *EINAI: The Problems of Philosophy and Theology*, vol. 1, no. 1/2, pp. 108–140.

2. Zakharova, I.I. (2021), “Metaphysics" from Latin into Russian”, *Lomonosov-2021: Proc. of the XXVIII Int. Conf. of Students, Postgraduates, and Young Scientists,* Sevastopol, RUS, 21–23 April, pp. 99–101.

3. Baumgarten, A.G. (2013), *Metaphysics: A Critical Translation with Kant's Elucidations, Selected Notes, and Related Materials*, Transl. and ed. by. Fugate, C.D., Hymers, J., Bloomsbury Publ., London, UK.

4. Baumgarten, A.G. (2021), *Aesthetics*, Transl. by Belikov, G.S., Belousov, A.V., Bugay, D.V. et al., in Belousov, A.V., Shakhov, Yu.A. (ed.), Izd-vo un-ta Dmitriya Pozharskogo, Moscow, RUS.

5. Zagidullina, M.V. (2022), “Autonomy of the aesthetic as a basis of aesthetic theory”, *Terra Aestheticae*, no. (2–1) 10, pp. 11–28.

6. Kolomiets, G.G. (2024), “Art and Science as a Subject of Aesthetic Epistemology”, *RUDN J. of Philosophy*, vol. 28, no. 3, pp. 796–810. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-796-810

7. Kruglov, A.N. (2023), “A critique of cyclopean scholarship in the German philosophy of the 18th century”, *Lomonosov Philosophy J*., vol. 47, no. 5, pp. 69–89. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-4-69-89

8. Baumgarten, A.G. (1750), *Aesthetica scripsit*, Impens. Kleyb, I.C., Frankfurt a. O., GER.

9. Baumgarten, A.G. (1779), *Metaphysica*, Impens. Hemmerde, C.H., Magdeburg, GER.

10. Stepin, V.S., (2009), “Classical, non-classical, post-classical: criteria differences”, *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-Non-Classics: Philosophy, Science, Culture], in Kiyashchenko, L.P., Stepin, V.S. (ed.), Mir, Moscow, RUS, pp. 249–295.

11. Nevkrytaya, S.A. (2007), “The nature of artistic cognition in the context of scientific rationality”, Can. Sci. (Philosophy) Thesis, Moscow Pedagogical State Univ., Moscow, RUS.

12. Kopnin, P.V. (1974), *Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki* [Gnosiological and logical foundations of science], Mysl', Moscow, RUS.

13. Svirskii, S.Ya. (1975), "Artistic Cognition of the World and Its Role in Forming the Scientific Materialistic Worldview of Student Youth", Abstract of Dr. Sci. (Philosophy) dissertation, Academy of Sciences of the Uzbek SSR, Tashkent, USSR.

14. Stakun, G.A. (2010), "The Place and Role of Modeling in the System of Scientific and Artistic Cognition", Can. Sci. (Philosophy) Thesis, ChuvSU, Cheboksary, RUS.

15. Shilin, V.N. (1983), "Artistic idea as an object of theoretical cognition", Can. Sci. (Philosophy) Thesis, LSU, Leningrad, USSR.

16. Losev, A.F. (2019), *Uchenie o stile* [The doctrine of style], in Takho-Godi, A.A., Takho-Godi. E.A. (ed.), Nestor-Istoriya, Moscow, SPb., RUS.

17. Shvyrev, V.S. (2004), "On the humanitarization of contemporary scientific rationality", *Chelovek. Nauka. Tsivilizatsiya: k semidesyatiletiyu akademika V.S. Stepina* [Man. Science. Civilization: On the Seventieth Anniversary of Academician V. S. Stepin], In Kasavin, I.T. et al. (ed.), Moscow, Kanon+, pp. 483–493.

18. Fugate, C.D. (2023), "Baumgarten on the nature and role of metaphysics", *Metaphysics as a Science in Classical German Philosophy*, Dunphy, R., Lovat, T. (eds.), Routledge, NY, USA, pp. 50–72.

19. Narsky, I.S. (1985), "A. Baumgarten's philosophical and aesthetic ideas as one of the stimuli for Kant's theoretical development", *Kantovskiy sbornik*, no. 10, pp. 40–51.

20. Kant, I. (2024), *Kritik der reinen Vernunft. Kritik der praktischen Vernunft. Kritik der Urteilskraft*, Transl. by Losskii, N., Sokolov, N., Azbuka-Attikus, SPb., RUS.

21. Tedesco, S. (2021), "Preface to the Italian translation of A.G. Baumgarten's 'Aesthetics'", *Aesthetics*, Transl. by Belikov, G.S., Belousov, A.V., Bugay, D.V. et al., in Belousov, A.V., Shakhov, Yu.A. (ed.), Izd-vo un-ta Dmitriya Pozharskogo, Moscow, RUS, pp. 12–32.

22. Mikeshina, L.A. (2015), "Making of a Discipline in the Humanities in the Epoch of Enlightenment", *Philosophy and Culture*, no. 4, pp. 563–572. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.4.14136

23. Razeev, D.N. (2010), *Teleologiya Immanuila Kanta* [Immanuel Kant's teleology], Nauka, SPb., RUS.

Information about the author

Denis A. Tekhov – Postgraduate Student at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, philosophy of history, history of antiquity.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 02.04.2026; adopted after review 20.05.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 30–46

Оригинальная статья
УДК 141.7; 316.48(73)
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-30-46

Демографические изменения и политическая поляризация в США 1960–2020 гг.: политико-философский анализ

Федор Сергеевич Фомкин

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
iamfomkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9509-7997

Введение. Современная политическая поляризация в США представляет собой системный процесс, связанный с демографическими, культурными и институциональными трансформациями второй половины XX – начала XXI вв. Цель статьи состоит в выявлении политико-философского смысла взаимосвязи демографических изменений и политической поляризации как проявления кризиса политического единства, ценностного плюрализма и трансформации оснований гражданской солидарности.

Методология и источники. Исследование сочетает историко-генетический анализ с концептуальной реконструкцией. Эмпирическую базу составили данные Pew Research Center, Gallup, PRRI и Бюро переписи населения США, исследования в области политической науки и социологии, правовые акты, решения Верховного суда США и работы об эволюции медиасреды.

Результаты и обсуждение. Показано, что реформы 1960-х гг. инициировали идеологическую и электоральную перегруппировку партий и формирование современных политических коалиций. Выявлена связь между секуляризацией, ростом расового разнообразия и партийной идентичностью. Установлено, что отмена Fairness Doctrine, развитие партийных СМИ и социальных сетей способствовали формированию «эхо-камер» и усилению аффективной поляризации. Политический конфликт все чаще смещается от спора о конкретных мерах к спору о границах политического сообщества и допустимых основаниях общественного порядка. Это сопровождается ослаблением признания оппонента как легитимного участника общего политического пространства.

Заключение. Поляризация в США носит устойчивый и долгосрочный характер. Демографические и культурные сдвиги, поколенческая смена, пространственная сегрегация и трансформация медиасреды усиливают идентичностное и ценностное измерения конфликта. В политико-философской перспективе это означает кризис общего политического пространства, усиление логики взаимного исключения и ограниченность либеральных механизмов согласования конкурирующих представлений о свободе, справедливости и общественном благе.

Ключевые слова: США, политическая поляризация, аффективная поляризация, демографические изменения, иммиграция

Для цитирования: Фомкин Ф. С. Демографические изменения и политическая поляризация в США 1960–2020 гг.: политико-философский анализ // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-30-46

© Фомкин Ф. С., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 30–46

Original paper

Demographic Change and Political Polarization in the United States 1960–2020: A Political-Phylosophical Analysis

Fedor S. Fomkin

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
iamfomkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9509-7997

Introduction. Contemporary political polarization in the United States is a systemic process associated with demographic, cultural, and institutional transformations in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. The article examines the political-philosophical meaning of the relationship between demographic change and political polarization as a manifestation of a crisis of political unity, value pluralism, and the transformation of the foundations of civic solidarity.

Methodology and sources. The study combines historical-genetic analysis with conceptual reconstruction. Its empirical basis includes data from the Pew Research Center, Gallup, PRRI, and the U.S. Census Bureau, research in political science and sociology, legal acts, U.S. Supreme Court decisions, and studies on the evolution of the media environment.

Results and discussion. The reforms of the 1960s initiated the ideological and electoral realignment of the parties and the formation of modern political coalitions. The analysis identifies links between secularization, racial diversification, and partisan identity. The repeal of the Fairness Doctrine and the development of partisan media and social networks contributed to the formation of "echo chambers" and the intensification affective polarization. Political conflict increasingly shifts from disputes over specific measures to disputes over the boundaries of the political community and the permissible foundations of social order, weakening recognition of opponents as legitimate participants in common political space.

Conclusion. Polarization in the United States is persistent and long-term. Demographic and cultural shifts, generational change, spatial segregation, and transformation of media environment intensify the identity and value dimensions of conflict. From a political-philosophical perspective, this signifies a crisis of shared political space, the strengthening of the logic of mutual exclusion, and the limited capacity of liberal mechanisms to reconcile competing conceptions of freedom, justice, and the common good.

Keywords: United States, political polarization, affective polarization, demographic changes, immigration

For citation: Fomkin, F.S. (2026), "Demographic Change and Political Polarization in the United States 1960–2020: A Political-Phylosophical Analysis", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 30–46. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-30-46

Введение. За последние десятилетия облик американской нации претерпел довольно сильные изменения. Будучи некогда «вотчиной» белых консервативных христиан, Соединенные Штаты с течением времени трансформировались в мультиэтничное сообщество, где процент белого населения, как и процент христиан, неумолимо снижается [1–3]. Эти демографические сдвиги легли в основу более широкого политического процесса, известного как политическая поляризация – устойчивое и углубляющееся расхождение во взглядах, ценностях и партийной принадлежности между различными группами населения, при котором компромисс становится все менее возможным [4].

Однако для политико-философского анализа принципиально важно рассматривать указанные процессы не только как совокупность демографических и электоральных сдвигов,

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 30–46

но и как трансформацию самих оснований политического единства. Вопрос в данном случае заключается не просто в том, почему различные группы американского населения стали голосовать по-разному, а в том, что́ именно в условиях меняющейся этнокультурной и религиозной структуры общества начинает пониматься под «политическим народом», на каких основаниях возможно его символическое единство и где проходит граница между легитимным политическим конфликтом и распадом общей гражданской лояльности. Тем самым проблема поляризации переводится из плоскости прикладной политологии в плоскость политической философии как вопрос о судьбе общего мира в условиях углубляющегося ценностного и идентичностного расхождения.

Политическая поляризация в Соединенных Штатах – это не просто расхождение во мнениях по отдельным вопросам, а системное разделение общества на два почти непримиримых лагеря, каждый из которых выстраивает собственную политическую, культурную и даже информационную идентичность. Поляризация проявляется как на уровне электоральных предпочтений, так и на уровне восприятия друг друга: в 2022 г. 69 % республиканцев заявили, что считают демократов «ограниченными и узколобыми», и 83 % демократов сказали то же самое о республиканцах [5].

В этом отношении продуктивной представляется оптика Карла Шмитта, для которого сущность политического раскрывается не через административное управление и не через моральное согласование интересов, а через возможность различения друга и врага. Важно подчеркнуть, что у Шмитта речь идет не обязательно о буквальной войне, а о таком типе коллективного самоопределения, при котором противостоящая сторона начинает восприниматься как экзистенциально значимая угроза собственному способу жизни. Современная американская поляризация примечательна именно тем, что разногласия по вопросам миграции, религии, расы, абортов или культурных норм все чаще переживаются не как частные расхождения внутри общего политического пространства, а как симптомы несовместимости двух нормативных представлений об Америке. В этой связи демографические изменения значимы не сами по себе, а постольку, поскольку они становятся материалом для нового символического разграничения политического «мы» и политического «они» [6].

Важно подчеркнуть, что для шмиттианской перспективы решающим является не сам факт разногласий, а их интенсивность и способ описания противника. Политический конфликт радикализируется тогда, когда оппонент перестает восприниматься как легитимный участник общего порядка и начинает описываться как угроза допустимым основаниям совместной жизни. В этот момент спор о политике превращается в спор о границах политического сообщества, о том, кто составляет политическое «мы», а кто должен быть исключен как «чужой». Поэтому рост аффективной поляризации в США можно интерпретировать как усиление именно этой логики, при которой компромисс начинает выглядеть не как нормальный механизм демократии, а как уступка опасному лагерю [6; 7].

На институциональном уровне это выражается в параличе законодательной системы, резком снижении готовности к межпартийному сотрудничеству и росте конфликтов между уровнями власти. Дополнительным измерением современной поляризации стал рост политизации судебной власти. Верховный суд США, начиная с 2000-х гг., все чаще воспринимается как политизированный институт: согласно опросу, в 2022 г. только 25 % американцев

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 30–46

выражали высокий уровень доверия к Верховному суду, по сравнению с 47 % в 2000 г. [8]. Решения по таким вопросам, как право на аборт (дело Dobbs v. Jackson, 2022), иммиграция и позитивная дискриминация стали катализаторами общественного напряжения и еще более усилили партийную мобилизацию по обе стороны спектра.

Вместе с этим современное американское общество, переживающее рост вышеописанной политической поляризации, пребывает в затяжных спорах о будущем векторе политики государства [5]. Сторонники консервативного вектора сплотились вокруг Республиканской партии и Дональда Трампа, ставшего наиболее заметным политическим выражением современной консервативной мобилизации, в то время как сторонники либерального вектора отдают свое предпочтение Демократической партии и ее нынешним представительным лицам, по большому счету являющимися продолжателями курса, заложенного Бараком Обамой. Однако стоит заметить, что, хотя данная сила и называется либеральной в рамках современной американской политики, она довольно далека от классических представлений о либерализме Локка и Монтескье и по сути своей является скорее социал-демократической.

Одной из основных причин данного идеологического трайбализма в США является утрата единой белой христианской идентичности, вызванная демографическими изменениями. Именно той идентичности, некогда объединяющей всю американскую нацию на протяжении сотен лет.

В политико-философской перспективе речь идет не просто о смене демографических пропорций, а о споре вокруг символического определения политического «мы». Любое устойчивое национальное единство опирается на набор общих представлений и привычек, которые задают границы нормального и легитимного. Когда прежняя культурно-религиозная доминанта перестает восприниматься как само собой разумеющееся основание общности, возникает конкуренция проектов переописания нации. В таких условиях демография становится не причиной поляризации сама по себе, а материалом для политического самоописания, через который разные коалиции по-разному отвечают на вопрос о том, что значит быть «американцем» и какие нормы должны иметь публичную значимость [6].

Наряду с этим данная работа исходит из предположения, что современная американская поляризация не может быть адекватно понята в рамках наивной модели рационального консенсуса, предполагающей, что политические конфликты в конечном счете сводимы к недостатку информации или к несовершенству институтов согласования. Напротив, в духе плюрализма ценностей Исайи Берлина следует признать, что в политической жизни нередко сталкиваются не просто интересы, а равно укорененные, но принципиально несводимые друг к другу представления о свободе, справедливости, достоинстве, религиозной норме и общественном благе. Поэтому рост поляризации в США может рассматриваться как исторически конкретное проявление более общего философского факта: модерное общество не устраняет трагизм ценностного конфликта, а лишь институционально оформляет его, причем в кризисные периоды эти институциональные формы начинают давать сбой [9].

Чтобы не сводить поляризацию к статистически фиксируемой разнице мнений, в данной работе используется более строгий политико-философский критерий. Существенным считается не само расхождение позиций, а ослабление признания оппонента как легитимного участника общего политического порядка. Поляризация становится философски зна-

чимой там, где спор о конкретных мерах превращается в спор о границах политического сообщества, о том, кто вправе представлять «народ», и о допустимых основаниях совместной жизни. В этом смысле эмпирические индикаторы вроде падения доверия к институтам или роста аффективной антипатии интерпретируются как симптомы более глубокого процесса: размывания минимального общего поля, внутри которого конфликт остается политическим соперничеством, а не взаимным исключением [7; 8].

Методология и источники. Методологически данное исследование носит политико-философский характер и сочетает историко-генетический анализ с концептуальной реконструкцией. Исторический материал, статистические данные и результаты эмпирических исследований используются в статье не как самоцель, а как основание для философской интерпретации тех изменений, которые затрагивают структуру политической идентичности, условия гражданской солидарности и границы допустимого конфликта в современном обществе. Иными словами, задача работы состоит не только в описании роста поляризации в США, но и в прояснении того, каким образом демографические и культурные трансформации меняют саму форму политического сосуществования. В этом отношении исследование опирается на понятия политического различения, ценностного плюрализма и кризиса общего нормативного горизонта.

Эмпирическую базу исследования составили несколько групп источников. Во-первых, это данные крупнейших американских исследовательских центров – Pew Research Center, Gallup, Public Religion Research Institute (PRRI) и Бюро переписи населения США, предоставляющие репрезентативную статистику по демографическим сдвигам, религиозной самоидентификации, электоральным предпочтениям и уровню доверия к институтам. Во-вторых, были проанализированы академические работы ведущих американских политологов и социологов (Алана Абрамовица, Дианы Муц, Ричарда Альбы и др.), исследующие феномен партийно-идеологической поляризации и аффективной поляризации. Особое внимание уделялось исследованиям, опубликованным в рецензируемых журналах, таких как The Journal of Politics, Political Science Quarterly, PNAS и American Politics Research.

Третью группу источников составили исторические документы и правовые акты, такие как закон об иммиграции 1965 г., закон об избирательных правах 1965 г., а также решения Верховного суда США, которые оказали существенное влияние на партийную сортировку и углубление идеологического раскола. Для анализа медиафактора использовались исследования эволюции медиаландшафта, включая отмену «Доктрины справедливости» в 1987 г. и последующий рост партийных медиа.

Комплексное использование этих методов и источников позволило не просто констатировать факт углубления поляризации, но и выявить системную взаимосвязь между глубокими демографическими трансформациями, идеологической перестройкой партий, радикализацией медиасреды и ростом взаимной неприязни между сторонниками разных политических лагерей. Такой подход обеспечил целостность анализа и позволил предложить обоснованные прогнозы относительно дальнейшей динамики политического конфликта в США.

Результаты и обсуждение. Рассматривая эмпирическую динамику американской поляризации, важно помнить, что речь идет не только о росте разногласий по отдельным вопросам, но и о постепенном переходе от преимущественно процедурного соперничества к

конфликту идентичностей и базовых представлений о должном. Если раньше партии чаще выступали как конкурирующие представители интересов внутри общего конституционного поля, то сегодня само это поле все чаще оказывается предметом спора. Поэтому изменения 1960-х гг. важны не только исторически, но и философски: они обозначают этап, на котором политический спор все чаще превращается в спор о допустимых нормах, границах свободы и понимании справедливости.

Можно возразить, что рост поляризации является естественным проявлением демократической конкуренции и даже признаком политической вовлеченности. Однако философски важна граница между конфликтом внутри общего порядка и конфликтом, который ставит под сомнение сам общий порядок, включая признание оппонента и общих правил. Когда несогласие начинает сопровождаться убежденностью, что противоположный лагерь не просто ошибается, а не имеет права на политическое существование в качестве равноправной стороны, спор утрачивает процедурный характер и приобретает признаки экзистенциального раскола. Именно этот переход и является ключом к интерпретации американского случая, где политические разногласия все чаще переживаются как спор о «правильной» форме жизни и допустимых основаниях будущего.

Во многом корни нынешнего противостояния уходят в 1960-е гг. Подъем движения за гражданские права в начале 1960-х гг. объединил большое количество прогрессивных американцев, несогласных с сегрегационной политикой по отношению к небелому населению в некоторых штатах (преимущественно на юге) [10]. Результатом данной тенденции стало принятие в 1964 г. Акта о гражданских правах, запретившего расовую дискриминацию в общественных местах, сфере занятости и других регулируемых законом областях, а закон об избирательных правах 1965 г. запретил дискриминационные практики, ограничивавшие участие афроамериканцев в голосовании, включая тесты на грамотность [11; 12]. И хотя немалую роль в движении за гражданские права сыграли представители разных религиозных конфессий (преимущественно христианских), исходивших из принципа «нет ни эллина, ни иудея», по иронии судьбы, спустя полвека, идеологические наследники этой прогрессивной волны будут выступать в оппозиции религиозной части американского общества [10; 13]. Впрочем, за эти полвека изменился и сам дискурс прогрессивистов: к концу 1970-х гг. Верховный суд допустил учет расового признака как одного из факторов при приеме в университеты и колледжи, одновременно признав недопустимыми фиксированные расовые квоты [14], а в 1989 г. член палаты представителей Джон Коньерс представил законопроект об изучении вопроса о репарациях чернокожим [15]. Таким образом к XXI в. тема позитивной дискриминации и репараций заместила тему расового равенства, выдвинув вперед обсуждения о расплате перед потомками чернокожих, подвергшихся рабству.

Однако обратной стороной этих событий стала потеря Демократической партией части белых избирателей из южных штатов, а также дрейф ряда политиков из числа «южных демократов» в сторону Республиканской партии [16; 17]. В немалой степени это произошло из-за сочетания расовых установок белых южан и «краеугольного» для американской политики вопроса о самостоятельной власти штатов в противовес федеральной власти. Исследование И. Кузиемко и Э. Вашингтон показывает, что уход расово-консервативных белых южан объясняет снижение их относительной идентификации с Демократической партией в

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 30–46

1958–1980 гг. [16]. Усиление роли федерального правительства в социальной политике, включая интеграцию школ и борьбу с расовой дискриминацией в трудоустройстве, стало серьезным раздражителем для части южного белого электората. Однако именно в этот период Демократическая партия впервые сделала ставку на защиту небелого населения США, спустя десятилетия еще больше устремившись в данном направлении. Это стало поворотным моментом в американской политической истории, приведя к дальнейшей трансформации состава и идеологических позиций демократической и республиканской партий, где сторонники демократов – это прогрессивные американцы, преимущественно проживающие на севере США, а сторонники республиканцев – это консерваторы, преимущественно проживающие на юге [16; 17].

В этот же период 1960-х гг. Соединенные Штаты, как и остальной западный мир, переживали контркультурную революцию. Новые левые, вторая волна феминизма, хиппи и радикальные движения чернокожих не являлись единой силой, но всех их объединяла борьба с традиционным консервативным укладом. Если в этот период эту волну прогрессивных течений можно было назвать антиправительственной, то через десятилетия с постепенной трансформацией идеологических платформ партий эта волна уже будет представлять собой сторонников демократической партии в том смысле, что в наши дни эта политическая сила будет выступать уже не сколько против правительства, сколько против консерваторов в лице республиканской партии. Однако случится это не потому, что эти прогрессивные течения самостоятельно объединятся, сформировав единую силу, а по причине того, что представители демократической партии удачно адаптировали под их интересы свою идеологическую платформу [13].

Сокращение количества приверженцев христианства – традиционной для американского общества религии также имеет связь с прогрессивными идеологическими течениями 1960-х. После религиозного бума 1950-х гг., когда количество христиан и посещаемость церквей достигли рекордно высокого уровня, в 1960-х гг. наблюдался спад активности, особенно среди молодого поколения [18]. Исследование космоса, развитие инструментов контроля рождаемости и другие достижения науки заставляли многих усомниться в традиционном христианском мировоззрении, а расцвет культуры хиппи привел к тому, что многие американцы обращались к альтернативным духовным учениям, таким как буддизм, индуизм или нью-эйдж. Вместе с этим левонаправленная молодежь отличалась меньшей религиозностью, исходя из своих идеологических соображений.

Но по-настоящему беспрецедентное на тот момент сокращение числа христиан в США произошло к середине 1990-х гг. [19]. В период с 1991 г. по 1998 г. среди американцев в возрасте от 18 до 35 лет доля христиан сократилась с 87 % до 73 %, в то время как доля нерелигиозных увеличилась с 8 % до 20 %. С одной стороны, в эпоху Рональда Рейгана христианство все больше стало ассоциироваться с политическим консерватизмом, с другой, прогрессивно настроенных американцев все чаще стали волновать права сексуальных меньшинств, а частые нападки на них со стороны церкви вызывали протест у этой прогрессивной части общества Соединенных Штатов [13]. Также левые интеллектуалы 1960-х гг. уже выросли, и некоторые из них пополнили костяк американской академической среды, в дальнейшем воспроизводя выпускников университетов и колледжей с похожими взглядами, что подтверждает статистика: более образованные американцы как правило менее религиозные [20].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 30–46

Но если в 1990-х гг. основным трендом было снижение доли христиан среди молодого поколения, то в последующие два десятилетия, с начала 2000-х до 2020 гг., вслед за поколенческим переходом процесс снижения доли христиан и роста доли нерелигиозных граждан распространился и на другие возрастные группы [21]. Так, если в 2007 г. около 16 % взрослых американцев относили себя к категории религиозно неаффилированных, то в 2023–2024 гг. эта доля достигла 29 %, почти трети населения. Одновременно происходило снижение доли христиан в целом: с 78 % в 2007 г. до 62 % в 2023–2024 гг. [3]. Однако, как и ранее, особенно резко этот тренд выражен среди молодежи: среди американцев в возрасте от 18 до 24 лет доля религиозно неаффилированных составила 43 % [3].

Эти изменения не только отразили процессы секуляризации, но и стали важным фактором политической поляризации. Религиозная принадлежность в США все в большей степени стала коррелировать с партийной идентичностью. Исследования показывают, что нерелигиозные американцы с высокой вероятностью поддерживают Демократическую партию, в то время как традиционно религиозные группы, особенно белые евангелисты, все теснее ассоциируются с Республиканской партией и консервативной повесткой [22]. По данным выборов 2020 г., 84 % белых евангелистов проголосовали за Дональда Трампа, в то время как среди атеистов и агностиков 86 % поддержали Джо Байдена [23].

Политические предпочтения также имеют корреляцию не только на религиозном уровне, но и на расовом: в 2020 г. 84 % белых евангелистов проголосовали за Дональда Трампа, в то время как среди чернокожих протестантов 91 % поддержали кандидата от Демократической партии – Джо Байдена [23]. Таким образом, этноконфессиональный фактор также является важным маркером политической идентичности.

Сдвиги в религиозной структуре общества не только отражают культурные изменения, но и усиливают электоральное размежевание, формируя все более отчетливую линию разлома между секулярным, преимущественно городским северо-востоком и западным побережьем, и религиозно-консервативным «библейским поясом» США. Здесь особенно наглядно проявляется логика плюрализма ценностей Исайи Берлина. Для одной части американского общества приоритетными оказываются автономия личности, антидискриминационная чувствительность и расширение индивидуального выбора, а для другой – религиозно укорененные представления о добре, семье, авторитете и моральном порядке. В понимании Исайи Берлина здесь сталкиваются разные понимания свободы. Для одних она ближе к идее свободы как автономии и защиты от принуждения, для других к свободе как возможности жить в рамках разделяемого морального порядка, который воспринимается как условие общественного блага. Философская трудность состоит в том, что эти системы ценностей нередко конфликтуют не на уровне отдельных политических требований, а на уровне базовых представлений о должном. Поэтому поляризация в этом случае не может быть снята простым институциональным компромиссом: она воспроизводится как столкновение различных моральных онтологий, каждая из которых претендует на публичную значимость. Политическая поляризация, таким образом, обретает все более выраженное культурное и идентичностное измерение [9].

Тенденция к сокращению доли белого населения Соединенных Штатов аналогичным образом обусловлена процессами 1960-х гг. В 1965 г. конгресс США принял закон, который отменял принятые с 1920-х гг. нормы, согласно которым выходцы из западной и северной

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 30–46

Европы имели приоритет для иммиграции. Эти меры привели к значительной волне иммигрантов из Латинской Америки, Азии и Африки, в то время как иммиграция из Европы после второй мировой войны, напротив, значительно сократилась [24]. Экономический кризис латиноамериканских стран в 1980-х стал причиной увеличения темпов иммиграции в США, а грандиозный рост американской экономики в 1990-х значительно повысил спрос на рабочую силу, что обоснованно интенсифицировало процессы иммиграции [1; 25]. На фоне роста нелегальной иммиграции власти Соединенных Штатов усилили контроль на границе. Если ранее приезжие из Мексики и других латиноамериканских стран нередко нанимались на сезонные заработки и затем возвращались на родину, то теперь им было куда сложнее пересекать границу, что стало стимулом для долгосрочного пребывания в США [25].

Важным фактором также является то, что на фоне снижения рождаемости среди неиспаноязычного белого населения меняется возрастная структура основных расово-этнических групп. По пересмотренным оценкам Бюро переписи населения США, в 2013 г. число младенцев из расовых и этнических меньшинств впервые превысило число неиспаноязычных белых младенцев, а в 2015 г. доля меньшинств среди детей младше одного года составила 50,2 % [26]. Согласно прогнозу, начиная с 2045 г., неиспаноязычные белые американцы составят менее 50 % населения США, хотя останутся крупнейшей отдельной расово-этнической группой [27]. Это вызывает тревогу у части белого электората, особенно в консервативных кругах, где растет восприятие демографического сдвига как «угрозы культурной идентичности» [28].

Интересен тот факт, что латиноамериканское население Соединенных Штатов за последние годы проявляет все больший интерес к Республиканской партии [1]. Традиционно голосуя за демократов, немалая доля латиноамериканцев еще со времен Рональда Рейгана отдавала свои голоса за республиканцев, поскольку в силу своей религиозности их в той или иной степени привлекали социальный консерватизм и христианские ценности Республиканской партии, а в случае с беженцами из стран с социалистическими тенденциями в политике левая политика демократической партии вызывает у них меньше симпатий [29; 30]. Однако с течением времени, демократы все больше сдвигались в сторону усиления социального прогрессивизма, параллельно с этим росла доля латиноамериканцев, голосующих за республиканцев. На выборах 2024 г., несмотря на антимигрантскую риторику Дональда Трампа, доля латиноамериканцев, проголосовавших за него, практически сравнялась с долей, проголосовавших за Камалу Харрис: 48 % против 51 % соответственно [31].

Медийная трансформация в данном контексте значима не только как технологический фактор распространения информации, но и как изменение условий публичности как таковой. Если политика предполагает наличие хотя бы минимально общего пространства видимости, в рамках которого конкурирующие позиции могут быть предъявлены друг другу как позиции внутри одного политического мира, то фрагментация медиа подрывает именно это условие. В терминах Майкла Оукшотта можно сказать, что политика все меньше воспринимается как практика сосуществования в рамках общих правил и все чаще как мобилизационный проект, направленный на навязывание обществу единственно верной морально-идеологической линии. В такой ситуации компромисс начинает казаться не формой гражданской зрелости, а проявлением слабости или измены собственному лагерю [32].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 30–46

Одним из недооцененных, но фундаментально значимых факторов, усиливших политическую поляризацию в Соединенных Штатах, стало развитие средств массовой информации и особенно социальных сетей. Эволюция американского медиапространства с 1960-х гг. по настоящее время сыграла ключевую роль в изменении характера политического участия, формирования идентичностей и углублении идеологического конфликта.

Еще в середине XX в., в эпоху доминирования так называемых «сетевых новостей» (network news), информационное поле США характеризовалось высокой степенью унификации и институциональной легитимности. Ведущие телекомпании (такие как: CBS, NBC и ABC) транслировали политические события в нейтральной тональности, обеспечивая тем самым основу для относительного общественного консенсуса. Однако уже в 1987 г., с отменой так называемой «Доктрины справедливости» (Fairness Doctrine) – регуляции Федеральной комиссии по связи (FCC), обязывающей радиостанции предоставлять сбалансированное освещение спорных политических тем, начался сдвиг к идеологически окрашенной риторике в медиа [33]. Это решение открыло путь к появлению откровенно партийных медиа, таких как консервативные радиошоу в 1990-х (Раш Лимбо, Шон Хэннити и др.) и позднее телеканала Fox News, основанного в 1996 г. Рупертом Мердоком и Роджером Эйлсом.

Именно Fox News стал важнейшим институтом формирования новой правоконсервативной политической идентичности. В 2004 г. 41 % регулярных зрителей Fox News идентифицировали себя как республиканцы, а 52 % называли себя консерваторами [34]. В 2014 г. 47 % идеологически последовательных консерваторов называли Fox News основным источником новостей о политике и государстве, а 88 % выражали доверие этому телеканалу [35]. Хотя эти показатели относятся к разным выборкам и не позволяют напрямую измерить изменение партийного состава аудитории за десятилетие, они демонстрируют высокую концентрацию консервативной аудитории вокруг Fox News. Стоит заметить, что значительно более высокие показатели сторонников Республиканской партии среди аудитории Fox News относительно сторонников Демократической партии среди зрителей CNN и MSNBC, обусловлены не большей поляризацией среди республиканцев, а тем фактом что Fox News является практически единственным крупным консервативным телеканалом среди федеральных телесетей Соединенных Штатов. Таким образом, уже к 2000-м гг. американская медиасреда де-факто распалась на идеологические лагеря, обслуживающие различные сегменты электората.

С развитием интернета и особенно социальных сетей после 2010 г. процесс поляризации усилился многократно. Алгоритмические ленты новостей в таких платформах, как Facebook[1], Twitter[2] (ныне X), YouTube и TikTok, способствуют созданию так называемых «эхо-камер» – информационных пузырей, в рамках которых пользователи потребляют только подтверждающие их взгляды материалы [36; 37]. Согласно данным Pew Research Center, в 2024 г. 54 % взрослых американцев получали новости из социальных сетей по крайней мере иногда [38]. Социальные сети не только усиливают эффект «эхо-камер», но и способствуют радикализации взглядов. При этом важную роль играет эмоциональная вовлеченность: контент, вызывающий возмущение, тревогу или гнев, получает больший охват

[1] Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации. Принадлежит экстремистской организации.
[2] Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации.

[39], что делает политическое взаимодействие все более аффективным и способствует формированию так называемой «аффективной поляризации» – формы политической поляризации, при которой усиливается не столько различие во взглядах между сторонниками различных партий, сколько взаимная антипатия, недоверие и негативные эмоции по отношению к сторонникам противоположного политического лагеря [7]. В условиях аффективной поляризации граждане начинают воспринимать оппонентов не просто как носителей иных взглядов, но как угрозу для общества, морали и самой нации. Этот феномен сопровождается ростом социальной сегрегации, снижением готовности к компромиссу и увеличением межпартийной враждебности, даже в повседневной жизни.

На этом фоне наметился рост доверия к медиа внутри лагерей и одновременное снижение доверия к общенациональной прессе. Согласно данным Института Гэллапа, в 2023 г. лишь 32 % американцев заявили, что доверяют массмедиа «в значительной степени» или «в целом», при этом среди республиканцев этот показатель составил всего 11 %, а среди демократов – 58 % [40]. Это указывает на дисфункциональность медиапространства как общего института, некогда игравшего интегративную роль.

В шмиттианских терминах здесь важно то, что медиасреда способствует не просто информированию, а морализации конфликта. Когда политические разногласия описываются как борьба добра и зла, противник легче превращается в недопустимого, а не просто ошибающегося. Это усиливает различение «свои и чужие» и снижает готовность признавать общие правила и нейтральные процедуры как обязательные для обеих сторон.

Таким образом, американская медиаэкосистема из средства массового просвещения превратилась в инструмент сегментированной мобилизации, где каждая сторона усиливает свою идентичность, одновременно демонизируя оппонента. Это радикально усложняет любые формы компромисса и усиливает ощущение, что политическая борьба – это борьба не за власть, а за культурное выживание.

Заключение. Выполненный анализ позволяет сделать вывод, что политическая поляризация в США представляет собой не только институциональный или электоральный кризис, но прежде всего кризис общего политического мира. Демографические изменения, секуляризация, перестройка партийных коалиций и медиальная сегментация важны постольку, поскольку они затрагивают более фундаментальный вопрос: возможно ли в условиях нарастающего ценностного и идентичностного расхождения сохранять представление о едином политическом сообществе. С точки зрения политической философии американский случай демонстрирует пределы как упрощенного консенсусного либерализма, так и веры в автоматическую интеграцию различий посредством процедур. Там, где общество утрачивает общее представление о легитимности оппонента, политическое соперничество начинает дрейфовать в сторону шмиттианской логики взаимного исключения; там же, где конфликтующие стороны больше не признают соизмеримости своих ценностных порядков, обнаруживается трагизм плюралистического мира Исайи Берлина [6; 9].

Эти процессы за десятилетия привели к сдвигам в демографии и образованию новых избирательных коалиций в Соединенных Штатах. Если в 1960-х, как уже говорилось, средний американский избиратель представлял собой белого христианина, проживающего в достаточно гомогенном обществе, то к нынешнему времени облик этого среднего избирателя

достаточно сильно диверсифицировался, и структура общества логичным образом стала намного более гетерогенной. Вслед за идеологическими сдвигами партийных платформ общество США раскололось на два противоборствующих лагеря, а изменившаяся за это время медиасреда только интенсифицировала эти процессы. Один из этих лагерей пытается сохранить наследие «белой христианской Америки», в то время как другой лагерь пытается от этого наследия избавиться, что иллюстрирует современное положение поляризованного общества Соединенных Штатов.

Исходя из изложенных факторов – демографических, культурных, идеологических и институциональных можно предположить, что в обозримом будущем Соединенные Штаты вряд ли вернутся к состоянию политического консенсуса, характерного для послевоенного периода. Напротив, все указывает на то, что политическая поляризация продолжит углубляться, принимая все более идентичностную и эмоционально окрашенную форму. Как показывают исследования, в 2022 г. 62 % республиканцев и 54 % демократов заявили, что имеют очень неблагоприятное мнение о сторонниках противоположной партии, также 72 % республиканцев и 63 % демократов утверждали, что представители противоположной партии являются более безнравственными по сравнению с другими американцами [5]. Подобные показатели с течением времени только растут, что говорит о куда более вероятном в дальнейшем усилении политической поляризации в Соединенных Штатах.

Одним из ключевых факторов, определяющих вектор дальнейшего развития, является поколенческая смена. Новое поколение избирателей, формирующееся в условиях высокой секуляризации, цифровизации и мультикультурности, все чаще отказывается от традиционной партийной идентичности, но при этом склонно к выраженной ценностной поляризации. Согласно опросу Гарвардского Института политики 2023 г., менее половины (42 %) опрошенных молодых американцев в возрасте от 18 до 29 лет, выросших в консервативных семьях, сегодня идентифицируют себя как республиканцы, тогда как 36 % называют себя независимыми, а 21 % демократами. Среди тех, кто вырос в либеральных семьях, лишь 60 % остались в рамках демократической идентичности, при том, что почти треть (31 %) теперь считают себя независимыми. Эти данные подтверждают, что молодежь в США все чаще отказывается от наследуемой партийной принадлежности, выбирая вместо этого ценностную самоидентификацию [41].

Дополнительным фактором усиления конфликта может стать пространственная сегрегация электоральных предпочтений, когда «синие» города и «красные» сельские округа формируют почти замкнутые информационные и культурные кластеры [42]. Это делает невозможной не только широкую общественную солидарность, но и практическое функционирование двухпартийной системы в ее классическом виде. Уже сегодня наблюдаются признаки институционального блокирования, выражающегося в постоянных конфликтах между Конгрессом и Белым домом, судебной властью и исполнительной ветвью, федеральными и региональными структурами.

Следовательно, философское значение американской поляризации состоит в том, что она выявляет хрупкость модерного политического порядка, основанного на предположении о совместимости растущего многообразия и устойчивого гражданского единства. Американский опыт показывает, что демографический плюрализм сам по себе не гарантирует политической

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 30–46
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 30–46

интеграции, а институциональные процедуры не способны автоматически нейтрализовать конфликты, затрагивающие коллективную идентичность, историческую память и представления о моральной норме. Поэтому дальнейшая динамика поляризации в США должна рассматриваться не только как сюжет внутренней американской политики, но и как философски значимый пример того, каким образом в позднем модерне переопределяются пределы общего мира, политической лояльности и самой возможности национального единства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петровская Н. Е. Трансформация этнической структуры электората США // Соврем. мировая экономика. 2024. Т. 2. № 3 (7). С. 66–93. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-3-66-93

2. Alba R., Maggio C. Demographic change and assimilation in the early 21st-century United States // Proc. of the National Academy of Sci. of the United States of America. 2022. Vol. 119, № 13: e2118678119. DOI: 10.1073/pnas.2118678119

3. Decline of Christianity in the U.S. Has Slowed, May Have Leveled Off // Pew Research Center. 14.02.2025. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2025/02/26/decline-of-christianity-in-the-us-has-slowed-may-have-leveled-off/pr_2025-02-26_religious-landscape-study_0-06/ (дата обращения: 20.04.2025).

4. Abramowitz A. I. The Polarized American Electorate: The Rise of Partisan-Ideological Consistency and Its Consequences // Political Science Quarterly. 2022. Vol. 137, № 4. P. 645–674. DOI: 10.1002/polq.13388

5. As Partisan Hostility Grows, Signs of Frustration With the Two-Party System // Pew Research Center. 09.08.2022. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2022/08/09/as-partisan-hostility-grows-signs-of-frustration-with-the-two-party-system (дата обращения: 20.04.2025).

6. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. А. Филиппова. СПб.: Наука, 2016.

7. Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. Affect, Not Ideology: A Social Identity Perspective on Polarization // Public Opinion Quarterly. 2012. Vol. 76, № 3. P. 405–431. DOI: 10.1093/poq/nfs038

8. Jones J. M. Confidence in U.S. Supreme Court Sinks to Historic Low // Gallup. 23.06.2022. URL: https://news.gallup.com/poll/394103/americans-confidence-supreme-court-sinks-historic-low.aspx (дата обращения: 20.04.2025).

9. Berlin I. Two Concepts of Liberty: An Inaugural Lecture Delivered Before the University of Oxford on 31 October 1958. Oxford: Clarendon Press, 1958.

10. Morris A. D. A Retrospective on the Civil Rights Movement: Political and Intellectual Landmarks // Annual Review of Sociology. 1999. Vol. 25. P. 517–539. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.soc.25.1.517

11. Civil Rights Act (1964) // The U.S. National Archives and Records Administration. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/civil-rights-act (дата обращения: 20.04.2026).

12. Voting Rights Act (1965) // The U.S. National Archives and Records Administration. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/voting-rights-act (дата обращения: 20.04.2026).

13. Layman G. C. The Great Divide: Religious and Cultural Conflict in American Party Politics. NY: Columbia Univ. Press, 2001.

14. Regents of the University of California v. Bakke. 438 U.S. 265. 1978 // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/438/265/ (дата обращения: 20.04.2026).

15. H. R. 3745 – Commission to Study Reparation Proposals for African Americans Act. 101st Congress // Congress.gov. URL: https://www.congress.gov/bill/101st-congress/house-bill/3745 (дата обращения: 20.04.2026).

16. Kuziemko I., Washington E. Why Did the Democrats Lose the South? Bringing New Data to an Old Debate // American Economic Review. 2018. Vol. 108, № 10. P. 2830–2867. DOI: 10.1257/aer.20161413

17. Black M. The Transformation of the Southern Democratic Party // The J. of Politics. 2004. Vol. 66, № 4. P. 1001–1017. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2004.00287.x

18. Putnam R. D., Campbell D. E. American Grace: How Religion Divides and Unites Us. NY: Simon & Schuster, 2010.

19. How America's Youth Lost Its Religion in the 1990s // National Catholic Reporter. 19.04.2022. URL: https://www.ncronline.org/news/opinion/how-americas-youth-lost-its-religion-1990s (дата обращения: 20.04.2026).

20. In America, Does More Education Equal Less Religion? // Pew Research Center. 26.04.2017. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2017/04/26/in-america-does-more-education-equal-less-religion/ (дата обращения: 20.04.2026).

21. Religious Change in America // Public Religion Research Institute. 27.03.2024. URL: https://www.prri.org/research/religious-change-in-america (дата обращения: 20.04.2025).

22. Party Identification Among Religious Groups and Religiously Unaffiliated Voters // Pew Research Center. 09.04.2024. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2024/04/09/party-identification-among-religious-groups-and-religiously-unaffiliated-voters/ (дата обращения: 20.04.2026).

23. Igielnik R., Keeter S., Hartig H. Behind Biden's 2020 Victory // Pew Research Center. 30.06.2021. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2021/06/30/behind-bidens-2020-victory/ (дата обращения: 20.04.2025).

24. Hatton T. J. United States Immigration Policy. The 1965 Act and Its Consequences // The Scandinavian J. of Economics. 1965. Vol. 117, iss. 2. P. 347–368. DOI: 10.1111/sjoe.12094

25. Durand J., Douglas S. M. Evolution of the Mexico-U.S. Migration System: Insights from the Mexican Migration Project // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2019. Vol. 684, № 1. P. 21–42. DOI: 10.1177/0002716219857667

26. It's Official: Minority Babies Are the Majority Among the Nation's Infants, but Only Just // Pew Research Center. 23.06.2016. URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2016/06/23/its-official-minority-babies-are-the-majority-among-the-nations-infants-but-only-just/ (дата обращения: 20.04.2026).

27. Vespa Jo., Armstrong D. M., Medina L. Demographic Turning Points for the United States: Population Projections for 2020 to 2060 // U.S. Census Bureau. 13.02.2020. URL: https://www.census.gov/library/publications/2020/demo/p25-1144.html (дата обращения: 20.04.2025).

28. Mutz D. C. Status Threat, Not Economic Hardship, Explains White Working-Class Support for Trump // PNAS. 2018. Vol. 115, № 19. P. E4330-E4339. DOI: 10.1073/pnas.1718155115

29. De la Garza R. O., Cortina J. Are Latinos Republicans But Just Don't Know It? The Latino Vote in the 2000 and 2004 Presidential Elections // American Politics Research. 2007. Vol. 35, № 2. P. 202–223. DOI: 10.1177/1532673X06294885

30. Portes A., Mozo R. The Political Adaptation Process of Cubans and Other Ethnic Minorities in the United States. A Preliminary Analysis // The Int. Migration Review. 1985. Vol. 19, № 1. P. 35–63. DOI: 10.2307/2545655

31. Behind Trump's 2024 Victory, a More Racially and Ethnically Diverse Voter Coalition / H. Hartig, S. Keeter, A. Daniller, T. Van Green // Pew Research Center. 26.06.2025. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2025/06/26/behind-trumps-2024-victory-a-more-racially-and-ethnically-diverse-voter-coalition/ (дата обращения: 20.04.2026).

32. Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays. Indianapolis: Liberty Fund, 1991.

33. Napoli Ph. M. Back from the dead (again). The specter of the Fairness Doctrine and its lesson for social media regulation // Policy & Internet. 2021. Vol. 13, № 2. P. 300–314. DOI: 10.1002/poi3.253

34. News Audiences Increasingly Politicized // Pew Research Center. 08.06.2004. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2004/06/08/news-audiences-increasingly-politicized/ (дата обращения: 20.04.2025).

35. Political Polarization & Media Habits / A. Mitchell, Je. Gottfried, Jo. Kiley, K. E. Matsa // Pew Research Center. 21.10.2014. URL: https://www.pewresearch.org/journalism/2014/10/21/political-polarization-media-habits/ (дата обращения: 20.04.2025).

36. The Echo Chamber Effect on Social Media / M. Cinelli, G. De Francisci Morales, A. Galeazzi et al. // Proc. of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. Vol. 118, № 9: e2023301118. DOI: 10.1073/pnas.2023301118

37. Users Polarization on Facebook and YouTube / A. Bessi, F. Zollo, M. Del Vicario et al. // PLOS ONE. 2016. Vol. 11, № 8: e0159641. DOI: 10.1371/journal.pone.0159641

38. Social Media and News Fact Sheet // Pew Research Center. 25.09.2025. URL: https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/social-media-and-news-fact-sheet/ (дата обращения: 20.04.2026).

39. Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content in Social Networks / W. J. Brady, J. A. Wills, J. T. Jost et al. // Proc. of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2017. Vol. 114, № 28. P. 7313–7318. DOI: 10.1073/pnas.1618923114

40. Brenan M. Media Confidence in U.S. Matches 2016 Record Low // Gallup. 19.10.2023. URL: https://news.gallup.com/poll/512861/media-confidence-matches-2016-record-low.aspx (дата обращения: 20.04.2026).

41. Harvard Youth Poll // Harvard Kennedy School The Institute of Politics. 24.04.2023. URL: https://iop.harvard.edu/youth-poll/45th-edition-spring-2023 (дата обращения: 20.04.2025).

42. Bishop B. The Big Sort: Why the Clustering of Like-Minded America Is Tearing Us Apart. Boston: Houghton Mifflin, 2008.

Информация об авторе

Фомкин Федор Сергеевич – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, политическая поляризация в североамериканских демократиях.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.09.2025; принята после рецензирования 21.04.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Petrovskaya, N.E. (2024), “Transformation of the Ethnic Structure of the US Electorate”, *Contemporary World Economy*, vol. 2, no. 3 (7), pp. 66–93. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-3-66-93

2. Alba, R. and Maggio, C. (2022), “Demographic change and assimilation in the early 21st-century United States”, *Proc. of the National Academy of Sci. of the United States of America*, vol. 119, no. 13: e2118678119. DOI: 10.1073/pnas.2118678119

3. “Decline of Christianity in the U.S. Has Slowed, May Have Leveled Off” (2025), *Pew Research Center*, 14.02.2025, available at: https://www.pewresearch.org/religion/2025/02/26/decline-of-christianity-in-the-us-has-slowed-may-have-leveled-off/pr_2025-02-26_religious-landscape-study_0-06/ (accessed 20.04.2025).

4. Abramowitz, A.I. (2022), “The Polarized American Electorate: The Rise of Partisan-Ideological Consistency and Its Consequences”, *Political Science Quarterly*, vol. 137, no. 4, pp. 645–674. DOI: 10.1002/polq.13388

5. “As Partisan Hostility Grows, Signs of Frustration With the Two-Party System” (2022), *Pew Research Center*, 09.08.2022, available at: https://www.pewresearch.org/politics/2022/08/09/as-partisan-hostility-grows-signs-of-frustration-with-the-two-party-system (accessed 20.04.2025).

6. Schmitt, C. (2007), *Der Begriff des Politischen*, Transl. by Filippov, A., Nauka, SPb., RUS.

7. Iyengar, S., Sood, G. and Lelkes, Y. (2012), “Affect, Not Ideology: A Social Identity Perspective on Polarization”, *Public Opinion Quarterly*, vol. 76, no. 3, pp. 405–431. DOI: 10.1093/poq/nfs038

8. Jones, J.M. (2022), “Confidence in U.S. Supreme Court Sinks to Historic Low”, *Gallup*, 23.06.2022, available at: https://news.gallup.com/poll/394103/americans-confidence-supreme-court-sinks-historic-low.aspx (accessed 20.04.2025).

9. Berlin, I. (1958), *Two Concepts of Liberty: An Inaugural Lecture Delivered Before the University of Oxford on 31 October 1958*, Clarendon Press, Oxford, UK.

10. Morris, A.D. (1999), "A Retrospective on the Civil Rights Movement: Political and Intellectual Landmarks", *Annual Review of Sociology*, vol. 25, pp. 517–539. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.soc.25.1.517

11. "Civil Rights Act (1964)", *The U.S. National Archives and Records Administration*, available at: https://www.archives.gov/milestone-documents/civil-rights-act (accessed 20.04.2026).

12. "Voting Rights Act (1965)", *The U.S. National Archives and Records Administration*, available at: https://www.archives.gov/milestone-documents/voting-rights-act (accessed 20.04.2026).

13. Layman, G.C. (2001), *The Great Dvide: Religious and Cultural Conflict in American Party Politics*, Columbia Univ. Press, NY, USA.

14. "Regents of the University of California v. Bakke. 438 U.S. 265. 1978", *Justia U.S. Supreme Court Center*, available at: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/438/265/ (accessed 20.04.2026).

15. "H. R. 3745 – Commission to Study Reparation Proposals for African Americans Act. 101st Congress", *Congress.gov*, available at: https://www.congress.gov/bill/101st-congress/house-bill/3745 (accessed 20.04.2026).

16. Kuziemko, I. and Washington, E. (2018), "Why Did the Democrats Lose the South? Bringing New Data to an Old Debate", *American Economic Review*, vol. 108, no. 10, pp. 2830–2867. DOI: 10.1257/aer.20161413

17. Black, M. (2004), "The Transformation of the Southern Democratic Party", *The J. of Politics*, vol. 66, no. 4, pp. 1001–1017. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2004.00287.x

18. Putnam, R.D. and Campbell, D.E. (2010), *American Grace: How Religion Divides and Unites Us.*, Simon & Schuster, NY, USA.

19. "How America's Youth Lost Its Religion in the 1990s" (2022), *National Catholic Reporter*, 19.04.2022, available at: https://www.ncronline.org/news/opinion/how-americas-youth-lost-its-religion-1990s (accessed 20.04.2026).

20. "In America, Does More Education Equal Less Religion?" (2017), *Pew Research Center*, 26.04.2017, available at: https://www.pewresearch.org/religion/2017/04/26/in-america-does-more-education-equal-less-religion/ (accessed 20.04.2026).

21. "Religious Change in America" (2024), *Public Religion Research Institute*, 27.03.2024, available at: https://www.prri.org/research/religious-change-in-america (accessed 20.04.2025).

22. "Party Identification Among Religious Groups and Religiously Unaffiliated Voters" (2024), *Pew Research Center*, 09.04.2024, available at: https://www.pewresearch.org/politics/2024/04/09/party-identification-among-religious-groups-and-religiously-unaffiliated-voters/ (accessed 20.04.2026).

23. Igielnik, R., Keeter, S. and Hartig, H. (2021), "Behind Biden's 2020 Victory", *Pew Research Center*, 30.06.2021, available at: https://www.pewresearch.org/politics/2021/06/30/behind-bidens-2020-victory/ (accessed 20.04.2025).

24. Hatton, T.J. (1965), "United States Immigration Policy: The 1965 Act and Its Consequences", *The Scandinavian J. of Economics*, vol. 117, iss. 2, pp. 347–368. DOI:10.1111/sjoe.12094

25. Durand, J. and Douglas, S.M. (2019), "Evolution of the Mexico-U.S. Migration System: Insights from the Mexican Migration Project", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 684, no. 1, pp. 21–42. DOI: 10.1177/0002716219857667

26. "It's Official: Minority Babies Are the Majority Among the Nation's Infants, but Only Just" (2016), *Pew Research Center*, 23.06.2016, available at: https://www.pewresearch.org/short-reads/2016/06/23/its-official-minority-babies-are-the-majority-among-the-nations-infants-but-only-just/ (accessed 20.04.2026).

27. Vespa, Jo., Armstrong, D.M. and Medina, L. (2020), "Demographic Turning Points for the United States: Population Projections for 2020 to 2060", *U.S. Census Bureau*, 13.02.2020, available at: https://www.census.gov/library/publications/2020/demo/p25-1144.html (accessed 20.04.2025).

28. Mutz, D.C. (2018), "Status Threat, Not Economic Hardship, Explains White Working-Class Support for Trump", *PNAS*, vol. 115, no. 19, pp. E4330–E4339. DOI: 10.1073/pnas.1718155115

29. De la Garza, R.O. and Cortina, J. (2007), "Are Latinos Republicans But Just Don't Know It? The Latino Vote in the 2000 and 2004 Presidential Elections", *American Politics Research*, vol. 35, no. 2, pp. 202–223. DOI: 10.1177/1532673X06294885

30. Portes, A. and Mozo, R. (1985), "The Political Adaptation Process of Cubans and Other Ethnic Minorities in the United States: A Preliminary Analysis", *The Int. Migration Review*, vol. 19, no. 1, pp. 35–63. DOI: 10.2307/2545655

31. Hartig, H., Keeter, S., Daniller, A. and Van Green, T. (2025), "Behind Trump's 2024 Victory, a More Racially and Ethnically Diverse Voter Coalition", *Pew Research Center*, 26.06.2025, available at: https://www.pewresearch.org/politics/2025/06/26/behind-trumps-2024-victory-a-more-racially-and-ethnically-diverse-voter-coalition/ (accessed 20.04.2026).

32. Oakeshott, M. (1991), *Rationalism in Politics and Other Essays*, Liberty Fund, Indianapolis, USA.

33. Napoli, P.M. (2021), "Back from the dead (again): The specter of the Fairness Doctrine and its lesson for social media regulation", *Policy & Internet*, vol. 13, no. 2, pp. 300–314. DOI: 10.1002/poi3.253

34. "News Audiences Increasingly Politicized" (2004), *Pew Research Center*, 08.07.2004, available at: https://www.pewresearch.org/politics/2004/06/08/news-audiences-increasingly-politicized/ (accessed 20.04.2025).

35. Mitchell, A., Gottfried, Je., Kiley, Jo. and Matsa, K.E. (2014), "Political Polarization & Media Habits", *Pew Research Center*, 21.10.2014, available at: https://www.pewresearch.org/journalism/2014/10/21/political-polarization-media-habits/ (accessed 20.04.2025).

36. Cinelli, M., De Francisci Morales, G., Galeazzi, A. et al. (2021), "The Echo Chamber Effect on Social Media", *Proc. of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 118, no. 9: e2023301118. DOI: 10.1073/pnas.2023301118

37. Bessi, A., Zollo, F., Del Vicario, M. et al. (2016), "Users Polarization on Facebook and YouTube", *PLOS ONE*, vol. 11, no. 8: e0159641. DOI: 10.1371/journal.pone.0159641

38. "Social Media and News Fact Sheet" (2025), *Pew Research Center*, 25.09.2025, available at: https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/social-media-and-news-fact-sheet/ (accessed 20.04.2026).

39. Brady, W.J., Wills, J.A., Jost, J.T. et al. (2017), "Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content in Social Networks", *Proc. of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 114, no. 28, pp. 7313–7318. DOI: 10.1073/pnas.1618923114

40. Brenan, M. (2023), "Media Confidence in U.S. Matches 2016 Record Low", *Gallup*, 19.10.2023, available at: https://news.gallup.com/poll/512861/media-confidence-matches-2016-record-low.aspx (accessed 20.04.2026).

41. "Harvard Youth Poll" (2023), *Harvard Kennedy School The Institute of Politics*, 24.04.2023, available at: https://iop.harvard.edu/youth-poll/45th-edition-spring-2023 (accessed 20.04.2025).

42. Bishop, B. (2008), *The Big Sort: Why the Clustering of Like-Minded America Is Tearing Us Apart*, Houghton Mifflin, Boston, USA.

Information about the author

Fedor S. Fomkin – Research Assistant, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva st., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, political polarization in north American democracies.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 01.09.2025; adopted after review 21.04.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

Оригинальная статья
УДК 130.2/72.01
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-47-57

Архитектура космизма как феномен философско-культурологического исследования

***Евгения Викторовна Пирайнен*[1]✉, *Анастасия Васильевна Астахова*[2]**

[1, 2]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[1]✉*evpiraynen@etu.ru, https://orcid.org/0009-0006-0905-5843*

[2]*astakhova.a.v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-4320-2381*

Введение. Статья посвящена осмыслению архитектуры космизма как особого феномена в истории архитектурной мысли. Материальной основой исследования стали проекты русского авангарда 1920–1930-х гг., на которые оказали влияние идеи русского космизма и в которых нашли отражение представления о будущем, освоении новых пространств и роли технологий в преобразовании человеческой среды, хотя география исследуемого феномена не ограничивается рамками исключительно русской культуры. В работе рассматриваются архитектурные концепции, связанные с супрематизмом, конструктивизмом и авангардными экспериментами, а также выявляются объединяющие их принципы.

Методология и источники. Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем искусствоведческий, философский и историко-архитектурный анализ. В работе применяется сравнительно-исторический метод, который помогает проследить связь между идеями русского космизма и архитектурными поисками авангарда начала XX в. Для выявления ключевых мировоззренческих, пространственных и композиционных принципов используется структурно-аналитический подход. Архитектура космизма рассматривается как сложное явление, сформировавшееся на пересечении философии, науки и художественной практики, что определяет использование системного метода исследования.

Результаты и обсуждение. В статье демонстрируется связь философско-научных идей космизма с явлением художественной жизни начала XX в., а именно отражение идей космизма в архитектуре. Отстаивается право на существование «архитектуры космизма» как самостоятельного понятия, которое до сих пор не получило устойчивого употребления в философской литературе. С этой целью потребовалось выявить признаки архитектуры космизма, и определить критерии для архитектурных объектов (проектов).

Заключение. Выполненное исследование показывает, что архитектуру космизма можно определить как концептуальное направление, отражающее философские идеи о единстве человека с космосом и возможности архитектурного изменения пространства с помощью новейших научно-технических технологий. Это позволяет рассматривать архитектуру космизма не только как особую концептуальную модель, но и как удобный исследовательский инструмент для анализа мировоззренческих поисков.

Ключевые слова: русский космизм, архитектурный авангард, утопическая архитектура, конструктивизм, философия архитектуры, философия культуры

© Пирайнен Е. В., Астахова А. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

Для цитирования: Пирайнен Е. В., Астахова А. В. Архитектура космизма как феномен философско-культурологического исследования // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-47-57

Original paper

The Architecture of Cosmism as a Phenomenon of Philosophical and Cultural Research

***Evgeniya V. Piraynen*[1]✉, *Anastasia V. Astakhova*[2]**

[1, 2]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

[1]✉*evpiraynen@etu.ru, https://orcid.org/0009-0006-0905-5843*

[2]*astakhova.a.v@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-4320-2381*

Introduction. The article is devoted to understanding the architecture of cosmism as a special phenomenon in the history of architectural thought.

Methodology and sources. The research is based on an interdisciplinary approach combining art criticism, philosophical and historical-architectural analysis. The work uses a comparative-historical method that helps to trace the connection between the ideas of Russian cosmism and the architectural quests of the avant-garde of the early 20th century. A structural-analytical approach is used to identify key ideological, spatial and compositional principles. In addition, the architecture of cosmism is considered as a complex phenomenon formed at the intersection of philosophy, science and artistic practice, which determines the use of a systemic research method.

Results and discussion. The article demonstrates the connection between the philosophical and scientific ideas of Cosmism and the artistic life of the early 20th century – specifically, the reflection of Cosmism in architecture. It argues for the validity of "the architecture of cosmism" as an independent concept – a term that has not yet gained established usage in philosophical literature. To this end, the study identifies the defining characteristics of Cosmist architecture and establishes criteria for classifying architectural objects (and projects) within this category.

Conclusion. The conducted research shows that the architecture of cosmism can be defined as a conceptual direction reflecting philosophical ideas about the unity of person with the cosmos and the possibility of architectural transformation of space with the help of the latest scientific and technological technologies. This allows us to consider the architecture of cosmism not only as a special conceptual model but also as a convenient research tool for analyzing worldview quests.

Keywords: Russian Cosmism, architectural avant-garde, utopian architecture, constructivism, philosophy of architecture, philosophy of culture

For citation: Piraynen, E.V. and Astakhova, A.V. (2026), "The Architecture of Cosmism as a Phenomenon of Philosophical and Cultural Research", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 47–57. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-47-57

Введение. В последние годы заметно усилился интерес к философии русского космизма и художественным практикам русского авангарда. Это связано не только с обращением исследователей к наследию начала XX в., но и с попытками заново осмыслить идеи того времени через призму современных архитектурных и урбанистических процессов. В условиях глобальных вызовов современности, стремительного технологического развития и поиска новых

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

моделей организации пространства особую значимость приобретают концепции, в которых архитектура рассматривается не только как функциональная среда, но и как часть более широкого культурного и мировоззренческого процесса.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении вопроса о существовании архитектуры космизма как самостоятельного феномена, а также в попытке определить основные черты и признаки этого феномена.

Методология и источники. В работах, посвященных русскому космизму (А. Д. Москвиченко, Б. Гройс и др.), основное внимание, как правило, сосредоточено на его философских и научных основаниях. При этом влияние этих идей на архитектуру изучено значительно слабее, хотя многие проекты русского авангарда 1920–1930-х гг. напрямую опирались на представления об освоении новых пространств, преодолении традиционных форм и создании среды будущего. Термин «архитектура космизма» используется в научной литературе, однако его содержание остается размытым и требует дополнительного уточнения. До настоящего времени отсутствует единое понимание, можно ли рассматривать архитектуру космизма как самостоятельное направление или данный термин носит исключительно условный характер. Сложность определения связана еще и с тем, что архитектурные проекты, соотносимые с космизмом, одновременно принадлежат различным художественным течениям – супрематизму, конструктивизму, архитектурному авангарду. Тем не менее ряд общих мировоззренческих и композиционных особенностей позволяет предположить существование особого типа архитектурного мышления, основанного на идеях космического мировоззрения, понимания технологического прогресса и подходов к преобразованию окружающей среды.

Результаты и обсуждение. Русский космизм формируется на рубеже XIX–XX вв. как особое философско-научное направление, находящееся на стыке естествознания, религиозной мысли и культурной утопии. Его появление связано с попыткой осмыслить место человека в масштабах не только земного существования, но и космического универсума. В отличие от классических философских систем, космизм изначально ориентирован не на созерцательное понимание мира, а на активное преобразование природы и самого человека.

В основе этого мировоззрения лежит представление о Вселенной как единой, внутренне связанной системе, в которой человек не является внешним наблюдателем. Напротив, он включен в космический процесс и способен оказывать на него направленное воздействие. Такое понимание радикально расширяет традиционные представления о границах человеческой деятельности, включая в нее задачи преобразования биосферы, освоения космоса и даже преодоления фундаментальных ограничений человеческой природы.

Характерной особенностью русского космизма является сочетание научного и философского мышления [1]. Его представители стремились опираться на достижения естественных дисциплин, однако одновременно выходили за рамки научного физикализма, вводя в рассуждения элементы утопического и проектного мышления. В результате формируется особый тип интеллектуальной традиции, в которой научные гипотезы тесно переплетаются с концепциями будущего развития человечества.

Важно отметить, что космизм не представляет собой единой школы с жестко фиксированной системой взглядов. Скорее, это совокупность идей и подходов, объединенных общей установкой на понимание человека как активного участника эволюции Вселенной. В этом

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

контексте технический и научный прогресс воспринимается не как самодостаточный вид деятельности, а как инструмент расширения границ человеческого существования и преобразования окружающего мира. Русский космизм можно рассматривать как мировоззренческую систему, в которой формируется новый взгляд на соотношение человека, природы и Вселенной. Именно эта установка впоследствии становится важной интеллектуальной предпосылкой для возникновения архитектурных и художественных утопий начала XX в., ориентированных на переосмысление пространства, формы и среды обитания человека.

Одной из ключевых идей русского космизма выступает представление о глубинном единстве человека, природы и космоса. В этой логике мир понимается как целостная система, где все элементы взаимосвязаны и постоянно влияют друг на друга. Человек при таком подходе не отделяется от природы и не противопоставляется ей, а воспринимается как ее естественная часть, включенная в общий космический процесс.

Такой подход существенно отличается от традиционной новоевропейской картины мира, в которой природа чаще всего рассматривается как объект познания и последующего преобразования. В рамках космизма граница между субъектом и объектом во многом теряет свою жесткость: человек одновременно выступает и как наблюдатель, и как участник процессов, происходящих во Вселенной. Это, в свою очередь, меняет саму логику мышления, смещая акцент с анализа отдельных явлений на выявление их взаимосвязей и рассмотрение мира как целостной системы.

Следствием такого понимания становится формирование идеи ответственности человека за состояние окружающего мира. Поскольку он включен в единую систему, его деятельность неизбежно влияет на ее общее равновесие. Отсюда вытекает представление о необходимости осознанного и целенаправленного преобразования среды, опирающегося на научное знание и понимание закономерностей природных процессов.

Кроме того, в рамках космизма формируется специфическое понимание пространства как непрерывной и динамически изменяющейся структуры. Пространство в этом контексте перестает восприниматься как нейтральный фон человеческой деятельности и начинает рассматриваться как активная среда, в которой взаимодействуют различные уровни жизни – от биологического до космического. Подобная трактовка впоследствии оказывает существенное влияние на развитие архитектурного мышления, ориентированного уже не на создание отдельных объектов, а на проектирование целостных пространственных систем.

Важной составляющей русского космизма выступает выраженный научно-технический оптимизм, основанный на представлении о его безграничных возможностях и преобразующей роли человеческого разума и научного знания. В рамках этого подхода развитие науки и техники рассматривается не только как способ улучшения условий человеческой жизни, но и как фактор, способный существенно изменить положение человека в системе мироздания.

Особое значение при этом придается научному прогрессу как процессу последовательного расширения границ человеческого существования. Технические достижения рассматриваются как этапы освоения новых пространств, начиная с земной среды, далее переходя к околоземному пространству и в перспективе к дальнему космосу. В результате техника перестает восприниматься исключительно как инструментальная сфера и приобретает более широкое мировоззренческое значение, становясь частью общего представления о глобальном эволюционном процессе.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

Важной особенностью космистского мышления является понимание науки и техники не только как средств описания действительности, но и как инструментов ее активного преобразования. В результате формируется представление об управляемом развитии природных и социальных процессов, где человек рассматривается как субъект, способный осознанно организовывать сложные системы, включая биосферу и техносферу.

В работах представителей космизма научный прогресс нередко рассматривается в связи с образом будущего человечества, выходящего за пределы земного существования (Н. Федоров, В. Вернадский, А. Чижевский, Р. Курцвейл, Р. Эттингер). Освоение космического пространства при этом мыслится как естественный этап развития, в котором ключевая роль отводится техническим средствам [2]. Подобная перспектива формирует особый тип мышления, ориентированный прежде всего на конструирование и моделирование будущих состояний, а не только на осмысление текущей реальности [3].

Для философии русского космизма характерно особое восприятие пространства, выходящее за пределы традиционного понимания его как неподвижной и нейтральной среды. Пространство рассматривается как динамичная система, тесно связанная с развитием человека, техники и окружающего мира. Такой взгляд значительно отличается от классического подхода к архитектурной среде, где превалируют устойчивость, статичность и жесткая привязка к земной поверхности.

Это во многом объясняется логикой всей идеи космизма, согласно которой мир понимается как единый, непрерывно развивающийся процесс. В таком подходе пространство перестает быть лишь физической категорией и обретает более широкий смысл, включая движение, взаимодействие и эволюцию. Человек уже не просто существует внутри этого пространства, а становится его активным участником и преобразователем.

В космизме большое внимание уделялось расширению среды обитания человека. Его представители рассматривали освоение воздушного и космического пространств как естественное продолжение эволюции цивилизации. Такие идеи постепенно формировали новое понимание организации среды, в которой архитектура выходила за рамки привычных земных условий и традиционных типов построек.

Меняется и подход к самому архитектурному объекту. Если раньше акцент делался на отдельное здание и его композиционные особенности, то теперь возрастает значение пространства как единой системы взаимосвязей. Архитектура начинает восприниматься не только как материальная форма, но и как способ организации среды, движения и взаимодействия человека с окружающим миром.

Влияние космизма на архитектурные идеи первой половины XX в. в значительной степени связано с переосмыслением самой роли архитектуры. Постепенно она начинает восприниматься не только как сфера строительства или художественного проектирования, но и как инструмент формирования новой среды жизни человека. Под воздействием космистских идей, через влияние на живопись и архитектурные проекты устремляются к образам будущего [4].

Существенное влияние на формирование нового архитектурного мышления оказал супрематизм, связанный с творчеством Казимира Малевича. Хотя первоначально супрематизм возник как направление в изобразительном искусстве, его идеи заметно повлияли и на архитектурные поиски начала XX в.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

Одной из ключевых особенностей супрематизма становится отказ от традиционного понимания пространства. Геометрические формы начинают восприниматься как самостоятельные элементы, существующие вне привычной материальной среды. В работах Малевича часто возникает ощущение движения, невесомости и свободного расположения объектов в бесконечном пространстве (Казимир Малевич. «Архитетон на фоне небоскребов» (1924) [5]). Подобное восприятие впоследствии сыграло важную роль в развитии архитектурных экспериментов русского авангарда.

Большое значение приобрели архитектурные проекты и модели, в которых предпринимались попытки перенести принципы супрематизма в объемно-пространственную среду (Яков Чернихов. «Аэро-железнодорожный вокзал» (1935) [5]). Архитектура начинает пониматься уже не как совокупность тяжелых и неподвижных сооружений, а как динамичная пространственная система. Существенную роль в этих поисках играло стремление освободить форму от жесткой тектонической основы и преодолеть ощущение визуальной массивности архитектурного объекта.

Под влиянием супрематизма архитекторы все чаще обращаются к абстрактной геометрии, сложным пространственным пересечениям и композициям, создающим эффект движения и изменчивости. Пространство начинает восприниматься как открытая и гибкая структура, что во многом сближает архитектурные эксперименты авангарда с философскими идеями русского космизма.

Возникает интерес к альтернативным формам расселения, мобильным и трансформируемым конструкциям, экспериментальным моделям городов и пространственным системам, способным адаптироваться к изменяющимся общественным условиям. В результате многие проекты этого периода выходят за пределы сугубо практических задач и приобретают выраженный концептуальный и утопический характер (Николай Ладовский. «Коммунальный дом» (1919) [5]). Архитекторы начала XX в. стремились создавать не просто отдельные здания, а проекты, отражающие модели будущего общества. В этом контексте архитектура становилась частью более масштабного процесса преобразования как окружающей среды, так и самого человека.

В это же время укрепляется связь архитектуры с наукой и техническим прогрессом. Развитие инженерной мысли, авиации, новых строительных методов и концепций освоения космического пространства создает совершенно иной взгляд на архитектурную форму. В авангардных проектах все чаще появляются динамичные композиции, ощущение движения, легкости и преодоления гравитации [6]. Пространство начинает восприниматься как изменчивая структура, а не как строго фиксированная система. Одновременно меняется и подход к архитектурной форме. Простые геометрические объемы, диагональные построения, асимметрия и контрастные сочетания начинают восприниматься как наиболее точное выражение духа времени (Николай Ладовский. «Памятник Христофору Колумбу в Санто-Доминго» (1929) [5]). Архитектура все чаще стремится передать не устойчивость и завершенность, а ощущение энергии, развития и движения. Постепенно в русском авангарде формируется новый пространственный язык, тесно связанный с философией космизма и представлениями о преобразовании среды будущего.

Одной из характерных черт архитектурного авангарда становится ориентация на будущее, а не на существующую действительность. По этой причине многие архитектурные кон-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

цепции 1920–1930-х гг. приобретают ярко выраженный утопический характер (Борис Иофан. «Дворец Советов» (1933) [5]).

В подобных проектах архитектура воспринималась как инструмент формирования нового образа жизни и иной социальной среды. Архитекторы стремились пересмотреть традиционные принципы расселения, организации городского пространства и взаимодействия человека с окружающей средой. В этот период появляются идеи мобильных сооружений, воздушных городов, трансформируемых конструкций и многоуровневых пространственных систем.

Среди подобных экспериментов заметное место занимают проекты Лазаря Хидекеля, в которых особенно отчетливо прослеживается влияние супрематизма и космистского мировоззрения. В его работах архитектура все чаще приобретает характер «парящей» структуры, не имеющей жесткой связи с земной поверхностью. Пространственная среда в этих проектах понимается как свободная, подвижная и способная к постоянным изменениям [7].

Для архитекторов того времени принципиально важной была идея преодоления существующих ограничений как технических, так и пространственных. По этой причине многие авангардные проекты воспринимаются не столько как реальные строительные предложения, сколько как попытка смоделировать образ будущего мира. Именно в подобных утопических концепциях наиболее ярко проявились идеи, которые позднее стали связывать с понятием архитектуры космизма.

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к идеям русского космизма и их влиянию на художественную культуру XX в., архитектура космизма до сих пор не получила четкого статуса самостоятельной области. В отличие от конструктивизма или супрематизма, для нее не существует единого манифеста, сформированной теоретической школы и устойчивой системы профессиональных принципов.

Большая часть архитектурных проектов, которые сегодня соотносят с космизмом, исторически принадлежит более широкому контексту авангардных поисков. Их можно рассматривать в рамках супрематизма, конструктивизма или футуристических концепций, где космическая тематика чаще выступает как образное и мировоззренческое основание, а не как самостоятельная система архитектурного формообразования. Кроме того, само понятие «архитектура космизма» во многом сформировалось уже в рамках более поздних исследований. Этот термин используется для обозначения достаточно разнородных явлений, которые объединяются сходными философскими установками. Вместе с тем полное отрицание архитектуры космизма как самостоятельного феномена также выглядит чрезмерно упрощенным [8]. Анализ архитектурных и художественных экспериментов первой половины XX в. позволяет выявить ряд устойчивых особенностей, регулярно проявляющихся в различных проектах и концепциях. Прежде всего речь идет о специфической мировоззренческой основе, связанной с философией космизма. Для многих архитекторов этого направления было характерно стремление воспринимать архитектуру как часть более масштабного процесса преобразования человека и окружающего мира. Пространство в таком понимании рассматривается не как неподвижная среда, а как динамичная система, включенная в общий процесс развития и эволюции. В ряде проектов можно выделить схожие композиционные и пространственные приемы: стремление освободить форму от жесткой гравитационной зависимости, интерес к мобильным и «парящим» конструкциям, обращение к абстрактной геометрии, а также отказ

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

от традиционного представления об архитектуре как о массивной и неизменной структуре. Объединяющим элементом становится и выраженный утопический характер подобных концепций. Архитектура в данном случае воспринимается не столько как средство решения конкретных функциональных задач, сколько как инструмент моделирования будущего, предполагающего изменение не только городской среды, но и самого образа жизни человека.

Совокупность повторяющихся идей, пространственных подходов и мировоззренческих установок позволяет говорить о существовании устойчивого культурного явления, которое может рассматриваться как архитектура космизма, несмотря на отсутствие четкого манифеста данного направления или самоидентификации с ним его представителей.

С учетом приведенных аргументов архитектуру космизма целесообразно рассматривать не как самостоятельный исторический стиль, а как концептуальную модель архитектурного мышления. Речь в данном случае идет не о строго фиксированной системе формальных признаков, а о совокупности определенных мировоззренческих и проектных установок.

Такой взгляд позволяет объединить разнородные архитектурные и художественные явления начала XX в., не сводя их к единой стилистической классификации. В этом контексте архитектура космизма может пониматься как способ интерпретации проектов, в которых прослеживается ориентация на космическое мировоззрение, идею преобразования окружающей среды и утопическое конструирование будущего. Таким образом, архитектуру космизма можно определить, как специфический тип проектного мышления, при котором архитектура выходит за рамки традиционных строительных задач и включается в более широкий философский и культурный контекст.

Попытка выделить критерии архитектуры космизма неизбежно сталкивается с тем, что речь идет не о формально обособленном стиле, а о совокупности мировоззренческих и проектных установок, сложившихся в пространстве русского авангарда и философии космизма. Поэтому критерии здесь следует понимать не как строгую систему правил, а как устойчивые смысловые и формообразующие принципы, повторяющиеся в различных архитектурных и художественных практиках начала XX в.

Их совокупность позволяет говорить о существовании особого типа архитектурного мышления, в котором архитектура рассматривается не как замкнутая дисциплина, а как часть более широкого процесса преобразования мира и человека.

Пространственное мышление в архитектуре космизма существенно отличается от классического представления о пространстве как о статичной и геометрически заданной среде. В этом подходе оно трактуется как подвижная структура, находящаяся в постоянном процессе трансформации и перестройки. Одной из характерных черт становится отказ от строгой привязки архитектурных форм к земной поверхности. Пространство начинает осмысляться как вертикально организованная, многослойная система, включающая не только наземный уровень, но и воздушные, а в перспективе – космические измерения. Такое расширение представлений приводит к появлению концепций «парящей» архитектуры, мобильных сооружений и трансформируемых пространственных решений [9].

Кроме того, одной из характерных особенностей является стремление преодолеть статичность. В рамках космистского подхода пространство воспринимается как процесс, а не как завершенный результат. Оно способно изменяться, трансформироваться и реагировать на внеш-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

ние воздействия, включая технологические и социальные изменения. Такой взгляд делает архитектурное мышление более гибким и ориентированным на возможные сценарии будущего.

На уровне формообразования архитектура космизма выражается через особый визуальный язык, сформированный под влиянием авангардных художественных практик, прежде всего супрематизма. В отличие от традиционного подхода, где приоритет отводится устойчивости и симметричным решениям, здесь на первый план выходят динамика, асимметрия и внутреннее напряжение композиции. Одной из характерных черт становится обращение к абстрактной геометрии. Базовые элементы – квадрат, круг, крест, диагональ, сфера – утрачивают декоративную функцию и начинают выступать как средства организации пространства. Они не столько описывают объект, сколько задают его структурную логику и создают ощущение движения и пространственной динамики.

Важной особенностью становится отход от классической тектонической логики. Архитектурный объект уже не воспринимается как тяжелая, статичная конструкция, основанная на принципе устойчивого равновесия. Напротив, усиливается стремление к визуальной «разгруженности» формы, эффекту легкости, нестабильности и внутреннего движения.

Композиционные решения приобретают выраженный динамический характер. Диагонали, смещенные оси и пересекающиеся плоскости создают ощущение развития формы одновременно во времени и пространстве. В результате архитектура начинает пониматься не как завершенная структура, а как процесс постепенного пространственного развертывания.

Совокупность выделенных критериев позволяет рассматривать архитектуру космизма как сложное, многослойное явление, в котором переплетаются мировоззренческие установки, пространственные представления, принципы формообразования, технологические идеи и социально-утопические концепции. Перечисленные особенности указывают на устойчивый тип проектного мышления, сложившегося под влиянием философии космизма.

Заключение. Выполненный анализ позволяет вновь обратиться к исходному вопросу: можно ли говорить об архитектуре космизма как о самостоятельном явлении.

С одной стороны, архитектура космизма не обладает признаками оформленного архитектурного направления. Для нее не характерны ни единый манифест, ни институционально закрепленная школа, ни строго определенная система профессиональных норм. Значительная часть проектов, которые сегодня относят к этому понятию, исторически связана с более широким полем авангардных поисков – супрематизмом, конструктивизмом и различными футуристическими концепциями.

С другой стороны, результаты анализа показывают, что рассматриваемые явления нельзя сводить к случайному набору разрозненных идей. В них прослеживается достаточно устойчивый комплекс мировоззренческих, пространственных и композиционных установок, связанных с философией русского космизма. Среди них: представление о человеке как элементе космической системы, восприятие пространства как динамичной среды, стремление преодолеть гравитационные и материальные ограничения архитектуры, а также выраженная ориентация на проектирование будущего.

Важно и то, что подобные установки воспроизводятся в различных художественных и архитектурных практиках, несмотря на их стилистическое разнообразие. Это позволяет говорить не о случайном совпадении отдельных мотивов, а о формировании особого типа проектного мышления, сложившегося в культурной среде начала XX в.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

В данном контексте архитектуру космизма логично рассматривать как концептуальную модель, отражающую специфический способ осмысления архитектуры. В пределах такой модели архитектурная деятельность выходит за рамки функциональных и эстетических задач и начинает пониматься как участие в более широком процессе преобразования мира и человека.

Общий вывод таков. В узком смысле архитектура космизма – концепт, позволяющий описывать и интерпретировать определенный пласт архитектурных и художественных явлений (эпистемологический трек). Его значимость определяется не столько строгой фиксацией стиля, сколько возможностью объединять разнородные проекты через экспликацию общих философских оснований и пространственных решений. В широком смысле архитектура космизма – концептуальное направление, фундированное философской идеей единства человека и космоса и возможностью архитектурного изменения пространства посредством техники и технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емельянова И. А. К проблеме становления онто-гносеологии русского космизма // Вестн. ОГУ. 2012. №7 (143). С. 24–27.

2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989.

3. Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М.: Мысль, 1982.

4. Дружинкина Н. Г. Русский живописный космизм в свете учения о ноосфере В. И. Вернадского // Новое искусствознание. 2022. № 1. С. 24–41. DOI: 10.24412/2686-7443-2022-1-24-41

5. Аввакумов Ю. Бумажная архитектура. Антология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019.

6. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. М.: Стройиздат, 1996.

7. Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

8. Филенко Л. П. К проблеме экспликации и рационализации концепта «Русский космизм» // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2012. № 14 (133). С. 31–36.

9. Курьянова И. А. Философия космизма и русское искусство начала XX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. 2013. Т. 24 (65), № 3. С. 174–178.

Информация об авторах

Пирайнен Евгения Викторовна – кандидат философских наук (2007), доцент (2013), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, коммуникативные практики, кросскультурное сотрудничество, цифровые коммуникации, цифровой этикет, цифровая самопрезентация, проблематика ИИ, философия образования.

Астахова Анастасия Васильевна – культуролог, ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философия архитектуры, русский космизм, архитектурный авангард, трансгуманизм, экософия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 30.06.2026; принята после рецензирования 09.09.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 47–57
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 47–57

REFERENCES

1. Emelianova, I.A. (2012), "On the Formation of the Onto-Gnoseology of Russian Cosmism", *Vestnik of the Orenburg State Univ.*, no. 7 (143), pp. 24–27.

2.Vernadskyii, V.I. (1989), *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere], Nauka, Moscow, USSR.

3. Fedorov, N.F. (1982), *Filosofiya obshchego dela* [Philosophy of the Common Cause], Mysl', Moscow, USSR.

4. Druzhinkina, N.G. (2022), "Russian Painting Cosmism In The Context Of Vladimir Vernadsky's Noosphere Doctrine", *New Art Studies*, no. 1, pp. 24–41. DOI: 10.24412/2686-7443-2022-1-24-41

5. Avvakumov, Yu. (2019), *Bumazhnaya arkhitektura. Antologiya* [Paper Architecture. Anthology], 2nd ed., Garage Museum of Contemporary Art, Moscow, RUS.

6. Khan-Magomedov, S.O. (1996), *Arkhitektura sovetskogo avangarda* [Architecture of the Soviet Avant-garde], Stroyizdat, Moscow, RUS.

7. Semenova, S.G. (1993), *Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli* [Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought], Pedagogika-Press, Moscow, RUS.

8. Filenko, L.P. (2012), "On Explication and Rationalization of the Concept "Russian Kosmism"", *Belgorod State Univ. Scientific Bulletin. Ser. Philosophy. Sociology. Law*, no. 14 (133), pp. 31–36.

9. Kuryanova, I.A. (2013), "The philosophy of kosmizm and Russian artistic culture began XX of century", *Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky Univ. Ser. Philosophy. Culturology. Political Science. Sociology*, vol. 24 (65), no. 3, pp. 174–178.

Information about the authors

Evgeniya V. Piraynen – Can. Sci. (Philosophy, 2007), Docent (2013), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 60 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, communication practices, cross-cultural cooperation, digital communications, digital etiquette, digital self-presentation, AI, philosophy of education.

Anastasia V. Astakhova – Cultural Scientist, Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophy of architecture, Russian cosmism, architectural avant-garde, transhumanism, ecosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 30.06.2026; adopted after review 09.09.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

Оригинальная статья
УДК 141.319.8; 130.2
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-58-77

Структурная морфология антропного пространства: размерности и инварианты целостности

Елена Леонидовна Разова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь, lrazova@gmail.com, http://orcid.org/0009-0009-2892-345X

Введение. Статья посвящена разработке языка для описания целостности человеческого бытия. Цель – метод структурной морфологии Антропного пространства на основе пяти базовых размерностей. Новизна – введение размерностей (Укорененность, Общность, Темпос, Ресурсность, Вертикаль) и понятия Духа как принципа связности. Актуальность обусловлена кризисом укорененности и методологическим обновлением философской антропологии.

Методология и источники. Метод основан на адаптации π-теоремы Бакингема как семантического переноса. Использованы концепции М. Хайдеггера, К. Леви-Стросса, Б. Латура, М. Элиаде, О. Шпенглера, Г. Гачева, П. Флоренского, Г. Башляра, Дж. Боулби, М. Салинза, Дж. Скотта и др. Источники – шестнадцать теоретических концептуализаций дома, проанализированных методом пристального чтения.

Результаты и обсуждение. Выделены и обоснованы пять размерностей Антропного пространства. Применение метода выявило три типа модальностей (стабильную, мобильную, тотальную) и устойчивые инварианты – способы удержания целостности. Анализ тотальных конфигураций привел к понятию Духа как нисходящей причинности.

Заключение. Метод – формализованная герменевтика, эвристический инструмент для выявления структурных закономерностей. Практическое значение: диагностика кризисов укорененности, оценка онтологической полноценности городской среды.

Ключевые слова: антропное пространство, структурная морфология, размерности, инварианты, дом, целостность

Для цитирования: Разова Е. Л. Структурная морфология антропного пространства: размерности и инварианты целостности // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-58-77

Original paper

Structural Morphology of Anthropic Space: Dimensions and Invariants of Wholeness

Alena L. Razava

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus, lrazova@gmail.com, http://orcid.org/0009-0009-2892-345X

Introduction. The article addresses the problem of a language capable of grasping the wholeness of human existence under conditions of disciplinary fragmentation in contemporary humanities. The aim is to develop a method of structural morphology of

© Разова Е. Л., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

Anthropic Space based on five basic dimensions. The novelty lies in the introduction of dimensions (Rootedness, Community, Tempos, Resource capacity, Vertical) and the concept of Spirit as a principle of cohesion. The relevance is driven by the crisis of rootedness and the need for methodological renewal of philosophical anthropology.

Methodology and sources. The method is based on the adaptation of Buckingham's π theorem as a semantic transfer. The study draws on the concepts of M. Heidegger, K. Lévi-Strauss, B. Latour, M. Eliade, O. Spengler, G. Gachev, P. Florensky, G. Bachelard, J. Bowlby, M. Sahlins, J. Scott, and others. The sources comprise sixteen theoretical conceptualizations of home, analyzed through close reading.

Results and discussion. Five basic dimensions of Anthropic Space are identified and substantiated. The application of the method reveals three types of modality (stable, mobile, total) and stable invariants – ways in which wholeness is sustained the integrity of a configuration. The analysis of total configurations leads to the concept of Spirit as downward causation.

Conclusion. The method is formalized hermeneutics – a heuristic tool for identifying structural regularities in the field of cultural meanings. Its practical significance includes diagnosing crises of rootedness and assessing the ontological completeness of urban environments.

Keywords: anthropic space, structural morphology, dimensions, invariants, home, wholeness

For citation: Razava, A.L. (2026), "Structural Morphology of Anthropic Space: Dimensions and Invariants of Wholeness", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 58–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-58-77

Введение. Современное гуманитарное знание при всем богатстве его эмпирических данных утрачивает способность удерживать целостность человеческого образа, уходя в узкую специализацию. Но целое – целостное пространство обитания человека – ускользает и в силу разрушения фундаментальных онтологических форм, которые на протяжении тысячелетий служили основными модусами человеческого бытия: Дом – как точка укорененности, идентичности и смысловой полноты; Город – как пространство проекта, обмена и исторической динамики; Путь – как стихия движения, поиска и перехода.

Однако современность с ее беспрецедентной мобильностью, урбанизацией и кризисом традиционных форм разрывает то равновесие, в котором эти формы существовали в относительном равновесии, задавая горизонт человеческих возможностей. Город становится совокупностью «не-мест»; Путь превращается в бегство или распадается на бесцельную суету; Дом становится функциональной ячейкой, техническим устройством и финансовым инструментом. Вызов антропологического кризиса – возможно ли сегодня заново обрести укорененность, не впадая в архаику, мобильность, не теряя глубины и целостности, не отказываясь от многообразия? Можно ли описать эту целостность и ее формы на языке, позволяющем не только диагностировать кризис, но и намечать стратегии навигации между ними?

Современный антропологический кризис обычно диагностируется на уровне симптомов: фиксируется утрата укорененности, распад общности, дефицит смысла. Однако его структурная природа – то, как именно эти симптомы связаны между собой и какой механизм лежит в их основе – остается не проясненной. Недостает языка, который позволил бы не только констатировать кризис, но и анализировать его внутреннюю динамику.

Ответом на этот вызов видится понятие Антропного пространства – динамической, топологически организованной структуры условий человеческого существования, интегрирующей материальную воплощенность, аффективно-смысловую ткань и коллективного

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

субъекта в неразрывное единство [1]. Его архитектоника рождается из первичных актов Учредительного Со-бытия – моментов, в которых хаос случайности и возможности превращается в космос человеческого смысла и воспроизводится благодаря принципу подобия. Антропное пространство существует в напряжении между актуальным и возможным, восходя к античному пониманию формы (μορφή) как внутреннего способа бытия.

Чтобы сделать это понятие операциональным, необходимо решить две задачи: выделить базовые размерности Антропного пространства (оси координат, в которых может быть вписан любой его феномен) и предложить метод, позволяющий переходить от набора размерностей к анализу устойчивых конфигураций, а также к определению возможных модальностей (способов существования) этих форм.

Методология и источники. Выбор основы метода исходил из идеи, знакомой философской традиции со времен античности: за многообразием изменчивых проявлений необходимо различать устойчивое, самотождественное ядро. Аристотель, разграничивая сущность и акциденции, указывал, что вещь может претерпевать изменения, оставаясь собой, пока сохраняется ее формальная определенность. Э. Кассирер в «Философии символических форм» продемонстрировал, как различные культурные конфигурации по-разному организуют опыт, но в каждой из них можно обнаружить внутренние законы, определяющие способ связи элементов [2].

Существуют ли устойчивые соотношения между измерениями человеческого бытия, некие предельные основания, сохраняющиеся при изменении культурных, исторических или биографических обстоятельств? Можно ли за эмпирическим разнообразием форм жизни обнаружить инвариантные структуры? Что обеспечивает возникновение и сохранение целостности? В исследовании предпринята попытка ответить на эти вопросы, опираясь на логику π-теоремы Бакингема как эвристическое основание [3]. В физике эта теорема утверждает, что любое значимое уравнение, связывающее n переменных, может быть представлено через n–k безразмерных комбинаций – π-групп, инвариантных относительно выбора единиц измерения. Из этой теоремы заимствуется не математический аппарат, но посредством семантического переноса воспринят сам принцип перехода от множества параметров к инвариантным соотношениям, фиксирующим структурную целостность.

Предложенный подход не претендует на роль точной науки с количественно проверяемыми предсказаниями. Его цель – обеспечить систематичность качественного анализа, найти подход к формированию и проверке гипотез о структуре и механизмах удержания целостности Антропного пространства. В этом смысле метод служит операционализации онтологических принципов: он позволяет увидеть, как время структурирует изменение, а эмерджентность фиксирует рождение целостности.

Результаты и обсуждение.

Размерности Антропного пространства. Следуя логике π-теоремы, необходимо задать систему координат Антропного пространства – набор базовых размерностей. Предлагаются в этом качестве фундаментальные измерения, имеющие собственные основания в философской традиции: Укорененность, Общность и Темпос, Ресурсность и Вертикаль. Их пентада рассматривается как система координат, внутри которых разворачиваются базовые

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

формы человеческого существования (Дом, Город, Путь), в различной модальности их отношения к месту, к другим и ко времени.

Укорененность: экзистенциально-топологическая категория. Человеческое существование разворачивается не в однородной протяженности, но в пространстве, структурированном точками особой значимости – местами, к которым человек привязан не только функционально, но экзистенциально. Меру этой привязанности, степень пространственно-материальной и смысловой укорененности в локусе призвана схватить первая размерность – Укорененность. Она отражает онтологический статус места как «почвы», «крови» и «границы», того, что неотчуждаемо и составляет сам способ бытия человека.

На одном полюсе этой размерности – абсолютная мобильность, отсутствие материального центра, архетип «чистого» кочевника или цифрового скитальца, не имеющего «базы», места, с которым связана идентичность. На другом – полная, неотчуждаемая укорененность, слияние идентичности с местом: родовое гнездо, тотемная территория, «земля предков», где само существование человека неотделимо от локуса.

Терминологический выбор в пользу «укорененности» продиктован тем, что физическое пространство онтологически безразлично к человеку, тогда как укорененность схватывает событие преобразования пространства в место, наделенное человеческим смыслом и ценностью.

Понятие укорененности разрабатывалось в философской традиции прежде всего М. Хайдеггером. В поздних работах, особенно в эссе «Строительство. Жительствование. Мышление» (1951), он вводит понятие dwelling (жительствование, обитание), которое мыслится не как функция (жить где-то), а как фундаментальный способ бытия-в-мире. Обитать – значит не просто занимать место, но быть в мире, собирая его вокруг себя [4]. П. А. Флоренский в работе «Органопроекция» (1919) интерпретирует жилище как «внешнее тело», продолжение телесности [5]. К. Леви-Стросс в исследованиях «домовых обществ» (1960-е) показал, что дом может выступать не просто жилищем, а институтом, воспроизводящим социальные связи через материальную преемственность. Дом здесь – не стены и крыша, а родовое имя, капитал, передаваемый через поколения и структурирующий отношения родства и власти [6]. В традиции объектно-ориентированной онтологии укорененность маркирует вовлеченность субъекта в бытие объекта, всегда превосходящего наши интенции [7]. Эта линия резонирует с дискурсом «онтологического поворота»: вслед за Б. Латуром [8] картезианская дихотомия субъекта и объекта замещается пониманием реальности как события со-участия человеческих и не-человеческих акторов [9], что позволяет определить укорененность не как привязанность к месту, но как модус со-бытия, в котором локус обретает онтологическую весомость, а человек – онтологический дом.

В историко-культурной перспективе можно отметить высокую степень укорененности в традиционных культурах, где земля и дом мыслятся как продолжение родового тела, однако она не редуцируется к капитальному жилищу: экзистенциально возможно не быть укорененным в доме и, напротив, обретать укорененность в кочевом существовании.

Укорененность, таким образом, экзистенциальная характеристика. Это мера того, насколько место стало частью самости, степень, в которой пространство становится продолжением тела, а тело – онтологической точкой пространства.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

Общность: от разрозненного к со-бытию. Человек всегда укоренен не просто в локусе, но в локусе, уже определенным образом организованном социально, – в пространстве, где есть другие, где действуют нормы, где разделяются или оспариваются ценности. Более того, само переживание места во многом опосредовано теми отношениями, которые в этом месте разворачиваются. Родовое гнездо значимо не только стенами, но памятью о тех, кто в этих стенах жил. Кочевой маршрут освящен не только священными камнями, но и теми, кто проходил этот путь прежде.

Общность, вторая размерность Антропного пространства, есть мера и качество со-бытия, устойчивой структуры совместного бытия, в которую погружен индивид. Речь идет не просто о количестве контактов или социальных связях как таковых, но о качестве связности, о том, насколько человек включен в общность, разделяет ли он ее нормы и ценности, ее этос, ощущает ли ответственность перед другими.

Выбор термина «общность» объясняется необходимостью сместить фокус с безличных социальных структур на живую ткань со-бытийности, совместности. Общность определяет плотность, характер и регламентированность межличностных связей, степень интегрированности индивида в Мы различного масштаба (от семьи и рода до нации и человечества). Эта размерность определяет степень трансформации разрозненных индивидов в целое, фиксируя способность Я стать Мы через разделение общего этоса (через разделение не только норм, но и самого горизонта значимого), без утраты идентичности [10].

На одном полюсе этой размерности – атомизация, анонимность, отсутствие устойчивых обязательств, выраженные в архетипах этого полюса: толпе мегаполиса, где индивиды механически соприсутствуют, не образуя общности, и анонимном пользователе сети, не включенном в устойчивые горизонтальные связи. На другом полюсе – тотальное включение в плотную, регламентированную общность с жесткими нормами и взаимными обязательствами. Здесь доминирующий архетип – органическое Мы как онтологическая реальность: род, цех, закрытое религиозное сообщество, где само существование индивида неотделимо от его принадлежности к целому.

Проблематика социальной связности имеет глубокую традицию осмысления. В классической рефлексии общность мыслилась как результат преодоления конфликта. Т. Гоббс усматривал ее источник в договоре, выводящем из «войны всех против всех»; Ж.-Ж. Руссо – в возможности остаться свободным, подчиняясь общей воле. Ф. Тённис в работе «Общность и общество» (1887) описал дихотомию Gemeinschaft (общность) и Gesellschaft (общество), противопоставив органические, основанные на родстве и соседстве формы совместной жизни механическим, договорным отношениям современного города [11]. П. Бурдье в «Практическом смысле» (1980) ввел понятие habitus как инкорпорированной социальной структуры, определяющей практики и восприятие индивида, тем самым показав, как социальная связность «входит в плоть и кровь», становится второй природой [12]. Э. Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» (1912) исследовал механизмы воспроизводства социальной связности через коллективные представления и ритуалы: общее действо, общий символ, общая память создают и удерживают общность [13]. Феноменология совместности (М Хайдеггер, Mitsein; Ж.-П. Сартр, группа как «мы») акцентирует онтологический характер со-бытия, несводимого к сумме индивидуальных присутствий: Мы не складывается из Я, но

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

пред-шествует ему, задавая сам горизонт совместного мира [14]. Акторно-сетевая теория позволяет увидеть в общности эффект сборки гетерогенных элементов, когда устойчивость общности возникает через трансформацию неопределенности множественных связей в упорядоченное целое [15, 16]. Общность, таким образом, есть не готовая социальная среда, но непрерывный процесс со-бытия, удерживающий индивидов в единстве Мы.

Высокая Общность характерна для традиционных общин, где каждый вплетен в плотную ткань отношений, низкая – для современных мегаполисов, где преобладают анонимные контакты. Сущностно Общность есть мера того, насколько разрозненное становится со-бытием, не упраздняющим различия, но удерживающим их в единстве.

Важно различать органическую общность, рожденную изнутри (общий миф, ритуал, совместно пережитое событие), и механическую агрегацию, держащуюся на внешней функциональной необходимости. Высокая Общность может быть следствием Учредительного Со-бытия, задавшего общий горизонт смысла и взаимного признания. И напротив, формальная организация может скрывать глубокую атомизацию, когда за видимостью корпоративного единства стоит одиночество индивидов, связанных лишь функциональными ролями.

Темпос: время как горизонт бытия. Всякая устойчивая общность существует не иначе как во времени. Более того, она самим способом своего существования задает определенный модус времени – ритм, в котором живут ее члены, горизонт, в котором они мыслят прошлое и будущее, способ связывания поколений. Темпос как измерение Антропного пространства обозначает модус переживания длительности, доминирующую модель переживания и организации времени, определяющую способ, каким прошлое, настоящее и будущее связываются в опыте индивида или сообщества.

Терминологический выбор в пользу «темпоса» позволяет удержать различение физического времени, индифферентного к человеку, и темпоса как события превращения времени в осмысленную длительность. Речь идет не об объективном, хронометрическом времени, но о способе его переживания, о том, как время дано человеку, как он в нем ориентируется, как мыслит свою историю и судьбу. Темпос фиксирует не физическое время как основу динамики, но антропное освоение временно́й протяженности, культурные и индивидуальные модусы темпоральности [17; 18].

Античная философия уже различала несколько модусов времени: хронос – линейное, измеримое, последовательное время; кайрос – момент благоприятной возможности, время события, требующее решительного действия; циклос – циклическое время, время возвращений и круговоротов. Это различение предвосхитило многие позднейшие разработки.

Полюса этой размерности образуют циклическое, мифологическое время ритуала (архетип крестьянской общины) и хронологическое, линейное время прогресса (архетип модерного города), между ними – время кайроса и эона.

Фундаментальное различение типов времени в культуре было предложено М. Элиаде в «Мифе о вечном возвращении» (1949). Сакральное, циклическое время ритуала, в котором человек соучаствует в изначальных событиях, противостоит у него профанному, линейному времени истории, где каждое событие уникально и невозвратимо [19]. О. Шпенглер в «Закате Европы» (1918–1922) противопоставил органическое, циклическое время культуры («судьба») механическому, линейному времени цивилизации («хронология»). Для Шпен-

глера культура живет как живой организм, проходя стадии рождения, расцвета и упадка, тогда как цивилизация существует в гомогенном, исчисляемом времени прогресса [20]. А. Бергсон в работе «Опыты о непосредственных данных сознания» (1889) ввел различение длительности (durée) – живого, качественного, внутренне переживаемого времени, которое нельзя разделить на отдельные моменты, не исказив его, – и абстрактного, количественного, пространственно-ориентированного времени науки, которое поддается измерению и разбиению на единицы [21]. В феноменологической традиции (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер) темпоральность мыслится как фундаментальная структура сознания и бытия, где время не есть внешняя форма, в которую помещены события, но сам способ существования сознания, его внутренний горизонт [22; 14].

Высокая ориентация на циклическое время характерна для традиционных аграрных культур, где годовой цикл сельскохозяйственных работ и религиозных праздников задает ритм жизни, а история мыслится как повторение событий сакрального прошлого. Высокая ориентация на линейное (хронологическое) время – для индустриальных и постиндустриальных обществ, где доминируют идеи прогресса, развития, накопления, а время становится ресурсом, который можно «тратить», «экономить», «инвестировать».

Важно подчеркнуть: темпоральность не сводится к объективному измерению времени часами и календарями. В одной культуре могут сосуществовать разные темпоральные режимы: линейное время труда и циклическое время праздника, время ожидания (кайрос) и время упущенных возможностей. Переход от одного доминирующего режима к другому (например, при урбанизации) может переживаться как кризис, утрата связи с традицией или, напротив, как освобождение от «вечного возвращения», а возможность выбирать и менять темпоральные режимы – как проявление темпорального суверенитета. Темпоральность – это всегда вопрос о том, как именно мы живем во времени, какой смысл придаем прошлому и каких ожиданий ждем от будущего.

Сущностно Темпос есть мера того, насколько время становится формой со-бытия человека с миром. Время выступает не внешним фоном, но активной мерой изменений, порожденной причинностью связей внутри самого пространства. Это – первый онтологический принцип, который задает саму возможность динамики Антропного пространства: никакая антропологическая форма не является застывшей, она существует в модусе длящегося перехода.

Ресурсность: энергия как способность к действию. Способ переживания времени неразрывно связан с тем, как человек осуществляет себя в мире – как он действует, во что вкладывает силы, что считает «своим» делом. Циклическое время крестьянина укоренено в ритме труда и сезонов; линейное время горожанина – в логике проектов и достижений. Однако существующие экономические категории (материальный базис, капитал, ресурсы) фиксируют преимущественно наличное богатство или обмен, но не схватывают того, что делает само существование возможным: витальный ток, телесную энергию, внимание, заботу, способность к действию. Именно эту недостающую ось призвана зафиксировать размерность Ресурсность.

Ресурсность не есть ни «экономика» (отношения производства и обмена), ни «капитал» (накопленное богатство), ни «ресурсы» в узком смысле (запасы, которые можно измерить). Она фиксирует меру того, чем человек располагает для осуществления своих целей – не

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

только материальные средства, но и внутренние, живые, трудноизмеримые источники активности. В отличие от экономических категорий, которые описывают систему обращения вещей, Ресурсность описывает способность субъекта быть деятельным, его потенциал действия, не сводимый ни к накоплениям, ни к обмену.

Полюса этой размерности образуют, с одной стороны, нерефлексивное, «естественное» отношение к тому, чем располагает человек, где вещь ценна не как товар, а как звено в цепи отношений (архетип экономики дара, где дар устанавливает связь, а не передает стоимость). С другой стороны – тотальная инструментализация, где все, включая самого человека, становится средством, подлежащим учету и извлечению выгоды (архетип рыночной среды и финансового капитализма). Между этими полюсами располагается все многообразие способов, которыми человек актуализирует свою способность к действию.

Выбор термина «Ресурсность» продиктован необходимостью охватить то, что ускользает от экономических категорий. М. Мосс в «Опыте о даре» показал, что в архаических обществах дар не передает «вещь», а устанавливает связь; дарить – значит проявлять себя, осуществлять свою способность к отношению [23]. П. Бурдье ввел понятие символического капитала, признав, что существуют ресурсы, не сводимые к материальным [12]. Современная теория сохранения ресурсов (Conservation of Resources (COR) Theory) идет дальше, включая в понятие ресурса личностные качества, социальную поддержку, энергию, время – все, что человек ценит и что помогает ему достигать целей [24]. Однако и эти подходы остаются в рамках «экономического» языка, тогда как нам требуется онтологическое обоснование.

На онтологическом уровне Ресурсность восходит к аристотелевской энергии (ἐνέργεια), понимаемой как действительность, акт осуществления бытия, а не просто потенциальный запас. Быть ресурсным – значит быть в действии, а не просто «иметь». В русской традиции это понимание углублено: П. А. Флоренский развивал концепцию синергии, где энергия неотделима от сущности и от отношения к Другому [25]; С. Н. Булгаков в работе «Философия хозяйства» (1912) рассматривал хозяйство как космологический акт – борьбу жизни против смерти, очеловечивание природы через труд [26]. С. А. Кравченко отмечает, что проблема ресурсности в условиях сложных рисков требует учета не только глобальных потоков, но и локальных возможностей системы, укорененных в генотипе культуры [27].

Осмысление ресурсности в западной традиции прошло путь от классической политэкономии до современных антропологических и социологических концепций. К. Маркс в «Капитале» исследовал механизмы товарного фетишизма и отчуждения, показав, как при капитализме отношения между людьми принимают форму отношений между вещами [28]. Товарный мир начинает жить собственной жизнью, а человек становится элементом производственного процесса, подчиненным логике накопления. К. Поланьи в работе «Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени» (1944) противопоставил встроенную в социальные отношения экономику традиционных обществ рыночной автономии модерна, где экономика начинает диктовать законы обществу, а не обслуживать его [29].

Альтернативное понимание ресурсности предложил М. Салинз в «Экономике каменного века» (1972). Он подверг критике представление о «примитивных» обществах как о бедных, показав, что их экономика основана на иной логике – не максимизации, а достаточности, не накопления, а дара и перераспределения. «Примитивные» общества, по Салинзу, –

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

это первые общества изобилия, поскольку их потребности не безграничны и удовлетворяются малыми средствами [30].

Дж. Скотт в «Искусстве неподвластным» (2009) исследовал ресурсные стратегии как способ ускользания от государства: мобильность, диверсификация, отказ от оседлости и фиксированных форм хозяйства позволяют сохранять автономию. Народы Зомии, описанные Скоттом, сознательно избегают тех форм хозяйства, которые делают их уязвимыми для учета и налогообложения, предпочитая мобильные, стратегии выживания, которые трудно фиксировать [31].

Традиционные общества дара, описанные М. Моссом, строят свою экономику на принципе, прямо противоположном рыночному: вещь ценна не сама по себе, а как звено в цепи отношений. Потерять дар значит потерять связь, разорвать ткань совместности [23]. Современные экопоселения или сообщества минималистов сознательно отказываются от логики накопления в пользу достаточности: здесь важно не «сколько у меня есть», а «достаточно ли мне для жизни». Семейная реликвия, которая никогда не будет продана, ценна не деньгами, а памятью, связями, историями, которые она хранит.

Важно различать Ресурсность и близкое к ней понятие витальности (жизненной силы, élan vital). Витальность – это имманентная жизненная энергия, способность организма к самосохранению и самообновлению. Ресурсность же охватывает не только витальные, но и материальные, символические, социальные составляющие. Витальность есть один из аспектов Ресурсности – ее «живой» полюс, связанный с телесной энергией, здоровьем, способностью к восстановлению. Однако Ресурсность не сводится к витальности: она включает также накопленные средства, знания, социальные связи – все, что может быть мобилизовано для действия. Если витальность есть источник, то Ресурсность – мера доступности этого и других источников для актуализации иных размерностей.

Ресурсность также не сводится к уровню богатства или технологий. Высокая Ресурсность может существовать при низких технологиях там, где человек располагает собой, своим временем, своей способностью к труду и отношению. И напротив, высокие технологии могут обслуживать экономику дара (цифровые платформы взаимопомощи, open source-сообщества). Ключевое значение имеет не «количество», а мера того, насколько то, чем располагает человек, актуализирует иные размерности Антропного пространства: способствует ли его ресурсность укорененности, общности, осмысленности времени, смыслу или же она работает на самоценное накопление, блокируя эти измерения.

Таким образом, Ресурсность вводится не как замена существующим экономическим понятиям, а как ортогональная ось, фиксирующая то, что они не схватывают: живую способность к действию, витальный ток, энергию как действительность, а также меру доступности всего этого для актуализации целостности Антропного пространства.

Вертикаль: смысловая насыщенность как измерение глубины. До сих пор речь шла о размерностях, которые можно назвать горизонтальными. Укорененность фиксирует связь с местом, Общность – с другими, Темпос – со временем, Ресурсность – со способностью к действию. Все они описывают положение субъекта в координатах мира. Но есть вопрос, который не снимается никакой горизонталью: «Во имя чего?», «Куда направлен взгляд?», «Что делает существование не просто возможным, а осмысленным?». Можно обладать всем

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

необходимым для жизни и не иметь главного – чувства, что пространство вокруг не просто функциональная среда, а место, где мы по-настоящему обитаем. Речь идет о том, что отличает пространство обитаемое от пространства используемого, событие – от фона, присутствие – от простого пребывания.

Вертикаль – это измерение, которое не добавляет еще одну ось на карту, а меняет саму оптику. Она задает не протяженность, а глубину, не дистанцию, а интенсивность, не меру, а значение. Если без горизонтальных размерностей мир рассыпается на фрагменты, то без Вертикали он сплющивается в плоскость, где все есть средство и ничто не есть цель.

Вертикаль фиксирует меру смысловой насыщенности места или опыта, степень их «пронизанности» значением, выходящим за пределы утилитарной функции.

Выбор термина «Вертикаль» продиктован стремлением к феноменологической точности: она описывает глубину смысла без избыточных метафизических коннотаций. Это подтверждается парадоксом «счастливого животного»: нора может обладать предельной Укорененностью и Общностью, но оставаться лишенной Вертикали. Дом начинается там, где пространство пронизано значением, где состоялось Учредительное Со-бытие, а Вертикаль есть мера присутствия этого события, его след.

На одном полюсе этой размерности – плоское, функциональное, анонимное пространство, лишенное нарративной глубины. Архетип – «не-место» (М. Оже): аэропорт, супермаркет, транзитная зона, где смысл не задерживается, не нарастает, не врастает в человека. Это место, которое можно использовать, но нельзя обитать; оно не хранит памяти, не требует присутствия, не становится событием [32]. На другом – пространство, максимально насыщенное смыслом, памятью, мифом, личной или коллективной значимостью; точка сборки значения. Архетип – сакральный центр, «место силы»: храм, родовое гнездо, locus genii, камень на перекрестке, хранящий память договора, скамейка, на которой объяснились в любви. Здесь смысл сгущается до осязаемости, а само место становится событием, а не фоном.

Понятие Вертикали отсылает к исходному значению слова ἄνθρωπος – «тот, кто смотрит вверх». Человек конституируется вертикальным вектором внимания. Его человечность актуализируется в обращенности к тому, что выше него, – к истине, Добру, Другому как носителю достоинства. Этот вектор требует восхождения, усилия преодоления своих границ, удержания взгляда, направленного вверх вопреки давлению горизонтали.

Понятие вертикали как смыслового измерения бытия имеет глубокие корни в философской традиции. М. Хайдеггер в «Бытии и времени» (1927) показал, что мир человека – не просто совокупность наличных предметов, а значимостная структура, где вещи «значат» для нас, открываясь в своей отсылочности к целому [14]. В поздних работах, особенно в «Истоке художественного творения», он говорит о вещи, собирающей вокруг себя мир: храм, будучи просто сооружением из камня, собирает и являет миру божество, людей, историю, становясь тем самым центром, организующим пространство и время [33]. Г. Башляр в «Поэтике пространства» (1957) исследует дом как «не-я», хранящее воспоминания, как пространство, ставшее душой. Утварь, шкаф, угол – все это обретает вертикальное измерение, становясь не просто функциональными элементами, а узлами памяти и воображения. Дом у Башляра – это не геометрическое место, а образ, в котором мы собираем себя, в котором прошлое обретает плоть настоящего [34]. М. Элиаде в «Священном и мирском» (1957) опи-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

сывает иерофанию – прорыв сакрального в профанное пространство, превращающий хаос в космос, а случайное место – в центр мира. Священное пространство, в отличие от профанного, неоднородно: в нем есть разрывы уровня, точки, где небо касается земли, где мир открыт к трансцендентному [35]. Концепция genius loci (гения места), идущая от античности и развитая К. Норберг-Шульцем, фиксирует ту же интуицию: каждое подлинное место обладает уникальным духом, не сводимым к его физическим характеристикам. Место не просто существует – оно присутствует, хранит память, обращается к нам [36].

Вертикаль не существует «над» пространством как внешняя инстанция. Она пронизывает его, проявляясь в актах признания Другого не как объекта, но как существа, способного к ответу на взгляд, к уникальности, к тому самому «смотрению вверх». Учреждая Вертикаль в отношении к Другому, мы возводим его над чисто природным существованием, наделяем неотъемлемым достоинством.

В этом смысле Вертикаль есть не только то, на что мы смотрим, но и то, чем мы смотрим – сама способность видеть в мире не только горизонталь фактов, но и глубину смысла, требующую ответа. Высокая Вертикаль – это не только сакральные центры, но и глубоко личные места: скамейка, где было принято важное решение; порог дома, где впервые взяли на руки ребенка; камень на берегу, с которого в детстве смотрели на море. Для всего мира это просто предметы, для человека – точки сборки судьбы.

Вертикаль непосредственно связана с Учредительным Со-бытием (события обретения пространством вертикального измерения, момент, когда хаос превращается в космос, а место становится Домом), Вертикаль есть мера состоявшегося Учредительного Со-бытия, его оседающий в пространстве след. Восхождение, понимаемое как процесс трансценденции, возможно лишь там, где Вертикаль уже присутствует как зов, как приглашение к подъему. Самостояние и Свидетельство также укоренены в вертикальном измерении: они требуют точки опоры, возвышающейся над плоскостью повседневности.

Здесь реализуется второй онтологический принцип: устойчивые формы человеческого бытия возникают не путем плавной эволюции, но через эмерджентные, качественные переходы – Учредительные Со-бытия, превращающие случайное скопление элементов в целостность, наделенную смыслом и вертикалью.

Вертикаль – самая тонкая размерность, наиболее рискованная для операционализации, но и самая важная. Именно она связывает предлагаемую модель с экзистенциальной традицией, с вопросами о смысле, о подлинности, о доме как событии бытия. Вертикаль не сводится к сакральному в узко-религиозном смысле. Высокой Вертикалью может обладать и глубоко личное, «профанное» место – если оно насыщено памятью, обещанием, событием. Общее для них – наличие измерения глубины против плоскости, событийной насыщенности против функциональной анонимности.

Работа системы размерностей может быть проиллюстрирована на примерах трех онтологических форм – Дома, Города и Пути, задающих полярные антропологические конфигурации.

Для архетипического Города – Вавилона в библейском нарративе (Быт. 11) – профиль размерностей оказывается характерным. Укорененность низка: город возникает как искусственное образование, проект, возводимый пришельцами, а не органически выросшее поселение. Общность высока: «вся земля была один народ и один язык», люди действуют со-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

обща. Темпос высок – это линейное время стройки, устремленности в будущее. Ресурсность значительна: строительство требует концентрации сил и материалов, город выступает центром накопления. Вертикаль низка – «смешение языков» интерпретируется как утрата сакрального единства, распад смысловой связи.

Архетипическая Итака – образ дома в западной культуре, заданный гомеровским эпосом, – дает принципиально иную картину. Укорененность предельно высока: идентичность Одиссея неотделима от острова, даже вдали он остается «итакийцем». Общность высока: Итака – «гнездо» социальных связей, отношений родства и верности. Темпос низок: время циклично, подчинено ритму сезонов и ожидания, возвращает к истоку. Ресурсность умеренна: хозяйство ведется ради воспроизводства жизни; Пенелопа ткет и распускает ткань, удерживая дом в равновесии. Вертикаль чрезвычайно высока: Итака – центр мира, точка, где собираются память, верность, смысл.

Сопоставление показывает: Вавилон и Итака близки по Общности, но радикально расходятся по Вертикали – и именно это различие определяет их онтологическую судьбу. В Вавилоне высокие Общность и Темпос сочетаются с низкими Ресурсностью и Вертикалью; в Итаке, напротив, высокие Ресурсность и Вертикаль сочетаются с низким Темпосом при той же высокой Общности. Это качественное различие в структуре конфигурации, позволяющее говорить об урбанистическом потоке и укорененном доме как о двух различных типах антропных конфигураций.

Если Дом есть точка укорененности, а Город – пространство пересечения множества путей, то Путь, третья онтологическая форма, есть стихия движения, навигации и перехода. Его контуры уже проступают в сопоставлении Итаки и Вавилона: возвращение Одиссея – это Путь, имеющий цель и сохраняющий Вертикаль; странствие строителей Вавилона оборачивается рассеянием, утратой смысловой оси. В одном случае Путь подчинен цели, которая придает ему смысл. Укорененность здесь привязана не к месту, а к цели; Общность высока – путь часто разделен с другими; Темпос линеен; Ресурсность умеренна; Вертикаль высока – путь ведет к Дому, к святыне, к преображению (Одиссей, паломник). В другом случае Путь становится самоцелью, бесконечным странствием без надежды на возвращение. Укорененность утрачена, Вертикаль низка или отсутствует, а Темпос становится единственной организующей силой (Агасфер). Наконец, существует и предельный, разрушительный Путь, где все измерения переходят в режим распада: утрачены и Укорененность, и Вертикаль, Общность распадается, Темпос ускоряется до бесконечности, а Ресурсность работает на самоуничтожение (война).

За образами Города, Дома и Пути проступает предельно-положительный архетип: Небесный Иерусалим – не просто Город с абсолютной Вертикалью. Это точка, где три онтологические формы сходятся: Город оказывается вечным Домом, а Путь к нему – неотъемлемой частью его устройства. Здесь горизонталь пути и вертикаль Дома перестают быть противоположностями.

Модальности антропного пространства. Предложенная система размерностей позволяет не только описывать отдельные феномены, но и выявлять устойчивые типы конфигураций – модальности, в которых может существовать та или иная онтологическая форма. Для демонстрации возможностей метода был сформирован корпус текстов, в которых кон-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

цептуализируется понятие «Дом». Выбор дома как материала для первичного анализа не случаен: это та форма, в которой базовые размерности выступают в наиболее наглядном, почти осязаемом единстве. Именно поэтому обращение к теоретическим концептуализациям дома дает возможность протестировать метод на материале, где искомые структуры проявлены с максимальной отчетливостью. Аналогичная работа для Города и Пути составит предмет последующих исследований.

Анализ корпуса теорий позволил выявить три устойчивых модальности, различающихся по характеру соотношения размерностей.

Стабильная модальность (доминанта Укорененности и Общности) соответствует теориям, в которых Дом мыслится прежде всего, как структура, институт, капитал. К этому типу тяготеют концепции К. Леви-Стросса (дом-институт) [6], З. Фрейда (амбивалентность привязанности) [37], М. Салинза (экономика дара) [30], П. Бурдьё (habitus) [12], Ф. Тённиса (Gemeinschaft) [11], Э. Дюркгейма (коллективные представления) [13]. В этих подходах Дом предстает как устойчивая форма, удерживающая социальную связность и передающая ее через поколения.

Мобильная модальность (доминанта Общности и Темпоса) трактует Дом как процесс, траекторию, отношение, сохраняемое в движении. Ее репрезентируют теории Т. Инголда (ландшафт как Дом) [38], Г. Бейтсона (ритуал как связь) [39], Дж. Боулби (привязанность, переносимая с человеком) [40], Б. Малиновского (функционализм) [41], Э. Саида (идентичность в изгнании) [42], Дж. Скотта (мобильные стратегии) [31], Р. Раппапорта (экология ритуала) [43], М. Мерло-Понти (телесная укорененность) [44]. Эти теории подводят к проблематике Пути, где движение становится не временным состоянием, а способом бытия.

Целостная модальность (баланс размерностей) соответствует теориям, в которых Дом, культура, национальный мир мыслятся как органическое единство, где укорененность, социальная связь и темпоральность, смысловая насыщенность и ресурсность выступают в неразрывном единстве. Наиболее ярко этот тип представлен в работах О. Шпенглера («душа культуры») [20], Г. Д. Гачева (национальный мир) [45], М. Хайдеггера (обитание как способ бытия-в-мире) [4] и Г. Башляра (поэтика пространства) [34].

Анализ этих модальностей позволяет сформулировать устойчивые инварианты – способы, которыми размерности удерживают целостность конфигурации.

В стабильном Доме (усадьба, родовое гнездо) высокая Укорененность и Вертикаль работают как единый механизм, подчиняющий себе время: оно не линейно, а возвращает к истоку, к ритму сезонов и памяти предков. Утрата любой из этих размерностей разрушает целостность Дома.

В мобильном Городе (Вавилон, мегаполис) люди связаны не кровным родством, а функциональными сетями и рынками. Высокая Общность держится на интенсивности обмена ресурсами, информацией, услугами при низкой Укорененности. Инвариант сохраняется, пока Общность и Ресурсность остаются в силе; их ослабление ведет к распаду городской ткани.

В мобильном Пути (Агасфер) главной силой становится время, толкающее вперед. Укорененность утрачена, Вертикаль низка. Человек не привязан к месту и не удерживается смыслом, превышающим само движение. Появление цели или обретение места разрушает эту конфигурацию.

В стабильном Пути (Одиссей, паломник) движение подчинено цели, которая придает ему смысл. Вертикаль высока: путь ведет к Дому, к святыне, к преображению. Инвариант сохраняется, пока цель жива; ее утрата переводит Путь в мобильную модальность.

В мобильном Доме (кибитка кочевника) человек укоренен в ландшафте и сезонных циклах, но Вертикаль низка. Дом существует как функциональное убежище, а не как смысловой центр. Появление высокой Вертикали переводит его в стабильную модальность.

В стабильном Городе (Рим, Иерусалим) высокая Вертикаль пронизывает социальные связи и экономические обмены. Город здесь не только функциональный центр, но и сакральный топос. Общность и Ресурсность не компенсируют утрату вертикали, а сами укоренены в ней. Ослабление Вертикали переводит Город в мобильную модальность.

Важно подчеркнуть: Вертикаль и Ресурсность не работают изолированно. Высокая Вертикаль без Ресурсности остается утопией, смыслом, не имеющим материальной опоры. Высокая Ресурсность без Вертикали вырождается в бессмысленное накопление. Целостность требует не просто наличия обеих размерностей, но их внутренней связанности: ресурс, вложенный в вертикаль, возвращается как новая способность к бытию; вертикаль, укорененная в ресурсе, обретает плоть. Целостная модальность представляет собой предельный случай, где все пять размерностей находятся в равновесии, образуя неразложимое единство.

О. Шпенглер в «Закате Европы» [20] и Г. Д. Гачев [45] в работах о национальных мирах предлагают описания, в которых базовые размерности Антропного пространства – Укорененность, Общность, Темпос, Ресурсность и Вертикаль – выступают в неразрывном, органическом единстве. Это единство первично: оно задает сам способ существования того целого, которое Шпенглер называет «культурой», а Гачев – «национальным миром».

Для Шпенглера культура – не совокупность артефактов, институтов или идей, а живой организм, обладающий уникальной «душой», которая пронизывает все его проявления – от математики и искусства до политики и хозяйства. Душа культуры не есть нечто отдельное от ее эмпирических воплощений; она есть тот внутренний способ бытия, та форма (μορφή), которая делает каждое явление внутри культуры именно таким, а не иным. Античная душа, по Шпенглеру, выражает себя в евклидовой геометрии, в полисе, в скульптуре обнаженного тела; фаустовская душа – в дифференциальном исчислении, в готическом соборе, в музыке Баха. Размерности выступают здесь не как независимые переменные, а как проекции единого прафеномена на разные плоскости.

Гачев идет иным, но глубоко родственным путем. В его «национальных мирах» ландшафт, история, язык, быт и мысль предстают как неразрывное целое. Русский «мир», грузинская «душа», немецкий «дух» – это не стереотипы, а инвариантные конфигурации, в которых укорененность в пространстве, способ социальной связности и переживание времени сплавлены воедино. Гачев показывает, как Казбек и Крестовый перевал «прорастают» в поэзию Руставели и Вазе Пшавелы, как бескрайние равнины России отзываются в русской литературе ее тоской по пути и дому. Это и есть работа Вертикали – смыслового измерения, превращающего географию в судьбу.

Существование таких целостных конфигураций ставит вопрос, выходящий за пределы пентады размерностей: что обеспечивает устойчивость целостности, когда все размерности собраны в тотальное единство? В терминах теории сложных систем этот феномен описыва-

ется как нисходящая причинность – третий онтологический принцип: целое (Дом, Культура) начинает определять поведение своих частей (размерностей), удерживая их от распада.

Дух – функциональное имя для эмерджентного свойства системы сохранять целостность вопреки энтропийным процессам. Он не добавляется к пентаде как шестое измерение, но обозначает предельную связанность всех пяти – тот горизонт целостности, который возникает там, где Антропное пространство достигает онтологической завершенности.

Именно здесь три онтологические принципа обретают завершение. Принцип времени и причинности задает динамику. Принцип эмерджентного перехода (Учредительное Со-бытие) описывает момент рождения целостности. Принцип нисходящей причинности (Дух) объясняет, как эта целостность удерживается.

Введение понятия Духа открывает путь к следующему этапу: применению метода к трем архетипическим конфигурациям – Дому (Итака), Городу (Вавилон) и Пути (Одиссей). Их сопоставление позволит поставить вопросы о навигации между конфигурациями, о возможности «внутренней Итаки» в условиях урбанизации, о стратегиях укоренения в эпоху тотальной мобильности. Эти вопросы составят содержание следующих работ.

Заключение. Предложенная в исследовании система размерностей – Укорененность, Общность, Темпос, Ресурсность и Вертикаль – дает язык для описания Антропного пространства как динамической, топологически организованной структуры человеческого бытия. Антропное пространство разворачивается в трех фундаментальных онтологических формах – Доме, Городе и Пути, – каждая из которых может существовать в различных модальностях (стабильной, мобильной, тотальной), различающихся по характеру соотношения размерностей. Устойчивые способы, которыми размерности удерживают целостность конфигурации, фиксируются как инварианты – структурные закономерности, позволяющие различать типы феноменов.

В основе модели лежат три онтологических принципа, выявленные в ходе анализа. Принцип времени и причинности, реализованный в размерности Темпоса, утверждает, что время выступает не внешним фоном, но активной мерой изменений. Принцип эмерджентного перехода, закрепленный в понятии Вертикали и ее связи с Учредительным Со-бытием, фиксирует, что устойчивые формы возникают через качественные скачки, превращающие хаос в космос. Принцип нисходящей причинности, получивший имя Духа, объясняет, как возникшая целостность удерживается: целое (Дом, Культура) начинает определять поведение своих частей (размерностей), сопротивляясь энтропии. Вместе они образуют онтологический каркас, внутри которого пять размерностей становятся не просто классификатором, а языком описания живой, дышащей реальности.

Предложенный метод не претендует на роль «физики общества» и не дает количественно проверяемых предсказаний. Он представляет собой формализованную герменевтику – эвристический инструмент для выявления структурных закономерностей в поле культурных смыслов. Параметры размерностей суть операционализированные концепты, верифицируемые через интерсубъективный консенсус. Модель остается открытой системой, где выявление эмпирических корреляций между размерностями составляет программу последующих исследований.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

Практическое значение метода выходит за пределы чисто теоретического дискурса. Конфигурационный анализ позволяет диагностировать состояния кризиса укорененности: от цифрового кочевничества, где высокая Ресурсность сочетается с дефицитом Вертикали, до проблем вынужденного перемещения, где разрывается связь между Укорененностью и Общностью. В урбанистике метод предлагает инструмент для оценки онтологической полноценности городской среды; в культурной политике позволяет различать подлинную преемственность традиций и ее симулякры.

Антропологический кризис предстает в этой оптике не как набор симптомов, а как структурная дисфункция: разбалансировка размерностей, когда высокая Ресурсность не питает Вертикаль, Общность не удерживается Укорененностью, а Темпос ускоряется до бесконечности, не оставляя места для циклического возвращения. Предложенный метод дает язык для диагностики этих дисбалансов, для понимания того, почему в одних средах человек обретает целостность, а в других распадается на функции.

Антропная навигация – искусство удерживать себя между Домом, Городом и Путем – становится не метафорой, а предметом строгого анализа. Концепция Антропного пространства предоставляет язык для описания антропологических рисков современности от энтропии социальных связей до утраты смысловых ориентиров и задает координаты для их преодоления.

Необходимо отдавать отчет в ограничениях предложенного подхода. Метод операционализирует, но не автоматизирует анализ: оценка размерностей требует экспертного суждения и интерсубъективного контроля. Модель демонстрирует свою эвристическую силу на архетипических примерах; ее применимость к сложным, гибридным феноменам требует дальнейшей апробации. Введение понятия Духа открывает перспективы для междисциплинарного диалога, но само нуждается в уточнении через анализ конкретных кейсов, где целостность либо удерживается, либо распадается.

Язык, который строился в этой статье, оказался не универсальным ключом, а лесами. Но леса позволяют увидеть здание. Теперь это здание можно рассматривать… и спрашивать дальше. В том числе о том, как удержать человеческое в человеке, когда мир вокруг требует все большей мобильности, фрагментации и утилитарности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разова Е. Л. Топология Дома: опыт феноменологического исследования границ пространства бытия человека // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 33–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-33-52

2. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. Т. 1 / пер. с нем. С. А. Ромашко. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.

3. Buckingham E. On physically similar systems; illustrations of the use of dimensional equations // Physical Review. 1914. Vol. 4, № 4. P. 345–376.

4. Хайдеггер М. Строительство. Жительствование. Мышление / пер. Д. А. Колесниковой // Журнал Фронтирных Исследований. 2020. № 1. С. 157–173.

5. Флоренский П. А. Органопроекция // Флоренский П. А. Сочинения: в 4-х т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1999. С. 402–421.

6. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

7. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024.

8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: ИД ВШЭ, 2014.

9. Van der Braak A. The study of mystical experiences and Latour's ontological turn: toward a participatory approach // Philosophical Psychology. 2026. Vol. 39, № 5. P. 1924-1950. DOI: 10.1080/09515089.2025.2506542

10. Разова Е. Л. Этос. Социальные аспекты антропологического феномена // Вестн. ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (42). С. 49–55. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-42-49-55

11. Тённис Ф. Общность и общество / пер. с нем. Д. В. Скляднёва. СПб.: Владимир Даль, 2002.

12. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.

13. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова, Т. Котельниковой. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018.

14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

15. Петров К. А. Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно // Социология власти. 2023. Т. 35, № 2. С. 18–37. DOI: 10.22394/2074-0492-2023-2-18-37

16. Сазонов А. А. Интеграция акторно-сетевой теории и концепции социотехнических воображаемых в контексте социальных исследований искусственного интеллекта // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 4. С. 83–99. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-4-83-99

17. Немировский В. Г. «Человек избегающий» как социальный тип личности в российском обществе травмы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 1. С. 201–214. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.11

18. Абрамова С. Б. Темпоральность и отложенные модели как динамические характеристики счастья // Социодинамика. 2024. № 10. С. 40–50. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.10.72292

19. Элиаде М. Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / пер. с фр. М.: Ладомир, 2000.

20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993.

21. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания / пер. с фр. Б. С. Бычковского // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 45–155.

22. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2009.

23. Мосс М. Опыт о даре // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 134–286.

24. Demerouti E. Job demands-resources and conservation of resources theories: how do they help to explain employee well-being and future job design? // J. of Business Research. 2025. Vol. 192: 115296. DOI: 10.1016/j.jbusres.2025.115296

25. Флоренский П. А. Иконостас. М.: АСТ, 2009.

26. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009.

27. Кравченко С. А. Диагностика синергийно сложных рисков через призму генотипа культуры // Социол. исслед. 2024. № 8. С. 125–136. DOI: 10.31857/S0132162524080102

28. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. / пер. с нем. М.: Политиздат, 1960.

29. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова, А. П. Шурбелева. СПб.: Алетейя, 2002.

30. Салинз М. Экономика каменного века / пер. с англ. О. Ю. Артемовой. М.: ОГИ, 1999.

31. Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорной Юго-Восточной Азии / пер. с англ. И. Троцук. М.: Новое изд-во, 2017.

32. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. М.: НЛО, 2017.

33. Хайдеггер М. Истоки художественного творения / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2008.

34. Башляр Г. Избранное: поэтика пространства / пер. с фр. Н. В. Кислова и др. М.: РОССПЭН, 2004.

35. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994.

36. Norberg-Schulz C. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. NY: Rizzoli, 1980.

37. Фрейд З. Тотем и табу / Вопросы общества и происхождение религии / пер. с нем. А. Боковикова. М.: СТД, 2007. С. 285–444.

38. Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London; NY: Routledge, 2021.

39. Бейтсон Г. Экология разума: избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / пер. с англ. Д. Я. Федотова. М.: Смысл, 2000.

40. Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Григорьевой, Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003.

41. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / пер. с англ. В. Н. Поруса. М.: РОССПЭН, 2004.

42. Саид Э. В. Ориентализм / пер. с англ. К. Лопаткиной. М.: Музей современного искусства Гараж, 2021.

43. Rappaport R. A. Ecology, Meaning, and Religion. Richmond, CA: North Atlantic Books, 1979.

44. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр.; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента: Наука, 1999.

45. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.

Информация об авторе

Разова Елена Леонидовна – кандидат философских наук (2004), доцент (2018), доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, ул. Ожешко, д. 22, Гродно, 230023, Республика Беларусь. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, онтология, теория и история культуры.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.04.2026; принята после рецензирования 27.07.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Razava, A.L. (2025), “Topology of the Home: an Experiment in Phenomenological Research into the Boundaries of Human Existence”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 33–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-33-52

2. Cassirer, E. (2002), *Philosophie der symbolischen Formen. Band 1*, Universitetskaya kniga, SPb., Moscow, RUS.

3. Buckingham, E. (1914), “On physically similar systems; illustrations of the use of dimensional equations”, *Physical Review*, vol. 4, no. 4, pp. 345–376.

4. Heidegger, M. (2020), “Building Dwelling Thinking”, Transl. by Kolesnikova, D.A., *J. of Frontier Studies*, no. 1, pp. 157–173.

5. Florenskii, P.A. (1999), “Organo-projection”, *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 3 (1), Mysl', Moscow, RUS, pp. 402–421.

6. Lévi-Strauss, C. (2001), *Anthropologie structurale*, Eksmo-Press, Moscow, RUS.

7. Harman, G. (2024), *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*, Transl. by Fetisov, M., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.

8. Latour, B. (2014), *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Transl. by Polonskaya, I., HSE Publ. House, Moscow, RUS.

9. Van der Braak, A. (2026), “The study of mystical experiences and Latour's ontological turn: toward a participatory approach”, *Philosophical Psychology*, vol. 39, no. 5, pp. 1924–1950. DOI: 10.1080/09515089.2025.2506542

10. Razova, E.L. (2024), “Ethos. Social Aspects of the Anthropological Phenomenon”, *Review of Omsk State Pedagogical Univ. Humanitarian Research*, no. 1 (42), pp. 49–55. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-42-49-55

11. Tönnies, F. (2002), *Gemeinschaft und Gesellschaft*, Transl. by Sklyadnev, D.V., Vladimir Dal', SPb., RUS.

12. Bourdieu, P. (2001), *Le Sens pratique*, Transl. by Shmatko, N.A., Aleteya, SPb., RUS.

13. Durkheim, E. (2018), *Les formes elementaires de la vie religieuse. Le systeme totemique en Australie*, Transl. by Appolonov, A., Kotel'nikova, T., ID “Delo” RANEPA, Moscow, RUS.

14. Heidegger, M. (1997), *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Ad Marginem, Moscow, RUS.

15. Petrov, K.A. (2023), “Material Semiotics as a Method: From Uncertainty to Order and Back Again”, *Sociology of Power*, vol. 35, no. 2, pp. 18–37. DOI: 10.22394/2074-0492-2023-2-18-37

16. Sazonov, A.A. (2024), “Integration of Actor-Network Theory and the Concept of Sociotechnical Imaginaries in the Context of Social Studies of Artificial Intelligence”, *Sociology of Science and Technology*, vol. 15, no. 4, pp. 83–99. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-4-83-99

17. Nemirovsky, V.G. (2024), “The “avoidant individual” as a social personality type in the Russian trauma society”, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 17, no. 1, pp. 201–214. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.11

18. Abramova, S.B. (2024), “Temporality and Deferred Models as Dynamic Characteristics of Happiness”, *Sociodynamics*, no.10, pp. 40–50. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.10.72292

19. Eliade, M. (2000), *Le Mythe de l’éternel retour. Images et symbols. Le Sacré et le profane*, Transl., Ladomir, Moscow, RUS.

20. Spengler, O. (1993), *Der Untergang des Abendlandes*, Transl. by Svas'yan, K.A., Mysl', Moscow, RUS.

21. Bergson, A. (1992), “Essai sur les données immédiates de la conscience”, Transl. by Bychkovskii, B.S., *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 1, Transl. by Moskovskii klub, Moscow, RUS, pp. 45–155.

22. Husserl, E. (2009), *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch*, Transl. by Mikhailov, A.V., Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.

23. Mauss, M. (2011), “Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques”, *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology], Transl. by A. B. Gofman, KDU, Moscow, RUS, pp. 134–286.

24. Demerouti, E. (2025), “Job demands-resources and conservation of resources theories: how do they help to explain employee well-being and future job design?”, *J. of Business Research*, vol. 192: 115296. DOI: 10.1016/j.jbusres.2025.115296

25. Florenskii, P.A. (2001), *Ikonostas* [The Iconostasis], AST, Moscow, RUS.

26. Bulgakov, S.N. (2009), *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], In-t russkoi tsivilizatsii, Moscow, RUS.

27. Kravchenko, S.A. (2024), “Diagnostics of Synergistically Complex Risks Through the Prism of the Culture Genotype”, *Sociological Studies*, no. 8, pp. 125–136. DOI: 10.31857/S0132162524080102

28. Marx, K. (1960), “Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals”, *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya* [Works], 2nd. ed., Transl., vol. 23, Politizdat, Moscow, USSR.

29. Polanyi, K. (2002), *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Transl. by Vasil'ev, A.A., Fedorov, S.E., Shurbelev, A.P., Aleteya, SPb., RUS.

30. Sahlins, M. (1999), *Stone Age Economics*, Transl. by Artemova, O.Yu, OGI, Moscow, RUS.

31. Scott, J. (2017), *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*, Transl. by Trotsuk, I., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.

32. Augé, M. (2017), *Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité*, Transl. by Konnov, Yu., NLO, Moscow, RUS.

33. Heidegger, M. (2008), *Der Ursprung des Kunstwerkes*, Transl. by Mikhailov, A.V., Akadem. proekt, Moscow, RUS.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 58–77
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 58–77

34. Bachelard, G. (2004), *La Poétique de l'espace*, Transl. by Kislov, N.V. et al., ROSSPEN, Moscow, RUS.

35. Eliade, M. (1994), *Le sacré et le profane*, Transl. by Garbovskii, N.K., Izd-vo MGU, Moscow, RUS.

36. Norberg-Schulz, C. (1980), *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*, Rizzoli, NY, USA.

37. Freud, S. (2007), "Totem und Tabu", *Fragen der Gesellschaft. Ursprünge der Religion*, Firma STD, Moscow, RUS, pp. 285-444.

38. Ingold, T. (2021), *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*, Routledge, London, NY, USA.

39. Bateson, G. (2000), *Ecology of Mind: Selected Articles on Anthropology, Psychiatry and Epistemology*, Transl. by Fedotov, D.Ya., Smysl, Moscow, RUS.

40. Bowlby, J. (2003), *Attachment*, Transl. by Grigor'eva, N.G., Burmenskaya, G.V., Gardariki, Moscow, RUS.

41. Malinowskii, B. (2004), *Izbrannoe: Argonavty zapadnoi chasti Tikhogo okeana* [Selected Works: Argonauts of the Western Pacific], ROSSPEN, Moscow, RUS.

42. Said, E.V. (2021), *Orientalism*, Transl. by Lopatkina, K., Muzei sovremennogo iskusstva Garazh, Moscow, RUS.

43. Rappaport, R.A. (1979), *Ecology, Meaning, and Religion, North Atlantic Books*, Richmond, CA, USA.

44. Merleau-Ponty, M. (1999), *Phénoménologie de la perception*, Transl. by Vdovina, I.S. and Fokin, S.L. (ed.), Yuventa, Nauka, SPb., RUS.

45. Gachev, G.D. (1988), *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.

Information about the author

Alena L. Razava – Can. Sci. (Philosophy, 2004), Docent (2018), Associate Professor at the Department of Philosophy, Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko st., Grodno 230023, Belarus. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, ontology, theory and history of culture.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.04.2026; adopted after review 27.07.2026; published online 17.11.2026.

Социология
Sociology

Оригинальная статья
УДК 316.7
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-78-89

Влияние религиозного фактора на формирование отношения населения к вспомогательным репродуктивным технологиям

Елена Алексеевна Смирнова

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
Smirnova56@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9383-0649

Введение. Статья посвящена изучению влияния религиозного фактора на формирование отношения населения к таким вспомогательным репродуктивным технологиям, как экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) и суррогатное материнство. Целью настоящего исследования стало выявление различий в отношении верующего и неверующего населения к вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ).

Методология и источники. Исследование проводилось в 2023–2025 гг. в городах Архангельске и Череповце методом анкетирования (n = 768). Выборка репрезентативна по полу и возрасту. Для анализа первичных данных использовался пакет SPSS ver. 21, статистическая значимость различий определялась с помощью критерия хи-квадрат Пирсона ($p < 0,05$).

Результаты и обсуждение. Установлено, что религиозность выступает значимым фактором, определяющим этические оценки ВРТ. Выявлено, что верующие граждане в два раза чаще неверующих отрицают допустимость проведения ЭКО (20,9 % против 10,5 %; $p = 0,000$) и в 3,4 раза чаще воспринимают рождение детей после ЭКО как «противоестественное». В отношении суррогатного материнства обнаружено неоднозначное отношение. Верующие граждане чаще озвучивают положительную оценку технологии, но одновременно с этим чаще говорят об этических рисках, связанных с «торговлей детьми» и коммерциализацией деторождения.

Заключение. Религиозный фактор определяет не только общую модальность отношения к ВРТ, но и структуру аргументации. Для неверующих характерна прагматическая установка на помощь бездетным семьям, в то время как для верующих приоритетными становятся биоэтические категории «естественности» жизни и недопустимости объектного отношения к ребенку. Полученные данные могут быть использованы для развития эмпатичного здравоохранения и биоэтического консультирования.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, ЭКО, суррогатное материнство, религиозный фактор, биоэтика, традиционные ценности, репродуктивное поведение, общественное мнение, амбивалентность сознания, ценностный конфликт

Для цитирования: Смирнова Е. А. Влияние религиозного фактора на формирование отношения населения к вспомогательным репродуктивным технологиям // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-78-89

© Смирнова Е. А., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

Original paper

The Influence of the Religious Factor on the Formation of Public Attitudes Towards Assisted Reproductive Technologies

Elena A. Smirnova

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
Smirnova56@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9383-0649

Introduction. This article is dedicated to studying the influence of the religious factor on the formation of public attitudes towards assisted reproductive technologies (ART), specifically in vitro fertilization (IVF) and surrogacy. The aim of this research was to identify the differences in attitudes towards ART (IVF and surrogacy) between religious and non-religious population.

Methodology and sources. The study was conducted in 2023–2025 in the cities of Arkhangelsk and Cherepovets using a survey method (n = 768). The sample was representative in terms of gender and age. The SPSS ver. 21 package was used for the analysis of primary data, and the statistical significance of differences was determined using Pearson's chi-square test ($p < 0.05$).

Results and discussion. It was established that religiosity is a significant factor determining ethical assessments of ART. It was found that religious citizens are twice as likely as non-religious citizens to deny the permissibility of IVF (20.9 % vs. 10.5 %; $p = 0.000$) and 3.4 times more likely to perceive the birth of children after IVF as "unnatural". Regarding surrogacy, an ambivalent attitude was observed. Religious citizens are more likely to express a positive assessment of the technology, but simultaneously, they are more likely to speak about ethical risks associated with "child trafficking" and the commercialization of childbirth.

Conclusion. The religious factor determines not only the general modality of attitudes towards ART but also the structure of argumentation. Non-religious individuals are characterized by a pragmatic focus on helping infertile families, while for religious individuals, the bioethical categories of the "naturalness" of life and the inadmissibility of an objectifying attitude towards a child become priorities. The obtained data can be used for the development of empathetic healthcare and bioethical counseling.

Keywords: assisted reproductive technologies, IVF, surrogacy, religious factor, bioethics, traditional values, reproductive behavior, public opinion, ambivalence of consciousness, value conflict

For citation: Smirnova, E.A. (2026), "The Influence of the Religious Factor on the Formation of Public Attitudes Towards Assisted Reproductive Technologies", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 78–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-78-89

Введение. В современном общественном дискурсе центральное место занимает вопрос укрепления традиционных семейных ценностей, под которыми понимается совокупность представлений о желаемой модели семейных отношений, детерминирующих репродуктивное поведение индивидов и обеспечивающих сохранение и воспроизводство социокультурных образцов [1]. При этом родительство выступает основой семьи [2]. Вместе с тем реализация данной ценности сталкивается с серьезными угрозами медико-демографического характера. Согласно данным Министерства здравоохранения РФ, в рамках общественной диспансеризации 2024 г. нарушения репродуктивной функции были выявлены у 12,9 % женщин [3]. Увеличивается средний возраст женщин, готовых к материнству (с 23,2 лет в 1995 г. до 26,2 лет в 2023 г.), что повышает риск развития вторичного бесплодия. Существующая тен-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

денция подтверждается исследованиями. Так, Т. П. Сабгайда с соавторами выяснили, что доля респондентов, состояние здоровья которых препятствует деторождению, увеличилась почти вдвое как среди мужчин (с 8 до 15 %), так и среди женщин (с 12,6 до 24,9 %) [4].

Кроме того, необходимость изучения проблемы связана с тем, что репродуктивное поведение определяется не только медицинскими показателями и доступностью медицинской помощи, но и системой смыслов, в которой индивид интерпретирует рождение ребенка как моральный выбор, социальную норму и личностную ценность. В таком случае рассмотрение возможности обращения к вспомогательным репродуктивным технологиям перестает быть исключительно медицинским решением и становится действием, затрагивающим мировоззренческую идентичность семьи. Для части населения ВРТ воспринимается как реализация ответственного родительства и способ преодоления страдания, связанного с бесплодием, тогда как для другой части – как потенциальное нарушение «естественного порядка», подмена телесной и духовной составляющих родительства технологической процедурой.

Важно учитывать, что вспомогательные репродуктивные технологии также затрагивают вопросы справедливости и доверия к системе здравоохранения. Решение о применении медицинских технологий часто связано с вариативностью результата, эмоциональным напряжением и необходимостью принятия сложных этических решений, таких как статус эмбриона, медицинские риски для женщины, границы допустимого вмешательства, роли третьих лиц. Помимо профессиональных медицинских заключений, для пациента важна способность системы здравоохранения обеспечить понятное изложение информации, эмоционально поддерживающее общение и уважение к ценностным установкам семьи. Отсюда следует, что исследование общественного мнения о вспомогательных репродуктивных технологиях имеет важное прикладное значение. Оно позволяет выявить области возникновения вероятного недоверия и противоречия в системе ценностей, влияющие на готовность людей обращаться за медицинской помощью и следовать рекомендациям специалистов.

Как следствие, вспомогательные репродуктивные технологии становятся важным инструментом преодоления демографического кризиса. Однако статистические данные о готовности населения прибегнуть к этим технологиям противоречивы. Если в 2017 г. положительный ответ дала каждая вторая (53,5 %) женщина, то к 2023 г. этот показатель составил 35,8 %. При этом резко возросла доля неопределившихся с ответом (с 2 до 53 %), что свидетельствует о растущей амбивалентности общественного сознания в отношении технологического вмешательства в процессы зарождения жизни. Данная амбивалентность обусловлена нарастающим ценностным конфликтом. В условиях размывания этических норм и приобретения девиантными моделями поведения статуса «новой нормы» [5] традиционная религиозность сохраняет за собой функцию базового источника моральных ориентиров [6]. П. Х. Чеонг и Р. Клувер говорят о непростом характере взаимодействия религии и новых технологических достижений, которые могут взаимно усиливать друг друга, создавая новые этические проблемы [7].

Теоретические исследования отношения к ВРТ в контексте религии традиционно определяются противостоянием деонтологического подхода и принципа биоэтического либерализма. Как отмечает И. В. Силуянова, религиозное сознание воспринимает ВРТ не просто как медицинский инструментарий, а как проблему «вторжения» в священную сферу начала жизни, что неизбежно ведет к объективации эмбриона и десакрализации деторождения [8].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

Дискуссия, заданная П. Х. Чеонг и Р. Клувер, получает развитие в концепции «морального сопротивления» новым технологиям, когда верующий человек, сталкиваясь с ними, испытывает вызов, затрагивающий его религиозную идентичность. Если светский дискурс, по мнению авторов [9; 10], центрирован на прагматике медицинского успеха и реализации индивидуального права на родительство, то религиозный фильтр трансформирует ВРТ в зону риска «нравственной деградации» семьи из-за вовлечения третьих лиц (в случае суррогатного материнства), что подтверждается полученными автором настоящей статьи данными о превалировании морально-этических опасений у верующих респондентов.

Особую актуальность приобретает изучение различий в восприятии технологий со стороны участников лечебно-диагностического процесса – врачей и пациентов. Исследования показывают, что отношение воцерковленных пациентов в большей степени соотносится с религиозной моралью и принципами биоэтики, формируя особый запрос на ценностно ориентированную медицинскую помощь [11]. В данном контексте изучение влияния религиозного фактора на принятие ВРТ становится важным шагом к формированию стратегии эмпатичного биоинтегративного здравоохранения, способного связать технологический прогресс с духовными потребностями личности.

В работе принципиально важно различать два типа технологий, которые в массовом сознании нередко объединяются под общим названием ВРТ, хотя их этическая структура неодинакова. Экстракорпоральное оплодотворение чаще воспринимается как медицинская помощь супружеской паре при бесплодии, т. е. как «терапевтическое» расширение возможностей организма. Суррогатное материнство, вовлекая в процесс третье лицо, перемещает многие вопросы, такие как допустимость передачи репродуктивной функции, границы коммерциализации, риска инструментализации тела женщины, потенциальной уязвимости ребенка и другие, в социально-нормативную сферу. Следовательно, сравнение отношения населения к ЭКО и к суррогатному материнству позволит понять, что именно становится триггерами моральных сомнений – сам факт технологического вмешательства или социальные последствия вовлечения третьих лиц и договорных отношений.

Цель настоящего исследования – выявить различия в отношении верующего и неверующего населения к вспомогательным репродуктивным технологиям (ЭКО и суррогатное материнство).

Задачи исследования:

1) определить распределение положительных, нейтральных и отрицательных оценок в отношении ВРТ среди групп верующего и неверующего населения;

2) проанализировать основные аргументы населения в пользу и против применения экстракорпорального оплодотворения и суррогатного материнства, выделив различия по религиозному фактору;

3) оценить восприятие здоровья и «естественности» детей, рожденных с помощью ЭКО, сравнив позиции верующего и неверующего населения;

4) выявить уровень амбивалентности и обосновать ее связь с ценностным конфликтом между технологическим прогрессом и традиционными морально-религиозными установками.

Гипотезы исследования:

– гипотеза 1 (основная). Религиозность (верующие и неверующие) выступает значимым фактором, определяющим этическую оценку вспомогательных репродуктивных тех-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

нологий (ЭКО и суррогатного материнства). Верующее население в большей степени ориентировано на традиционные биоэтические нормы и религиозную мораль, что способствует отрицанию технологий и амбивалентности по сравнению с неверующими;

– гипотеза 1.1. Верующее население имеет низкий уровень положительных оценок ЭКО и чаще выражает отрицательное отношение к процедуре, мотивируя это «противоестественностью» зачатия и сомнениями в здоровье детей, рожденных с помощью ЭКО;

– гипотеза 1.2. Верующее население чаще неверующих обращает внимание на этические риски суррогатного материнства («торговля детьми», коммерциализация), несмотря на более высокий уровень положительных оценок процедуры, что говорит о присутствии внутреннего ценностного конфликта;

– гипотеза 1.3. Доля неопределившихся с ответом на вопрос среди верующих респондентов выше, чем среди неверующих. Она зависит от уровня религиозности, свидетельствуя о столкновении технологического прогресса с традиционными моральными установками.

Методология и источники. Инструментом исследования стала «Анкета для изучения биоэтических представлений», разработанная Т. Г. Светличной [9]. Анкета включает три основных части и заключительную (паспортную) часть, характеризующую статус опрашиваемых (пять вопросов). Первая часть анкеты посвящена определению религиозной и конфессиональной принадлежности (два вопроса), вторая – морально-нравственной характеристике (15 вопросов), третья – отношению к биомедицинским технологиям (18 вопросов). Всего 50 вопросов. Сбор данных осуществлялся методом анкетирования. По характеру проведения исследование является неэкспериментальным, аналитическим, с использованием индивидуальных данных, по времени – поперечным, одномоментным.

Объект исследования – общественное мнение населения городов Архангельска и Череповца по вопросам, связанным со вспомогательными репродуктивными технологиями (суррогатное материнство и ЭКО). Предмет исследования – мировоззренческие факторы (религиозность – верующие/неверующие), влияющие на формирование отношения к ВРТ.

В 2023–2025 гг. были изучены ценностные ориентации населения в городах Архангельске и Череповце. Генеральную совокупность исследования составляют взрослые жители указанных городов, обратившиеся в амбулаторно-поликлинические учреждения и давшие добровольное информированное согласие на участие в нем. Опрос проводился среди лиц, проходивших плановую диспансеризацию и профилактические медицинские осмотры, что позволило охватить широкие слои социально активного, условно здорового населения, для которого вопросы ВРТ не являются предметом личной медицинской необходимости в текущий момент. Использование площадок отделений медицинской профилактики позволило минимизировать риск участия в опросе лиц с «витальной заинтересованностью» в ВРТ (пациентов репродуктивных центров), чье мнение было бы заведомо смещено в сторону безусловной лояльности к технологиям. В данном случае медицинский контекст выступал лишь организационной рамкой, а респонденты рассматривались как носители общегражданских ценностей, отражающие мнение широкой городской общественности. Для обеспечения репрезентативности использовался метод квотной выборки с элементами пропорциональной стратификации по полу и возрасту. Это позволило сформировать выборку из 768 чел. (Архангельск – 386 чел., Череповец – 382 чел.), отражающую структуру населения каждого города ($\delta = \pm 0{,}035$).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

Для определения минимального объема выборки была использована формула, основанная на уравнении предельной ошибки выборки. Исходными данными для расчета послужили численность населения Архангельска (294 914 чел.) и Череповца (298 790 чел.) по состоянию на 01.01.2023 (Архангельск), 01.01.2024 (Череповец), доверительный коэффициент $Z = 1{,}96$, максимально допустимая ошибка $\Delta = 0{,}05$ и предполагаемый удельный вес признака в популяции $p = 0{,}5$ (50 %). Этот расчет показал, что для исследования необходимо привлечь по 384 человека из каждого города. Горожане были случайным образом отобраны среди граждан, проходивших профилактические медицинские осмотры, что снизило вероятность ситуативно обусловленных ответов. Участникам объяснялась цель исследования, разъяснялись добровольность участия и анонимность обработки данных, что важно при изучении столь чувствительных тем. Формулировки вопросов анкеты были направлены на выявление не только полярных оценок («за/против»), но и вопросов неопределенности – сомнений, колебаний и условий допустимости технологии. Это позволило изучить структуру доводов, связанных с вмешательством в репродукцию.

Анализ полового состава опрошенных показал, что большинство респондентов составили женщины (58,2 %). Участники исследования были распределены по возрастным группам следующим образом: 17,6 % – 18–28 лет; 29,2 % – 29–44 года; 27,5 % – 45–60 лет; 22,5 % – 61–79 лет; 3,2 % – 80 лет и старше. Средний возраст участников составил 45,45 лет (стандартное отклонение 1,68). Каждый четвертый участник (25,8 %) является семейным человеком, воспитывающим детей. Среди них 35,7 % воспитывают одного ребенка; 26,8 % – двух; 15,9 % – трех; 3,9 % – более трех детей. По социальному статусу большинство респондентов – работающие (68,2 %) или учащиеся (12,6 %). Уровень образования участников распределился следующим образом: 30,9 % имеют среднее общее образование; 29,4 % – среднее профессиональное; 13,8 % – неполное высшее образование; 25,9 % – высшее образование. Средний доход на одного члена семьи составил 24 918 руб. Анализ данных показал отсутствие статистически значимых различий по полу ($\alpha = 0{,}807$) и возрасту ($\alpha = 0{,}869$) между респондентами из Архангельска и Череповца.

Анализ данных свидетельствует о равном распределении информантов, идентифицирующих себя верующими (363 чел., 47,3 %) и неверующими (405 чел., 52,7 %). При формировании выборки информантов (религиозных и нерелигиозных) автор руководствовалась классической типологией Е. А. Кублицкой [12; 13]. Группа «верующие» была отнесена к религиозным, а группа «неверующие» была сформирована путем объединения лиц, прямо отрицающих наличие Бога, и колеблющихся. Данный методологический выбор носит осознанный характер и базируется на жестком критерии устойчивости религиозного сознания. Автор исходит из того, что в вопросах биоэтики (таких как ВРТ) решающее значение имеет наличие четкого теологического ценностного фильтра. Поскольку у колеблющихся отсутствуют твердые догматические установки и они не разделяют нормативные предписания религиозных институтов в полной мере, их этические оценки детерминированы светскими (рационалистическими или гуманистическими) аргументами. Результаты исследования свидетельствуют о том, что по характеру морального выбора колеблющиеся сближаются с неверующими: в обеих группах наблюдается независимость от установок религиозных авторитетов. Использование бинарной классификации (верующие/неверующие и колеблющиеся)

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

позволило более четко зафиксировать полярные векторы в отношении к репродуктивным технологиям, избежав размывания данных за счет группы с неопределенной позицией, которая в вопросах медицины склонна придерживаться светского прагматизма.

Статистический анализ включал расчет количественных и качественных переменных. Для выявления различий в этических установках по изучаемым факторам применялся критерий хи-квадрат Пирсона. Уровень статистической значимости был установлен на уровне $\alpha = 0,05$. 95%-ные доверительные интервалы рассчитывались методом Фишера. Различия считались достоверными при $\alpha < 0,05$. Обработка данных проводилась в пакете SPSS ver. 21.

Результаты и обсуждение. Исследование выявило неоднозначное отношение к суррогатному материнству. Большинство (81,7 %) в целом одобряют данную процедуру, при этом преобладают нейтральные (54,6 %) и положительные (27,1 %) оценки (табл. 1).

Таблица 1. Отношение населения к суррогатному материнству в зависимости от религиозной веры (%; 95 % ДИ)
Table 1. Population attitudes toward surrogacy by religious faith (%; 95 % CI)

Отношение к религии	Положительно	Нейтрально	Отрицательно	Не знаю
Верующие	32,4 (28,7–36,3)	50,8 (46,7–54,8)	3,5 (2,3–5,4)	13,3 (10,8–16,3)
Неверующие	22,4 (19,4–25,8)	58,0 (54,2–61,7)	3,5 (2,3–5,2)	16,1 (13,5–19,1)
Всего	27,1 (24,8–29,7)	54,6 (51,8–57,3)	3,5 (2,6–4,7)	14,8 (12,9–16,8)
$\chi^2 = 16,02$; p = 0,001				

Полученные данные выявляют парадоксальную, на первый взгляд, тенденцию. Уровень одобрения суррогатного материнства среди верующих респондентов выше (32,4 %), чем среди неверующих (22,4 %), несмотря на официально негативную позицию ведущих религиозных институтов (в частности, закрепленную в «Основах социальной концепции РПЦ»). Данный феномен может быть осознан с позиции феноменологии «согласия из сострадания». Для сознания верующего человека ценность деторождения и сохранения семьи как «малой церкви» зачастую превалирует над религиозными запретами на определенные медицинские технологии. В этих условиях суррогатное материнство воспринимается респондентами не как биоэтическое нарушение или «торговля детьми», а как акт жертвенности и помощи ближнему в преодолении недуга бесплодия. Религиозные граждане, традиционно ориентированные на рождение детей, проявляют большее понимание бездетных пар. Для них возможность рождение ребенка воспринимается как высшее благо, способное оправдать этическую сторону процедуры. Необходимо принимать во внимание фактор секуляризации религиозного сознания. Большая часть опрошенных, признающих себя верующими, склонны к индивидуальному пониманию этических норм. В их восприятии милосердие (помощь бездетной семье) становится более значимым аргументом, чем теологические доводы о дегуманизации процесса деторождения.

В то же время неверующие граждане чаще нейтрально оценивают возможность применения технологий (58 % против 50,8 % у верующих; p = 0,001). Среди неверующих наблюдается так называемая этическая дистанция, при которой в отсутствие устойчивых религиозных норм они чаще занимают нейтральную, отстраненную позицию, рассматривая процедуру как медицинскую услугу, не требующую моральной оценки. Для верующих респондентов суррогатное материнство становится вопросом осмысления, что снижает долю нейтральных ответов. Низкий же уровень отрицания (3,5 % в обеих группах) в сочетании с опасениями «тор-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

говли детьми» подтверждает тезис об амбивалентности. Респонденты не готовы отвергнуть технологию полностью, но и не могут относиться к ней нейтрально, безучастно.

Среди основных аргументов в пользу допустимости суррогатного материнства выделяются возможность для бездетных семей обрести ребенка (31,8 %) и его применение в крайних случаях (35,2 %) (рис. 1). Значительная часть респондентов (20,5 %) считает суррогатное материнство недопустимым, аргументируя это как способ «торговли детьми». Затруднились с ответом 12,5 %.

χ^2=21,33; p=0,000

Рис. 1. Суждения населения в отношении суррогатного материнства в зависимости от религиозной веры (%)
Fig. 1. Public opinion regarding surrogacy depending on religious faith (%)

Интересно, что неверующие (35,2 %) статистически значимо (p = 0,000) чаще верующих (28 %) рассматривают суррогатное материнство как возможность для бездетных семей. В то же время верующие (25,8 %) чаще выражали опасения относительно недопустимости технологии из-за риска «торговли детьми».

Полученные данные говорят о положительной оценке суррогатного материнства среди верующих при одновременном акценте на возможные риски «торговли детьми». В данном случае согласие с технологией может формироваться как «согласие из сострадания», когда желание помочь бездетной семье воспринимается как нравственно оправданная цель. Одновременно сохраняется настороженность к возможной коммерциализации и превращение ребенка в объект сделки, а значит, положительная оценка не исключает внутренних сомнений и потребности в этических ограничителях (например, допустимость только при определенных условиях). Таким образом, в общественном сознании технология суррогатного материнства может получать поддержку.

Отношение к экстракорпоральному оплодотворению также оказалось преимущественно положительным. Половина респондентов (46,6 %) положительно оценивают процедуру ЭКО, еще 23,9 % относятся к ней нейтрально (табл. 2). Отрицают возможность применение ЭКО 15,4 % опрошенных, а 14,1 % затруднились с ответом.

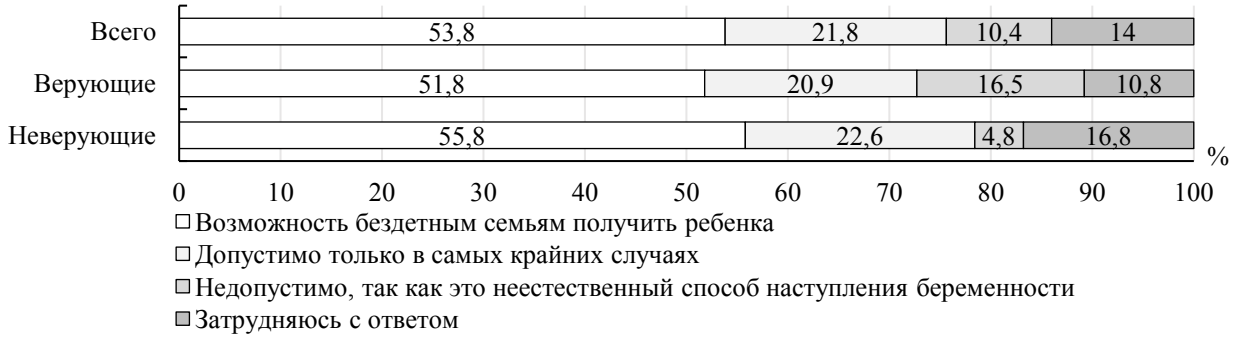
Таблица 2. Отношение населения к процедуре ЭКО (%; 95 % ДИ)
Table 2. Population attitude towards IVF procedure (%; 95 % CI)

Отношение к религии	Положительно	Нейтрально	Отрицательно	Не знаю
Верующие	42,5 (38,6–46,5)	23,1 (19,9–26,7)	20,9 (17,8–24,4)	13,5 (11,0–16,5)
Неверующие	50,3 (46,5–54,1)	24,6 (21,6–28,1)	10,5 (8,3–13,0)	14,6 (12,1–17,4)
Всего	46,6 (43,9–49,4)	23,9 (21,7–26,4)	15,4 (13,5–17,5)	14,1 (12,2–16,1)
χ^2=26,83; p=0,000				

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

В отличие от суррогатного материнства, положительное отношение к ЭКО демонстрируют 50,3 % неверующих, что выше показателя среди верующих (42,5 %). При этом верующие (20,9 %) в два раза чаще неверующих (10,5 %) выражают отрицательное отношение к использованию ЭКО (p = 0,000).

Основными причинами, по которым респонденты считают ЭКО допустимым, являются возможность для бездетных семей получить ребенка (53,8 %) и его применение только в крайних случаях (21,8 %). 10,4 % опрошенных полагают, что ЭКО ведет к «торговле детьми», 14 % не смогли дать однозначный ответ (рис. 2).

χ^2 = 50,49; p = 0,000

Рис. 2. Суждения населения в отношении процедуры ЭКО в зависимости от религиозной веры (%)
Fig. 2. Public opinion regarding the IVF procedure depending on religious faith (%)

Важно отметить, что верующие (16,5 %) в 3,4 раза чаще неверующих (4,8 %) считали ЭКО недопустимым из-за неестественного характера наступления беременности.

Более половины респондентов (61,1 %) полагают, что дети, рожденные в результате ЭКО, не отличаются от детей, зачатых естественным путем (табл. 3). Однако каждый десятый (12,5 %) считает их менее здоровыми, а 9 % – появившимися на свет противоестественным путем. 17,4 % респондентов не смогли ответить на данный вопрос.

Таблица 3. Мнение респондентов о детях, рожденных в результате ЭКО (%; 95 % ДИ)
Table 3. Respondents' opinion about children born as a result of IVF (%; 95 % CI)

Варианты ответов	Верующие	Неверующие	Всего
Такие же, как и остальные	59,5 (55,5–63,4)	62,6 (58,8–66,2)	61,1 (58,4–63,8)
Менее здоровы, чем дети, родившиеся в результате естественной беременности	10,3 (8,1–13,0)	14,6 (12,1–17,4)	12,5 (10,8–14,5)
Появились на свет противоестественным путем	14,3 (11,7–17,4)	4,2 (3,0–6,1)	9,0 (7,6–10,7)
Затрудняюсь с ответом	15,9 (13,1–19,0)	18,6 (15,9–21,8)	17,4 (15,3–19,5)
χ^2 = 41,67; p = 0,000			

При этом верующие (14,3 %) в 3,4 раза чаще неверующих (4,2 %) указывают на противоестественный путь рождения детей, зачатых с помощью ЭКО (p = 0,000).

Сравнительный анализ полученных данных с результатами других исследований показывает устойчивость выявленных трендов. Так, выводы автора о более выраженном неприятии ЭКО верующими гражданами (14,3 % против 4,2 % у неверующих) коррелируют с данными [10], указывающими, что конфессиональная принадлежность выступает мощным предиктором негативного отношения к манипуляциям с репродуктивным материалом. Однако настоящее исследование выявило парадоксальную деталь. Верующие респонденты более позитивны в декларативной (поверхностной) оценке суррогатного материнства, однако

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

при детальном опросе показывают глубокий внутренний конфликт, акцентируя внимание на рисках «торговли детьми». Это позволяет говорить об амбивалентности отношения верующих к вспомогательным репродуктивным технологиям. Под амбивалентностью в данном случае понимается не отсутствие определенной позиции, а сочетание признания социальной и семейной значимости технологии с одновременным восприятием ее как морально проблемной практики.

Заключение. В результате анализа были сделаны следующие выводы. Во-первых, основная гипотеза подтверждается частично. Религиозность влияет на формирование отношения к вспомогательным репродуктивным технологиям. Однако выявлены различия в оценке технологии ЭКО и суррогатного материнства. Верующие чаще отрицают возможность проведения ЭКО, что соответствует основной гипотезе. В оценке суррогатного материнства верующие чаще выражают положительное отношение, однако одновременно чаще допускают этические риски («торговля детьми»), что указывает не столько на «более отрицательное отношение», сколько на внутренне противоречивую (амбивалентную) структуру оценок.

Во-вторых, гипотеза 1.1 подтверждается. При оценке отношения к технологии ЭКО выявлены статистически значимые различия между верующими и неверующими гражданами ($p = 0{,}000$): неверующие чаще относятся положительно (50,3 % против 42,5 %), а верующие – чаще отрицательно (20,9 % против 10,5 %). Кроме того, верующие чаще объясняют отрицание «неестественностью» (16,5 % против 4,8 %), что соответствует гипотезе об ориентации верующих на традиционные морально-религиозные установки.

В-третьих, гипотеза 1.2 подтверждается. Несмотря на то, что верующие чаще дают положительную оценку суррогатному материнству (32,4 % против 22,4 %), они же чаще выражают опасения относительно его недопустимости из-за риска «торговли детьми» (25,8 %). Подтверждается предположение о наличии ценностного конфликта, при котором технология может восприниматься и как помощь семье, и одновременно как этически рискованная процедура (коммерциализация, объектное отношение к ребенку и/или женщине).

В-четвертых, гипотеза 1.3 подтверждается частично. Фиксируется наличие амбивалентности в отношении к вспомогательным репродуктивным технологиям, прежде всего в группе верующих, где поддержка отдельных технологий сочетается с выраженными морально-этическими сомнениями. Вместе с тем доля затруднившихся с ответом по вопросам суррогатного материнства (12,5 %), ЭКО (14,1 %) и «естественности/здоровья» детей, зачатых с помощью ЭКО (17,4 %), статистически значимо не различается между верующими и неверующими. Следовательно, амбивалентность в данном исследовании проявляется не столько через неопределенность ответов, сколько через внутренне противоречивую структуру оценок.

Таким образом, цель исследования достигнута: выявлены различия в отношении верующих и неверующих граждан к вспомогательным репродуктивным технологиям. Расхождение проявляется как в оценке процедуры ЭКО, так и в восприятии «естественности» рождения вследствие ее проведения. Верующие значимо чаще отвергают ЭКО и считают рождение детей после ЭКО «противоестественным» (14,3 % против 4,2 %; $p = 0{,}000$). По суррогатному материнству различия имеют иной характер. Верующие более позитивны в декларативной оценке, но чаще акцентируют морально-этические риски («торговля детьми»), тогда как неверующие чаще выбирают аргумент о помощи бездетным семьям и при этом в

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 78–89
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 78–89

общей оценке чаще выражают отрицательное отношение к процедуре ($p = 0{,}001$). Это свидетельствует о том, что религиозный фактор влияет не только на позитивную и негативную оценки технологий, но и на составляющую моральных сомнений в условиях конфликта между использованием современных технологий и традиционными ценностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Завгородний Д. А. Семейные ценности и ориентации молодежи как индикатор демографического будущего России: методологические аспекты исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6/1. С. 81–85.

2. Ильиных С. А. Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5, № 2. С. 52–59. DOI: https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.4

3. Мамиконян О. Почти у 13 % женщин в России выявили нарушения репродуктивного здоровья // Forbes. 16.07.2025. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/542008-u-pocti-13-zensin-v-rossii-vyavili-narusenia-reproduktivnogo-zdorov-a (дата обращения: 14.03.2026).

4. Сабгайда Т. П., Боровкова В. В., Зубко А. В. Готовность бездетных пар к использованию вспомогательных репродуктивных технологий в России // Социальные аспекты здоровья населения. 2025. № 71 (4). URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1815/30/lang,ru/ (дата обращения:14.03.2026). DOI:10.21045/2071-5021-2025-71-4-5

5. Загирова Э. М. Семейные ценности и традиции: роль и функции (на примере Дагестана) // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4, № 1. С. 58–69. DOI: https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.1.6

6. Соколовская И. Э. Влияние религиозного самосознания на выбор ценностных ориентаций современной молодежи // Преподаватель XXI век. 2013. Т. 1, № 4. С. 47–55.

7. Kluver R., Cheong P. H. Technological Modernization, The Internet, and Religion in Singapore // J. of Computer Mediated Communication, 2007. Vol. 12, iss. 3. P. 1122–1142. DOI: https://doi.org/10.1111/J.1083-6101.2007.00366.X

8. Силуянова И. В. Вспомогательные репродуктивные технологии: за и против // Церковь и медицина. 2021. № 1 (20). С. 75–79.

9. Смирнова Е. А., Светличная Т. Г., Санников А. Л. Моральные ценности и технологии современной медицины: биоэтический дискурс. Череповец: ЧГУ, 2025.

10. Шелыгина Е. А., Светличная Т. Г., Степанов Е. С. Комплементарность светских и теологических концепций использования вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. 2016. № 4. С. 38–44.

11. Филимонов С. В. Медицина и православие: медико-социальные, организационные и этические проблемы: дис. ... д-ра мед. наук / СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. СПб., 2004.

12. Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социол. исслед. 2009. Т. 8, № 3. С. 96–107.

13. Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Религиозная самоидентификация молодежи в воспроизводстве социокультурного механизма саморегуляции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 2. С. 135–174. DOI: https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.7

Информация об авторе

Смирнова Елена Алексеевна – кандидат социологических наук (2015), доцент кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, пр. Луначарского, д. 5, Череповец, Вологодская обл., 162600, Россия. Автор 126 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология культуры, социология медицины, эмпатичная коммуникация, доверие в медицине, пациентоцентричность, ценностно ориентированное здравоохранение, взаимодействие врача и пациента, качество медицинской помощи, биоэтика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.03.2026; принята после рецензирования 30.06.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Zavgorodny, D.A. (2014), "Family values and youth orientations as indicator of the demographic future Russia: methodological aspects of research", *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, no. 6/1, pp. 81–85.

2. Ilinykh, S.A. (2022), "Values of matrimony, parenthood, kinship: meanings and interpretation", *Caucasian Science Bridge*, vol. 5, no. 2, pp. 52–59. DOI: https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.4

3. Mamikonian, O. (2025), "Almost 13% of women in Russia have reproductive health problems", *Forbes*, 16.07.2025, available at: https://www.forbes.ru/forbes-woman/542008-u-pocti-13-zensin-v-rossii-vyavili-narusenia-reproduktivnogo-zdorov-a (accessed 14.03.2026).

4. Sabgaida, T.P., Borovkova, V.V. and Zubko, A.V. (2025), "Willingness of childless couples to use assisted reproductive technologies in Russia", *Social'nye aspekty zdorov'a naselenia*, no. 71 (4), available at: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1815/30/lang,ru/ (accessed 14.03.2026). DOI:10.21045/2071-5021-2025-71-4-5

5. Zagirova, E.M. (2021), "Family values and traditions: role and functions (on the example of Dagestan)", *Caucasian Science Bridge*, vol. 4, no. 1, pp. 58–69. DOI: https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.1.6

6. Sokolovskaya, I.E. (2013), "The influence of religious self-awareness on the choice of value orientations of modern youth", *Prepodavatel XXI vek*, vol.1, no. 4, pp. 47–55.

7. Kluver, R. and Cheong, P.H. (2007), "Technological Modernization, The Internet, and Religion in Singapore", *J. of Computer Mediated Communication*, vol. 12, iss. 3, pp. 1122–1142. DOI: https://doi.org/10.1111/J.1083-6101.2007.00366.X

8. Siluyanova, I.V. (2021), "Assisted Reproductive Technologies: Pros and Cons", *Church and Medicine*, no. 1 (20), pp. 75–79.

9. Smirnova, E.A., Svetlichnaya, T.G. and Sannikov, A.L. (2025), *Moral values and technologies of modern medicine: bioethical discourse* [Moral Values and Technologies of Modern Medicine: Bioethical Discourse], ChSU, Cherepovets, RUS.

10. Shelygina, E.A., Svetlichnaya, T.G. and Stepanov, E.S. (2016), "Complementarity of Secular and Theological Conceptions of Use of Assisted Reproductive Technologies", *Medical Law*, no. 4, pp. 38–44.

11. Filimonov, S.V. (2004), "Medicine and Orthodoxy: Medical, Social, Organizational, and Ethical Problems", Dr. Sci. (Medical) Thesis, I.P. Pavlov SPbSMU, SPb., RUS.

12. Kublitskaya, E.A. (2009), "Specifics of religiosity studies in contemporary Russia", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, vol. 8, no. 3, pp. 96–107.

13. Seliverstova, N.A. and Zubok, Yu.A. (2023), "Religious selfidentification of youth: a sociocultural mechanism of reproduction", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 26, no. 2, pp. 135–174. DOI: https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.7

Information about the author

Elena A. Smirnova – Can. Sci. (Sociology, 2015), Associate Professor at the Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University, 5 Lunacharsky avn., Cherepovets, Vologda Region 162600, Russia. The author of 126 scientific publications. Area of expertise: sociology of culture, sociology of medicine, empathetic communication, trust in medical settings, patient-centricity, value-based healthcare systems, physician-patient engagement, quality of healthcare services, bioethics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.03.2026; adopted after review 30.06.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

Оригинальная статья
УДК 316.6; 316.646; 314.14; 316.3
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-90-105

Роль экономических факторов в принятии решения о деторождении (по результатам глубинных интервью с женщинами сибирского региона)

***Ольга Владимировна Васильева*[1]✉*, Антон Сергеевич Парфёнов*[2]**

[1, 2]*Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*
[1]✉*79232816007@ya.ru, https://orcid.org/0000-0002-6898-390X*
[2]*asparfenowis@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-1497-5100*

Введение. В условиях сегодняшних показателей рождаемости в России ниже уровня простого воспроизводства населения особую значимость приобретает понимание материальных оснований репродуктивных решений. Целью работы стало изучение представлений женщин репродуктивного возраста, проживающих в Красноярском крае, о материальных факторах, стимулирующих и ограничивающих рождаемость. Гипотеза – наиболее позитивно влияют на рождаемость такие факторы материального благополучия, как удовлетворенность жилищными условиями и субъективное ощущение стабильности дохода семьи. Объект – женщины репродуктивного возраста, проживающие в Красноярском крае. Предмет – представления женщин репродуктивного возраста о материальных условиях жизни как факторах, влияющих на репродуктивные установки и поведение в контексте воспроизводства населения и функционирования института семьи.

Методология и источники. Эмпирическую основу исследования составили 20 полуструктурированных глубинных интервью с женщинами, находившимися в состоянии беременности на момент опроса или родившими детей в 2024–2025 гг. Сбор и систематизация данных осуществлялись с помощью методов качественного и количественного контент-анализа.

Результаты и обсуждение. Ключевыми промоторами деторождения выступают удовлетворенность жилищными условиями (прежде всего это наличие собственного, несъемного жилья, в том числе приобретенного с помощью ипотечного кредита), субъективное ощущение стабильности дохода семьи, а также наличие государственной материальной поддержки и помощи ближайшего окружения. В качестве основных барьеров деторождения названы финансовая неустойчивость, страх потери заработка, отсутствие жилплощади и инфляционные риски. Установлено, что материальные ресурсы формируют субъективную «базу безопасности» преимущественно в сочетании с надежной партнерской поддержкой (или поддержкой близких родственников) и институциональными гарантиями (такими как поддержка государства, семьи, работодателей).

Заключение. Исследование уточняет гипотезу, показывая комплексность характера репродуктивных решений современных женщин. Экономические условия интерпретируются ими как структурный элемент системы социальной и психологической защищенности индивида и семьи. Полученные в ходе исследования результаты задают вектор для дальнейшей количественной верификации выявленных закономерностей, а также обосновывают необходимость системной работы социальных институтов для эффективного решения назревших демографических задач.

© Васильева О. В., Парфёнов А. С., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

Ключевые слова: рождаемость, деторождение, человеческий потенциал, репродуктивное поведение, демографический выбор, репродуктивный возраст, материальные факторы, экономические факторы

Для цитирования: Васильева О. В., Парфёнов А. С. Роль экономических факторов в принятии решения о деторождении (по результатам глубинных интервью с женщинами сибирского региона) // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-90-105

Original paper

The Role of Economic Factors in Decisions about Childbearing: Results of in Depth Interviews with Women in a Siberian Region

***Olga V. Vasilyeva*[1]✉*, Anton S. Parfyonov*[2]**

[1, 2]*Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*
[1]✉*79232816007@ya.ru, https://orcid.org/0000-0002-6898-390X*
[2]*asparfenowis@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-1497-5100*

Introduction. In the context of declining fertility rates in Russia below the level of simple population replacement, the study of the material foundations of reproductive decision-making becomes particularly relevant. The aim of this study is to examine the perceptions of women of reproductive age residing in the Krasnoyarsk Krai regarding material factors that stimulate or constrain childbearing. The hypothesis posits that such factors of material well-being as satisfaction with housing conditions and the subjective perception of household income stability exert the most positive influence on fertility. The object of the study comprises women of reproductive age living in the Krasnoyarsk Krai. The subject of the study is the social representations of women of reproductive age concerning material living conditions as factors influencing reproductive attitudes and behavior within the context of population reproduction and the functioning of the family as a social institution.

Methodology and sources. The empirical basis of the study consists of twenty semi-structured in-depth interviews conducted with women who were either pregnant at the time of the survey or had given birth in 2024–2025. Data collection and systematization were carried out using methods of qualitative and quantitative content analysis.

Results and discussion. The key promoters of childbearing include satisfaction with housing conditions (primarily the availability of owner-occupied, non-rented housing, including that acquired through mortgage lending), the subjective perception of household income stability, as well as the availability of state financial support and assistance from one's immediate circle. The main barriers to childbearing are identified as financial instability, fear of income loss, lack of adequate housing, and inflation-related risks. It is established that material resources form a subjective "security base" primarily in combination with reliable partner support (or support from close relatives) and institutional guarantees (such as support from the state, family and employers).

Conclusion. The study refines the hypothesis of the research, showing the complexity of the reproductive decisions of contemporary women. Economic conditions are interpreted by contemporary women as a structural element of the system of social and psychological security of the individual and the family. The findings provide a foundation for further quantitative verification of the identified patterns and substantiate the need for the systematic work of social institutions in order to effectively address pressing demographic challenges.

Keywords: fertility, childbearing, human potential, reproductive behavior, demographic choices, reproductive age, material factors, economic factors

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

For citation: Vasilyeva, O.V. and Parfyonov, A.S. (2026), "The Role of Economic Factors in Decisions about Childbearing: Results of in Depth Interviews with Women in a Siberian Region", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 90–105. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-90-105

Введение. Цель исследования – изучение представлений женщин репродуктивного возраста, проживающих в Красноярском крае, о материальных факторах, стимулирующих и ограничивающих рождаемость. Гипотеза – наиболее позитивно влияют на рождаемость такие факторы материального благополучия, как удовлетворенность жилищными условиями и субъективное ощущение стабильности дохода семьи. Объект исследования – женщины репродуктивного возраста, проживающие в Красноярском крае. Предмет исследования – представления женщин репродуктивного возраста о материальных условиях жизни (жилищные условия, стабильность дохода и пр.) как факторах, влияющих на репродуктивные установки и поведение.

На сегодняшний день в большинстве развитых стран наблюдается кризис рождаемости, проявляющийся в том, что число рождений не обеспечивает воспроизводства населения. В этих условиях в последние десятилетия демографическая политика в Российской Федерации стала одним из приоритетных направлений развития [1–4]. В стране ведется активная работа по стабилизации демографической ситуации, включающая в том числе введение материнского капитала, увеличение единовременных пособий по уходу за детьми до полутора лет, программы по приобретению жилья для молодых семей, региональные программы поддержки и т. д. [5; 6]. На сегодняшний день, несмотря на наличие обширного комплекса материальных мер государственной поддержки рождаемости, ее суммарный коэффициент остается ниже уровня воспроизводства населения и продолжает снижаться [7; 8]. Это противоречие между необходимостью сохранения человеческого капитала – с одной стороны, и затяжным демографическим спадом – с другой, может свидетельствовать о необходимости усиления эффективности мер преодоления барьеров рождаемости и/или об актуальности оптимизации системы информировании об уже существующих решениях.

Эмпирические данные, получаемые в ходе исследований экономистов, демографов и социологов, свидетельствуют, что меры материального стимулирования оказывают лишь частичное или опосредованное влияние на репродуктивное поведение населения [9; 10]. Таким образом, проблема исследования состоит в наличии противоречия между значительными усилиями государства в части материального стимулирования рождаемости и их ограниченной эффективностью, что и определяет необходимость уточнения субъективных представлений населения о материальных условиях, необходимых для повышения рождаемости. Взаимная обусловленность материальных и нематериальных факторов диктует необходимость глубинного изучения представлений населения о стимулах и препятствиях деторождения.

Методология и источники. Исследования подтверждают наличие положительного, но ограниченного эффекта экономических мер, в то время как более глубокие экономические и неэкономические факторы продолжают сдерживать решения о деторождении. Таким образом, желаемый уровень повышения рождаемости к 2036 г., скорее, не соответствует имеющимся прогнозам, что требует глубокого анализа механизмов влияния экономических (и не только) факторов на репродуктивное поведение населения. Актуальность оптимизации современной демографической политики подтверждается наличием множества иссле-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

дований по соответствующей тематике в последние годы [11–13]. Современные исследователи выявили, что стимулированию рождаемости могут способствовать не только прямые меры финансовой поддержки семей с детьми, но и комплексные программы, включающие развитие доступной инфраструктуры ухода за детьми, улучшение жилищных условий, обеспечение стабильной занятости родителей, решение вопроса о распределении времени индивидов между работой и домом, повышение доступности медицины и т. д. [14–16]. В качестве теоретико-методологической рамки настоящего исследования выступает теория рационального выбора в репродуктивном поведении (теория человеческого капитала Г. Беккера) и концепции субъективного восприятия рисков, включая экономические (М. Дуглас, А. Вилдавски, Ф. Найт и Т. В. Корнилова). Значительный вклад в теоретическую часть работы внесли исследования российского психолога Т. В. Корниловой, которая занимается изучением готовности к риску и поиском связи между личностными характеристиками и восприятием риска. В ее работах особое внимание уделяется личностной саморегуляции и подчеркивается, что материальные факторы преломляются через психологическую уверенность и рациональную оценку рисков [17].

Выборочная совокупность исследования: двадцать женщин активного репродуктивного возраста (18–49 лет), проживающих в Красноярском крае и находящихся в состоянии беременности на момент проведения исследования или имеющих детей 2024 или 2025 г. рождения. Фокус исследования на женщинах с детьми (включая беременных) обусловлен необходимостью минимизации эффекта абстрактного, декларативного мышления и необходимостью ретроспективной реконструкции механизмов репродуктивного выбора. При формировании выборки учитывался также порядок рождения (беременные первым ребенком, однодетные, беременные вторым ребенком, двухдетные, беременные третьим/четвертым ребенком, многодетные) и тип населенного пункта проживания (Красноярск, малые города, сельские поселения).

Исследование проводилось специалистами Енисейского регионального центра развития кадрового потенциала в области демографии Сибирского федерального университета в период с октября по декабрь 2025 г. под руководством кандидата социологических наук, доцента кафедры социологии и демографии Института педагогики, психологии и социологии СФУ Д. О. Труфанова. Метод сбора данных: полуструктурированное глубинное интервью в формате телефонного диалога, содержащее несколько тематических блоков. Метод анализа данных: контент-анализ. Качественный метод сбора данных (глубинные интервью) выбран с целью изучения субъективных механизмов репродуктивного выбора, недоступных в рамках количественных измерений. В данной статье в соответствии с обозначенной целью сфокусируемся на описании результатов по двум тематическим блокам: «Материальное положение. Экономическая мотивация и ограничения при принятии решения о рождении (младшего) ребенка» и «Работа, карьера. Роль работы и карьеры при принятии решения о рождении (младшего) ребенка». Особое внимание в глубинных интервью уделялось детализации и сопоставлению ретроспективных и проспективных оценок информанток. Под ретроспективными оценками понимаем анализ факторов, повлиявших на принятые решения о деторождении, а под проспективными – ожидания и планы относительно будущего деторождения. Для осуществления ретроспективного анализа мнений о материальных аспектах

деторождения в гайд были включены вопросы: «Вспомните, пожалуйста, были ли какие-либо изменения в финансовом положении, доходах, уровне цен, которые сыграли положительную роль для финансовой стабильности и позволили вам реализовать решение о деторождении?» и «Вспомните, пожалуйста, были ли какие-либо финансовые трудности или неопределенности, которые препятствовали решению о деторождении? Какие финансовые риски или неопределенности Вы учитывали при планировании ребенка?» Проспективный анализ предполагал включение в финальную часть гайда интервью вопросов о планах и ожиданиях: «При каких положительных изменениях Вы могли бы решиться на рождение еще одного ребенка?» и «Какие обстоятельства точно помешали бы решению о следующем ребенке?» В данных вопросах целенаправленно не уточнялась группа факторов, о которых пойдет речь. Опрашиваемым была предоставлена возможность самостоятельно ранжировать обсуждаемые в ходе интервью факторы, в том числе для того чтобы исследовать иерархию материальных и нематериальных факторов деторождения в их сознании.

Результаты и обсуждение. ***Материальные факторы деторождения: ретроспективный анализ.*** У большинства опрошенных три основополагающих аспекта деторождения: жилье, финансовая стабильность, партнерская поддержка. Многие участницы исследования, рассуждая о материальных основах своего репродуктивного решения, акцентируют внимание на непредсказуемости реальности и отмечают необходимость наличия одновременно трех аспектов, которые были важны для них при принятии решения о деторождении: стабильная работа и/или «финансовая подушка» (1), собственное жилье, в том числе приобретенное в ипотеку (2), и надежный партнер, поддерживающий не только материально, но и морально (3). Так, одна из участниц исследования рассказывает, что сочетание данных условий было для нее базой, предваряющей решение о деторождении: «Я замужем, у меня есть любящий мужчина, который тоже готов к детям, хочет их. Мы отложили для этого подушку безопасности, финансово подготовлены. Мы не снимаем жильем, не боимся, что негде будет жить» (женщина в возрасте 27 лет, проживающая в региональном центре – г. Красноярске, один ребенок). Наличие жилья часто упоминается как базовое условие для принятия решения о деторождении в сочетании с наличием стабильной работы и мужа как надежного партнера, способного содержать семью: «У меня была жилплощадь, куда я могла этого ребенка принести, и муж, и работа стабильная» (женщина в возрасте 38 лет, проживающая в региональном центре, один ребенок). Наличие собственного жилья нередко упоминается как базовое условие для принятия решения о деторождении и в сочетании с наличием возможности подрабатывать или вести собственное дело: «Мы купили квартиру, у нас есть жилье, у меня свое дело. Мы долго шли к этому, но все-таки мы решились» (женщина в возрасте 37 лет, проживающая в региональном центре, трое детей). Также наличие собственного жилья упоминается в сочетании с трудовыми достижениями (в том числе наличием стажа работы): «Без того, чтобы у меня был, там, наработанный стаж на работе большой и жилплощадь, я бы рожать не стала» (женщина в возрасте 38 лет, проживающая в региональном центре, один ребенок). Приведенные цитаты иллюстрируют, что именно сочетание удовлетворенности тремя аспектами (жилье, финансовая стабильность, партнер) позволяет многим женщинам прийти к рациональному решению о деторождении. При этом под ком-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

фортным жильем понимается, как правило, жилье в собственности или приобретенное с помощью ипотечного кредита, под финансовой стабильностью – собственный трудовой стаж женщины (как основа для обеспечения гарантий со стороны работодателя и государства), и/или постоянная работа супруга, и/или подработка одного или двух будущих родителей, и/или наличие сбережений, и/или возможность подрабатывать, вести собственное дело. Под поддержкой партнера (супруга) чаще понимается, как правило, его возможность и готовность материально обеспечивать семью, что, в свою очередь, является основой для психологической уверенности женщины в собственной безопасности и безопасности детей: «Опора в виде мужа, который при необходимости устроится на вторую работу или найдет дополнительный заработок, придавала уверенности в решении» (женщина в возрасте 37 лет, проживающая в сельском поселении Красноярского края, трое детей).

Наличие жилья (в том числе приобретенного в кредит) как ведущий автономный фактор принятия решения о деторождении: собственное жилье как гарантия автономии и безопасности при деторождении. Наиболее часто упоминаемым автономным фактором, способствующим принятию решения о рождении ребенка, является наличие жилплощади, удовлетворяющей респондента: «Мы как бы готовились к беременности, строим дом, то есть для нас было важно, чтобы воспитывать, например, не в квартире. <…> Мы примерно когда начали строить дом, начали планировать и беременность» (женщина в возрасте 26 лет, проживающая в региональном центре, беременна первым ребенком на момент участия в интервью); «После второго ребенка мы, как бы, начали строить дом, и уже третий родился в лучших жилищных условиях» (женщина в возрасте 35 лет, проживающая в сельском поселении Красноярского края, трое детей). Для многих женщин жилье в собственности важно не только потому что им есть где жить, а потому что, благодаря покупке жилья (в том числе приобретению его с помощью ипотечного кредита), появляется возможность планирования. Таким образом, жилищный фактор, хотя и является материальным, важен, скорее, для субъективного ощущения стабильности и безопасности. Так, одна из участниц исследования рационализирует необходимость собственного жилья через предположение о возможном риске воспитывать детей в одиночку: «Ну, самое важное, это чтобы я понимала, что, даже оставшись одна, я смогу поднять своих детей. Ну, то есть, что нам будет где жить, да» (женщина в возрасте 35 лет, проживающая в малом городе Красноярского края, трое детей). Многие женщины отмечают, что решающим фактором в принятии решения о деторождении была уверенность в способности семьи выплачивать ипотеку: «Получилось взять вот эту ипотеку все-таки и понять, что мы вполне себе можем ее выплачивать, даже если финансовое состояние немного ухудшится. <…> Стопроцентной уверенности в перспективе на 15 лет в ипотеке нет, но уверенность за ближайшее будущее, она все-таки немножко стала яснее и стала лучше» (женщина в возрасте 32 лет, проживающая в малом городе, один ребенок).

Наличие отдельной комнаты/отдельных комнат для детей (для семей с несколькими детьми, особенно с детьми разного пола) как значимый фактор для рождения второго и последующих детей. Участницы исследования с двумя и более детьми озвучивают запрос не просто на наличие жилья, а на достаточное пространство для жизни детей в комфортных условиях: «Ну, наверное, первое – это жилье доступное все-таки свое какое-то. Ну, в плане того, что квадраты, естественно, позволяющие на троих детей, по крайней мере» (женщина в воз-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

расте 27 лет, проживающая в региональном центре, беременна вторым ребенком на момент участия в интервью); «Хотелось бы иметь хотя бы двухкомнатную квартиру, чтобы у ребенка была отдельная комната, чтобы можно было как-то его уже там отдельно социализировать» (женщина в возрасте 32 лет, проживающая в малом городе, один ребенок). Характерно, что, размышляя об уже произошедшем рождении младшего ребенка, многодетные матери нередко отмечают, что без удовлетворяющего состояния жилья и уровня дохода рождения не произошло бы: «Если бы были ограничения и неудовлетворенность в финансовом вопросе, то данной беременности не было бы» (женщина в возрасте 40 лет, проживающая в региональном центре, беременна третьим ребенком на момент участия в интервью).

Стабильный доход обоих членов семьи или супруга (партнера) и/или возможность подрабатывать – второй автономный фактор, способствующий принятию решения о рождении ребенка. Важно не только наличие стабильного дохода семьи и возможности вести деятельность, приносящую доход, но и удовлетворенность этим доходом, а также графиком занятости: «Либо муж чтобы зарабатывал достаточно на всю семью, либо чтобы каждый из родителей имел возможность работать и зарабатывать» (женщина в возрасте 32 лет, проживающая в малом городе, один ребенок); «У меня, допустим, такая работа, что я могу, в принципе, на большом сроке при беременности работать» (женщина в возрасте 26 лет, проживающая в региональном центре, беременна вторым ребенком на момент участия в интервью).

Собственный автомобиль для возможности использования инфраструктуры для лечения, воспитания и обучения детей. Для некоторых женщин важным материальным фактором является наличие собственного автомобиля, который позволяет повысить уровень жизни семьи с ребенком и обеспечивает комфортное перемещение по территории населенного пункта с целью использования инфраструктуры для лечения, воспитания и обучения детей: «Для любой мамы важно иметь автомобиль хотя бы какой-то, для того чтобы передвигаться, там, в поликлинику, по каким-то делам, то есть, там, за одеждой, за продуктами, потому что на автобусах с ребенком особо не накатаешься, особенно с маленьким» (женщина в возрасте 32 лет, проживающая в малом городе, один ребенок). Косвенно это свидетельствует и о недостаточно высоком уровне комфорта современного общественного транспорта для семей с детьми. Многодетная участница исследования рассуждает об автомобиле, приобретенном в кредит, как о ресурсе, облегчающем родительство: «И я как раз перед рождением машину взяла в кредит. И это тоже очень большой плюс, потому что без машины вообще никак сейчас возить по всем кружкам. Я, получается, перед рождением третьего ребенка взяла ипотеку. Вот как раз взяла ипотеку, взяла кредит на машину» (женщина в возрасте 41 года, проживающая в региональном центре, беременна четвертым ребенком на момент участия в интервью).

Государственные пособия и справедливость в их назначении как важный фактор, который учитывается будущими родителями. Женщины редко называют материальную поддержку государства в качестве ключевого фактора деторождения, однако анализ интервью позволяет сделать вывод, что такие выплаты порой становятся стимулом для принятия окончательного решения в пользу деторождения. Так, в размышлениях о материальных страхах респондентки упоминают материальную поддержку государства как гарантию стабильности, позволяющую преодолеть финансовые риски и страх не справиться с финансовыми трудностями: «Влияло материальное положение в плане того, что семья подходит под меры

поддержки государства как малоимущие, ежемесячные детские выплаты, плюс выплаты на третьего ребенка, и я, рассчитывая на эту поддержку, приняла решение рожать. Были детские и были 450 тысяч за ипотеку. И я понимала, если я даже останусь одна, то благодаря вот этим деньгам я потяну. Благодаря вот этим деньгам у меня была возможность не пойти на аборт, несмотря на свой страх, что мне будет тяжело родить третьего ребенка» (женщина в возрасте 35 лет, проживающая в малом городе, трое детей). Многие участницы отмечают, что при принятии решения о рождении ребенка на пособия изначально не рассчитывают, но при этом в своих размышлениях они эмоционально подчеркивают большую значимость такой поддержки: «Без детских бы мы не выжили. Я говорю, вот, спасибо детским, что, вот, как-то они это, вот, спасают, очень сильно спасают» (женщина в возрасте 42 лет, проживающая в малом городе, четверо детей). Из этого следует, что государственная материальная поддержка является значимым дополнением для семей. При этом некоторые участницы исследования со средним уровнем дохода сообщают, что возможность получения материальной поддержки от государства для них отсутствует, а при доходах, равных минимальному размеру оплаты труда, размер пособия не всегда позволяет полностью закрыть потребности семьи: «На пособия я бы особо не рассчитывала, потому что они, во-первых, даже если их возможность получить есть, то они очень маленькие. А если у тебя средний доход какой-то есть, уже минимальный МРОТ, допустим, ты получаешь, пособие тебе уже вроде как и не положено» (женщина в возрасте 32 лет, проживающая в региональном центре, один ребенок).

Таким образом, участницы исследования редко отмечают материальную поддержку государства в качестве самостоятельного фактора, способствующего деторождению, при этом получающие такую поддержку сообщают о ее значимой страхующей роли, а не получающие – указывают на недостаточно справедливую систему назначения выплат. Также исследование показало, что даже при отсутствии сбережений и стабильного дохода решение о деторождении может приниматься, если у семьи имеется доступ к компенсирующим ресурсам (к ним можно отнести в том числе государственные выплаты), но такая стратегия воспринимается самими женщинами, скорее, как «выживание», а не как гармоничное развитие.

Необходимость откладывать средства для обеспечения безопасности семьи в перспективе (в том числе для обучения ребенка). Многие участницы интервью сообщают, что сегодня есть необходимость формировать подушку безопасности, откладывать материальные средства на будущие запланированные и непредвиденные расходы. Значительная часть опрошенных связывают наличие ребенка с ростом расходов семьи: «Материальное положение очень важно, потому что ребенок – это большие расходы все-таки. В любом случае» (женщина в возрасте 27 лет, проживающая в региональном центре, один ребенок); «Откладывали, потому что финансовые сложности» (женщина в возрасте 27 лет, проживающая в региональном центре, один ребенок, беременна вторым ребенком на момент участия в интервью).

Неудовлетворенность работой (уровнем дохода, режимом занятости, уровнем нагрузки) как фактор, сдерживающий деторождение. Многие участницы исследования отмечают, с одной стороны, необходимость осуществления трудовой деятельности перед деторождением (для наработки трудового стажа и получения гарантий от работодателя), с другой – что трудовая деятельность не всегда помогает полностью удовлетворить материальные потребности. При этом, как уже отмечалось, удовлетворенность финансовой поддержкой госу-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

дарства снижена в связи с тем, что она оказывается гражданам, чей доход не превышает минимальный размер оплаты труда: «То есть, поддержка идет только от работодателя до полутора лет. <…>. Никаких выплат я не получаю, и не думаю, что со вторым ребенком, когда он родится, я тоже что-то буду получать. <…>. Когда я подавала в последний раз – в надежде, что вдруг пройду, но нет. То есть, там какие-то нужно множество условий, чтобы они совпали» (женщина в возрасте 34 лет, проживающая в малом городе, беременна вторым ребенком на момент участия в интервью). Некоторые женщины прямо или косвенно озвучивали в ходе интервью наличие признаков перегруженности работой – как у себя, так и у супруга. Зачастую это соотносится самими участницами исследования со сдерживанием репродуктивных намерений. Так, одна из опрошенных связывает невозможность рождения второго ребенка с тем, что супруг работает вахтовым методом и значительную часть времени находится вдали от дома: «У меня муж вахтовым методом начал работать, и пока он работает так, у него речи нет о том, чтобы рожать второго ребенка» (женщина в возрасте 32 лет, проживающая в малом городе, один ребенок).

Таким образом, ретроспективный анализ показал, что наиболее значимыми материальными факторами, способствующими рождению детей, являются: 1) жилье, создающее ощущение стабильности и удовлетворенности; 2) постоянный доход семьи – стабильная работа, собственное дело, возможность брать подработки или работать удаленно; 3) материальная поддержка государства как значимая помощь в сложных ситуациях. Наиболее значимые материальные факторы, препятствующие деторождению: 1) ощущение финансовой нестабильности, обусловленное различными страхами (в том числе страхом потери дохода женщины при рождении ребенка, потери заработка ввиду характера деятельности, страхом не справиться с долговыми обязательствами; 2) отсутствие собственного жилья или неуверенность в способности выплачивать ипотечный кредит; 3) рост цен, порождающий тревогу за будущее.

Проспективный анализ роли материальных факторов деторождения: условия для расширения семьи, согласно представлениям участниц исследования. При ответе на вопрос о том, какие позитивные изменения могли бы побудить их к рождению еще одного ребенка, участницы исследования чаще всего называли три взаимосвязанных условия: улучшение жилищных условий, повышение финансовой стабильности и поддержка со стороны партнера или родственников. Как правило, эти факторы упоминались не как изолированные условия, а как системный минимум, необходимый для перехода от желания иметь детей к решению. Для каждой из опрошенных характерно собственное видение объема материальных благ, необходимых для расширения семьи. Попытаемся дать описание каждого из обозначенных элементов, упоминание которых повторяется в размышлениях большинства информанток.

1. Наиболее часто упоминаемым условием для деторождения в будущем было улучшение жилищных условий как гарантия автономии семьи и реализации безопасного, комфортного родительства. Анализ высказываний показывает, что для женщин важна возможность обеспечить детям личное пространство: «Если бы у меня с жильем решилась бы проблема: у меня жилплощадь неподходящая для двух, трех детей, я бы с удовольствием бы еще рожала» (женщина в возрасте 38 лет, проживающая в региональном центре, один ребенок). Таким образом, жилищный вопрос является ключевым структурным элементом финансового вопроса.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

2. Финансовая стабильность как гарантия предсказуемости и спокойствия. В интерпретации участниц исследования данный фактор связан не с высоким доходом, а с уверенностью в сохранении дохода в перспективе и наличием сбережений на случай непредвиденных обстоятельств. Важным является не столько высокий уровень дохода, сколько возможность планировать и осознавать, что даже в случае потери работы семья сможет поддерживать базовый уровень потребления в течение нескольких месяцев: «Если бы я была уверена, что я их прокормить смогу, работу не потеряю, муж работу не потеряет. Если что-то случится, будет хотя бы несколько месяцев возможность детей кормить» (женщина в возрасте 38 лет, проживающая в региональном центре, один ребенок). Таким образом, для семей важна не максимизация доходов, а минимизация рисков. Это согласуется с концепцией ответственного родительства, когда решение о деторождении принимается после оценки устойчивости экономики семьи.

3. Третий значимый фактор готовности к расширению семьи – поддержка окружения. В первую очередь это поддержка близких (партнера, родственников) как фактор снижения нагрузки на мать. Данный фактор представлен в высказываниях женщин в двух формах: 1) физическое присутствие и вовлеченность близких, особенно в уходе за детьми; 2) материальная помощь, позволяющая в том числе реализовать личные цели, предполагающие риск (например, открытие собственного дела). Отсутствие такой поддержки воспринимается не просто как временное неудобство, а как весомое ограничение, делающее рождение ребенка невозможным в текущих условиях: «У меня муж вахтовым методом начал работать, и пока он работает так, и речи нет о том, чтобы рожать второго ребенка. … Мне будет сложновато с двумя детьми. Там вообще не смогу никуда выходить и выбраться» (женщина в возрасте 32 лет, проживающая в малом городе, один ребенок). В данной цитате прослеживается стремление к свободе («мне будет сложновато», «не смогу никуда выходить») в сочетании с установкой на совместное воспитание, реализуемое одновременно обоими родителями.

Заключение. Исследование подтверждает гипотезу, но требует ее уточнения: такие факторы материального благополучия, как удовлетворенность жилищными условиями и субъективное ощущение стабильности дохода семьи, действительно позитивно влияют на рождаемость, при этом важно, что эти материальные факторы наиболее эффективны в триаде с поддержкой партнера, государства или ближайших родственников. Финансовая стабильность и жилищные условия являются ключевыми драйверами демографических решений значительной части современных семей Красноярского края, при этом данные факторы преломляются через субъективную оценку индивидами возможностей семьи. Таким образом, гипотезу исследования следует считать подтвержденной с учетом уточнений: 1) наиболее позитивно влияют на рождаемость среди женщин не собственно параметры материального благополучия (доход, жилье), но удовлетворенность ими в текущий период времени и субъективная уверенность в сохранении их стабильности в будущем; 2) кроме того, позитивный эффект данных факторов деторождения усиливается, если они функционируют совместно с факторами, обеспечивающими женщине поддержку (как материальную, так и моральную) со стороны партнера и/или государства и/или ближайших родственников (в первую очередь бабушек, дедушек).

Значимость материальных факторов находит отражение как в ретроспективных оценках участниц глубинных интервью, так и в их представлениях о будущем. Важную роль в

расширении семьи играет поддержка партнера, при этом для большинства участниц исследования материальная поддержка со стороны супруга является одновременно и основой для психологической уверенности.

Три наиболее значимых материальных фактора, способствующих рождению детей, это: 1) жилье (в собственности или приобретенное в ипотеку), создающее ощущение стабильности; 2) наличие постоянного дохода у взрослых членов семьи – стабильная работа (в первую очередь у супруга), собственное дело, возможность брать подработки или работать удаленно; 3) материальная помощь со стороны государства (детские пособия, материнский капитал) как важная поддержка.

Три наиболее значимых материальных фактора, препятствующих рождению детей: 1) ощущение финансовой нестабильности семьи, обусловленное различными страхами: страхом потери дохода при уходе в декрет и отсутствия достаточной компенсации, страхом потери работы ввиду дефицита рабочих мест (преимущественно сельская местность), страхом потери стабильного заработка ввиду характера деятельности (самозанятые), страхом не справиться с долговыми и кредитными обязательствами или страхом невозможности совмещать работу и семью при текущем графике работы; 2) отсутствие собственного жилья или неуверенность в способности выплачивать ипотечный кредит; 3) рост цен (в том числе на детские товары, услуги по воспитанию и образованию детей), порождающий сложности при планировании.

Важными позитивными изменениями материального характера, при которых респондентки решились бы еще на одного ребенка, по их собственному ощущению, являются: 1) решение жилищного вопроса (приобретение жилья при его отсутствии) или улучшение условий (расширение жилплощади или ремонт); 2) повышение уровня финансовой стабильности и уверенности в сохранении дохода семьи; 3) решение вопроса с долговыми обязательствами.

Таким образом, три основополагающих аспекта деторождения – это жилье, финансовая стабильность (постоянная работа/подработка/наличие финансовой подушки, материальная помощь со стороны государства), партнерская поддержка (финансовая, моральная, бытовая). Жилье, стабильный семейный доход и поддержка образуют базовую триаду, без которой деторождение не представляется возможным для большинства современных женщин. Собственная квартира или дом упоминаются в размышлениях большинства респонденток как обязательное условие деторождения: без этого материнство откладывается или отменяется. Жилье – это материальный фактор, но он значим и на психологическом уровне для формирования уверенности будущих родителей в безопасности личного пространства и удовлетворенности им. Супруг (партнер) как опора (в том числе финансовая) и стабильность дохода семьи упоминаются опрошенными также в контексте оценки удовлетворенности достаточностью и стабильностью семейного бюджета. Наличие трудового стажа женщины тоже нередко становится основой для возможности реализации себя в роли родителя. При этом профессиональные достижения женщин переплетаются с репродуктивными планами таким образом, что в более молодом возрасте предпочтение отдается карьере (в том числе ввиду необходимости обеспечить себе социальные гарантии в будущем), а деторождение откладывается на неопределенный срок. Государственные пособия женщины редко называют в числе ключевых факторов деторождения, но их значимая поддерживающая роль прослеживается во многих интервью. Выплаты по уходу за детьми и материнский капитал

снижают финансовую неопределенность, функционируя в значительной части случаев не как стимул, но как ресурс преодоления материальных страхов.

Важно отметить: большинство информанток рассказали, что принимали решение о деторождении ребенка осознанно, заблаговременно готовились к расширению семьи. Это обстоятельство позволяет говорить об актуальности рационального подхода к рождению детей в России на современном этапе. Результаты исследования во многом соответствуют положениям теории рационального выбора, в соответствии с которой в условиях экономической неопределенности рождение ребенка является инвестицией в человеческий капитал, требующей материальных ресурсов. Женщины отказываются от деторождения или откладывают его зачастую не потому что не хотят детей, а потому что стремятся к созданию условий для их достойного воспитания.

На взгляд авторов статьи, в этих условиях сегодня первоочередной задачей для повышения уровня рождаемости является формирование у потенциальных родителей ощущения безопасности и удовлетворенности жизнью. Это требует внедрения комплекса мер, ориентированных на базовые материальные факторы деторождения, которые выявлены в исследовании. Поскольку жилье – это основа субъективного ощущения безопасности и автономии, такие меры, как расширение доступа к ипотеке под низкий процент для семей, субсидирование первоначального взноса, введение субсидий на ремонт и расширение площади жилья и упрощение процедур одобрения ипотечных кредитов для семей с нестабильным доходом, должны поспособствовать ощущению долгосрочной защищенности. Поскольку доход семьи является основой субъективного ощущения стабильности, такие меры, как внедрение гибких графиков работы для матерей с сохранением карьерного роста, разработка программ повышения финансовой грамотности и поддержка самозанятых, могут обеспечить уверенность молодых родителей. Повышение уровня прозрачности и адресности материальной поддержки призвано обеспечить ощутимую помощь в сложных ситуациях, усиливая удовлетворенность жизнью. Реализация таких мер может существенно смягчить субъективные представления населения о рисках, связанных с деторождением, поддерживая при этом рациональный подход к нему.

Результаты исследования уточняют обозначенную гипотезу следующим образом:

– подтверждено влияние наличия жилья и дохода как факторов деторождения, но уточнено: они создают не прямой стимул, а психологическую уверенность; для многодетных родителей также актуален такой параметр, как пространство для детей (отдельные комнаты);

– барьеры (нестабильность, отсутствие жилья) также функционируют не напрямую, а преломляясь через страхи (потеря работы/невозможность трудиться, находясь в отпуске по уходу за ребенком);

– позитивный эффект таких факторов деторождения, как доход и жилье, усиливается, если они функционируют совместно с факторами, обеспечивающими поддержку (не только материальную, но и эмоциональную) со стороны партнера и/или государства, и/или ближайших родственников.

Ограничения и перспективы исследования. Методологически исследование ограничено малой выборкой и качественным подходом, что исключает статистическую экстраполяцию результатов и не позволяет выявить устойчивые причинно-следственные связи и количе-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

ственно оценить значимость экономических факторов деторождения. Напомним, что выборочная совокупность исследования была построена по принципу однородности по репродуктивному статусу (только женщины с детьми или беременные на момент участия в исследовании), что исключает сравнение с бездетными женщинами. Также в исследовании не были исследованы представления мужчин, которые могут существенно отличаться. Кроме того, важным ограничением данного исследования является потенциальная смещенность выборки: большинство информанток отметили осознанный характер решения о деторождении, однако эта особенность может быть обусловлена эффектом самоотбора респондентов, типичным для качественных исследований (участниками интервью зачастую становятся более активные, ответственные, сознательные, образованные, социально и экономически более стабильные индивиды). Риск подобного в целом соответствует общим закономерностям, зафиксированным в исследованиях фертильности [18; 19]. Таким образом, выводы об актуальности (или преобладании) рационального деторождения в России на современном этапе ограничены.

Результаты представляют собой ценную основу для уточнения гипотез количественных исследований репродуктивного поведения населения. Верифицировать полученные выводы и уточнить роль выявленных факторов в будущем планируется с помощью следующих шагов: репрезентативный количественный опрос взрослого населения Красноярского края по теме «Представления жителей региона о факторах, способствующих и препятствующих деторождению»; сравнительный анализ представлений о факторах деторождения у женщин с детьми и у бездетных женщин; сравнительный анализ представлений о факторах деторождения у женщин и у мужчин; регрессионный анализ, рассматривающий частные показатели субъективной оценки качества жизни (социального самочувствия) населения в качестве предикторов наличия и количества детей, т. е. создание регрессной модели, где зависимой переменной является наличие детей/количество детей, а предикторами – показатели субъективной оценки качества жизни населения – удовлетворенность жизнью в целом, материальным положением, личными отношениями, образованием, дружбой и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев А. И., Золотарева О. А. Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. 2023. Т. 30, № 2. С. 53–71. DOI: 10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71

2. Рогозин К. Д., Хомутникова Е. А. Сохранение семейных ценностей как основа патриотического воспитания молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2026. № 1 (116). С. 28–31. DOI: 10.24412/1991-5497-2026-1116-28-31

3. Андронова Л. Н., Ланцова Н. М. Демографические тенденции и государственная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. № 20. С. 320–341. DOI: 10.47711/2076-318-2022-320-341

4. Логинов Д. М. Демографические ориентации молодежи, сформированные в условиях институциональной стабильности к началу 2020-х годов // Мир России. 2025. Т. 34, № 3. С. 28–50. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-28-50

5. Заярная И. А., Сейфиева Е. Н. Материнский капитал как способ государственного воздействия на повышение рождаемости // Вестн. Алтайск. акад. экономики и права. 2023. № 7. С. 44–48. DOI: 10.17513/vaael.2897

6. Денисова И. А., Калабихина И. Е., Кузнецова П. О. Оценка влияния региональной программы материнского капитала на рождаемость (на примере Ямало-Ненецкого автономного

округа) // Государственное управление. Электрон. вестн. 2024. № 105. С. 232–243. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243

7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 18.05.2026).

8. Вакуленко Е. С., Ивашина Н. В., Свистильник Я. О. Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 4. С. 1077–1092. DOI: https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10

9. Рождественский К. А. Экономические факторы многодетности в России: история и современность // Вестн. науки. 2026. Т. 4, № 2 (95). С. 397–410.

10. Герасимова Л. А. Динамика демографических процессов в современной России: ключевые проблемы и характеристики // Экономика и управление: науч.-практ. журн. 2025. № 3. С. 145–151. DOI: 10.34773/EU.2025.3.27

11. Шейхова М. С., Сафонова С. Г. Демографический кризис в современной России // Московский экон. журн. 2024. № 4. С. 609–625. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_4_223

12. Авдеев Ю. А. Какая демографическая политика нужна России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21, № 1. С. 12–27. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_1_1_12_27

13. Слонимчик Ф., Юрко А. В. Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 3. С. 30–68.

14. Зимовина Е. П. Молодежь Калининградской области: репродуктивное поведение в исторической ретроспективе и на современном этапе // Вестн. антропологии. 2021. № 2. С. 110–127. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/110-127

15. Смулянская Н. С. Что влияет на принятие решения о рождении ребенка у женщин разных возрастных групп? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 289–299. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.16

16. Pathways to stepfamily formation in Europe: Results from the FFS / A. Prskawetz, A. Vikat, D. Philipov, H. Engelhardt // Demographic Research. 2003. Vol. 8. P. 107–150 DOI: 10.4054/DemRes.2003.8.5

17. Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исслед. 2015. Т. 8, № 40. URL: https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/553 (дата обращения: 18.05.2026). DOI: https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.553

18. Decreased desire to have children: A qualitative study / M. Ghaderi Najafabadi, Z. Shojaei Ardekani, S. Sohbati et al. // Asian Pacific J. of Reproduction. 2025. Vol. 14, № 1. P. 21–26. DOI: https://doi.org/10.4103/apjr.apjr_164_24

19. Peddie V. L., van Teijlingen E. R., Bhattacharya S. Qualitative research in fertility and reproduction: Does it have any value? // Human Fertility. 2005. Vol. 8, iss. 4. P. 263–267. DOI: 10.1080/14647270500194971

Информация об авторах

Васильева Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры социологии и демографии Сибирского федерального университета, пр. Свободный, д. 79, Красноярск, 660041, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальное настроение, субъективное благополучие (социальное самочувствие), качество жизни, демография, ценности и ценностные ориентации, методы и методики социологического измерения.

Парфёнов Антон Сергеевич – студент кафедры социологии и демографии Сибирского федерального университета, пр. Свободный, д. 79, Красноярск, 660041, Россия. Сфера научных интересов: социология культуры, демография.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 31.03.2026; принята после рецензирования 11.05.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

REFERENCES

1. Ageev, A.I. and Zolotareva, O.A. (2023), "Demographic Policy in Russia: Assessing Effectiveness", *Voprosy Statistiki*, vol. 30, no. 2, pp. 53–71. DOI: 10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71

2. Rogozin, K.D. and Khomutnikova, E.A. (2026), "Preservation of Family Values as the Basis of Patriotic Education of Youth", *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniy*, no. 1 (116), pp. 28–31. DOI: 10.24412/1991-5497-2026-1116-28-31

3. Andronova, L.N. and Lantsova, N.M. (2022), "Demographic Trends and State Demo-graphic Policy: Russia and Foreign Experience", *Scientific Proceedings: Institute of Economic Forecasting RAS*, no. 20, pp. 320–341. DOI: 10.47711/2076-318-2022-320-341

4. Loginov, D.M. (2025), "Youth Demographic Orientations Formed during the Institutional Instability of the 2010s.", *Mir Rossii*, vol. 34, no. 3, pp. 28–50. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-28-50

5. Zayarnaya, I.A. and Seifieva, E.N. (2023), "Material capital as a way of state influence on increasing the fertility", *Vestnik Altayskoy Akademii Ekonomiki i Prava*, no. 7, pp. 44–48. DOI: 10.17513/vaael.2897

6. Denisova, I.A., Kalabikhina, I.E. and Kuznetsova, P.O. (2024), "The Influence of the Regional Maternity Capital Program on Fertility (Case of Yamal-Nenets Autonomous Okrug)", *Gosudarstvennoe Upravlenie. Elektronnyy Vestnik*, no. 105, pp. 232–243. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243

7. *Federal State Statistics Service (Rosstat)* (2026), available at: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (accessed 18.05.2026).

8. Vakulenko, E.S., Ivashina, N.V. and Svistyilnik, Y.O. (2023), "Regional Maternity Capital Programmes: Impact on Fertility in Russia", *Economy of regions*, vol. 19, no. 4, pp. 1077–1092. DOI: https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10

9. Rozhdestvenskii, K.A. (2026), "Economic Factors of Large Families in Russia: History and Modernity", *Science Bulletin*, vol. 4, no. 2 (95), pp. 397–410.

10. Gerasimova, L.A. (2025), "Dynamics of Demographic Processes in Modern Russia: Key Problems and Characteristics", *Economics and Management: Research and Practice J.*, no. 3, pp. 145–151. DOI: 10.34773/EU.2025.3.27

11. Sheyhova, M.S. and Safonova, S.G. (2024), "Demographic Crisis in Modern Russia", *Moscow Economic J.*, no. 4, pp. 609–625. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_4_223

12. Avdeev, Yu.A. (2025), "What Demographic Policy Does Russia Need", *Living Standarts of the Population in the Regions of Russia*, vol. 21, no. 1, pp. 12–27. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_1_1_12_27

13. Slonimczyk, F. and Yurko, A.V. (2015), "Assessing the Impact of Maternity Capital Policy in Russia", *Demographic Review*, vol. 2, no. 3, pp. 30–68.

14. Zimovina, E.P. (2021), "Youth of Kaliningrad Region: Reproductive Behavior from a Historical Perspective and at the Present Time", *Herald of Anthropology*, no. 2, pp. 110–127. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/110-127

15. Smulyanskaya, N.S. (2017), "What Does Have Influence on Fertility Decision Among Women of Different Age Groups?", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5 (141), pp. 289–299. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.16

16. Prskawetz, A., Vikat, A. Philipov, D. and Engelhardt, H. (2003), "Pathways to stepfamily formation in Europe: Results from the FFS", *Demographic Research*, vol. 8, pp. 107–150. DOI: 10.4054/DemRes.2003.8.5

17. Kornilova, T.V. (2015), "The Principle of Uncertainty in Psychology of Choice and Risk", *Psychological Studies*, vol. 8, no. 40, available at: https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/553 (accessed 18.05.2026). DOI: https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.553

18. Ghaderi Najafabadi, M., Shojaei Ardekani, Z., Sohbati, S. et al. (2025), "Decreased desire to have children: A qualitative study", *Asian Pacific J. of Reproduction*, vol. 14, no. 1, pp. 21–26. DOI: https://doi.org/10.4103/apjr.apjr_164_24

19. Peddie, V.L. Van Teijlingen, E.R. and Bhattacharya, S. (2005), "Qualitative research in fertility and reproduction: Does it have any value?", *Human Fertility*, vol. 8, iss. 4, pp. 263–267. DOI: 10.1080/14647270500194971

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 90–105
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 90–105

Information about the authors

Olga V. Vasilyeva **–** Senior Lecturer at the Department of Sociology and Demography, Siberian Federal University, 79 Svobodny ave., Krasnoyarsk 660041, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: social mood, subjective well-being (social well-being), quality of life, demography, values and value orientations, methods and techniques of sociological measurement.

Anton S. Parfyonov **–** Student at the Department of Sociology and Demography, Siberian Federal University, 79 Svobodny ave., Krasnoyarsk 660041, Russia. Area of expertise: sociology of culture, demography.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 31.03.2026; adopted after review 11.05.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

Оригинальная статья
УДК 316.77
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-106-119

Межличностная коммуникация поколения Z: онлайн vs офлайн

***Евгений Александрович Пашковский*[1]✉, *Дмитрий Сергеевич Иванов*[2]**

[1]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,*
[2]*Медицинский техникум № 9, Санкт-Петербург, Россия,*
[1]✉*egn-pashkovsky@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4275-6407*
[2]*politolog2.1@yandex.ru*

Введение. Статья посвящена анализу установок и принципов в межличностной коммуникации представителей поколения Z. Стремление к комфорту как основной лейтмотив оказывает большое влияние на характер общения, проявляющийся гипотетически в следующем: стирание границ между глубинными и поверхностными отношениями, недостаток эмпатии и дружбы, быстрое переключение между собеседниками, постепенный перенос норм и принципов общения из онлайн- в офлайн-пространство.

Методология и источники. Методологическую базу исследования составили теория поколений Н. Хау и У. Штраусса, трансакционный анализ и теория сценариев Э. Берна, теория социального обмена Дж. Хоманса. Методом сбора информации в рамках эмпирического исследования послужило анкетирование представителей двух возрастных категорий поколения Z.

Результаты и обсуждение. В онлайн-среде респонденты проводят достаточно времени, чтобы это оказало значительное влияние на их манеру общения. Более молодые люди немного больше общаются и строят отношения онлайн, но в целом для респондентов общение вживую остается значимым, а онлайн воспринимается, скорее, как инструмент решения специфических задач, нежели особая среда коммуникации. Свои коммуникативные навыки большинство респондентов оценивают как высокие и субъективно мало сталкиваются с трудностями в общении, не испытывают недостатка близости.

Заключение. Граница между поверхностными и близкими отношениями с людьми для представителей поколения Z выглядит несколько размытой. Не находят подтверждения следующие предположения: представители поколения Z имеют трудности с тем, как заводить друзей; потребность в по-настоящему глубинной коммуникации, где можно высказывать переживания и получать эмпатию, для них недостаточно удовлетворена; представители поколения Z не склонны менять коммуникативные стили в зависимости от собеседника и социальной ситуации. Младшие представители этого поколения постепенно интегрируют онлайн- и офлайн-пространства между собой, формируя новые нормы общения.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, онлайн, офлайн, теория поколений, поколение Z, коммуникативный стиль, искусственный интеллект

Для цитирования: Пашковский Е. А., Иванов Д. С. Межличностная коммуникация поколения Z: онлайн vs офлайн // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-106-119

© Пашковский Е. А., Иванов Д. С., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

Original paper

Generation Z Interpersonal Communication: Online vs Offline

***Evgeny A. Pashkovsky*[1]✉*, Dmitry S. Ivanov*[2]**

[1]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,*
[2]*Medical College No. 9, St Petersburg, Russia*
[1]✉*egn-pashkovsky@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4275-6407*
[2]*politolog2.1@yandex.ru*

Introduction. This article analyzes the attitudes and principles manifested in the interpersonal communication of Generation Z. The desire for comfort as a primary leitmotif has a significant impact on the nature of communication.
Methodology and sources. The study's methodological framework was based on the generational theory of N. Howe and W. Strauss, transactional analysis and script theory by E. Berne, and social exchange theory by J. Homans. The empirical study collected data through a survey of representatives of two age groups of Generation Z.
Results and discussion. Respondents spend enough time online that it significantly influences their communication style. Younger people communicate and build relationships online somewhat more, but overall, in-person communication remains significant for respondents, and online communication is perceived more as a tool for solving specific problems than as a distinct communication environment. Most respondents rate their communication skills as high, subjectively encounter few difficulties in communication, and do not experience a lack of intimacy.
Conclusion. The line between superficial and intimate relationships with people seems somewhat blurred for members of Generation Z. There is no evidence to support the following assumptions: members of Generation Z have difficulty making friends; their need for truly deep communication, where they can express their feelings and receive empathy, is not sufficiently satisfied; and members of Generation Z are not inclined to change their communication styles depending on the interlocutor and the social situation. Younger members of Generation Z are gradually integrating online and offline spaces, forming new communication norms.

Keywords: interpersonal communication, online, offline, generational theory, generation Z, communication style, artificial intelligence

For citation: Pashkovsky, E.A. and Ivanov, D.S. (2026), "Generation Z Interpersonal Communication: Online vs Offline", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 106–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-106-119

Введение. Согласно Н. Хау и У. Штрауссу [1], особенности мировоззрения и поведения поколений имеют связь с фазами цикла мировой истории. Один цикл длится 80–100 лет. Он делится на четыре эпохи, называемые Превращениями – подъем, пробуждение, спад, кризис. Длительность каждой – 20–25 лет. Она соответствует в среднем определенному периоду в социализации человека – детство, молодость, зрелость, старость, т. е. конкретный период жизни попадает на определенную фазу цикла истории.

Поколение Z (разговорный вариант – зумеры), по Хау и Штрауссу, принадлежит к архетипу «художник». Его представители растут под чрезмерной опекой во время кризиса, воспитанные старшими поколениями, которые идут ради них на большие жертвы. Они достигают совершеннолетия как чувствительные молодые люди в посткризисном мире. Их роль – размышлять, совершенствовать и поддерживать, а не бороться или созидать.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

Некоторые исследователи (см., например, [2]) предлагают определять поколение Z годами рождения с 1997 по 2012. В России этот период соответствует пику экономического кризиса, распространившегося и на другие сферы жизни, он продолжался долгой фазой перехода к стабильности. Среди ключевых событий отметим: дефолт 1998 г., потрясшие всю страну террористические акты 1999, 2002, 2004 гг., финансовый кризис 2008 г., сепаратистские движения и война в Чечне, полностью завершившаяся только в 2009 г.

Итак, важно, в каком возрасте человек попадает на тот или иной цикл. Особое значение имеет первичная социализация, во время которой формируются основные социальные навыки, в том числе коммуникативные. Поколение Y (миллениалы) росли в 1980–1990-е гг., когда материальные условия жизни заставляли «затянуть пояса», «потерпеть». В то время, когда материальное положение постепенно стало улучшаться и уходило постоянное ощущение, что необходимо «выживать», представители поколения Y становились родителями. Для своих детей они хотели максимального комфорта – возможно, это была их основная установка. Родители-миллениалы попытались оградить своих детей (поколение Z) от перечисленных элементов кризиса того времени, когда эти дети росли. Поэтому именно комфорт стал главным условием жизни зумеров.

Вследствие этого можно предположить, что представители поколения Z в определенной мере инфантильны. Родители позволяют им не делать то, что им не нравится, и оберегают от трудностей, поскольку главный принцип – ребенку (позднее подростку) всегда и везде должно быть комфортно. С точки зрения трансакционного анализа [3] это может быть связано с разыгрыванием антисценария – желанием обеспечить своему ребенку характер взросления и жизни, противоположный своему собственному: сами миллениалы были воспитаны поколением X в строгости и с установкой «необходимо потерпеть». Для своих же детей они хотят противоположного, т. е. полного комфорта.

Рассмотрим особенности межличностной коммуникации представителей поколения Z, в которых проявляется обозначенная выше установка.

Привязанность к онлайн, который превращается из канала в среду коммуникации. До онлайн-эпохи найти нового знакомого было сложнее, отношения складывались дольше, для этого нужны были коммуникативные навыки живого общения, которые и формировались у людей. В современных реалиях интересные собеседники часто ищутся с помощью социальных сетей. Новый контакт находится без особых трудностей, вступление в коммуникацию не требует усилий и приводит к тому, что человек не чувствует ценности сложившихся отношений. Как только ему становится скучно, он переключается, находит другой контакт. Таким образом, главным условием начала общения становится предполагаемое наличие совместных интересов. Формируется привычка не заботиться о сохранении отношений, поэтому для зумеров предположительно характерно отсутствие глубины в отношениях.

В социальных сетях, где в основном общаются зумеры, почти о любом человеке можно узнать много личного (его образ жизни, переживания), т. е. информацию, которой раньше делились только с близкими и друзьями. Таким образом, у поверхностных отношений создается своеобразный личный фасад, а по-настоящему глубинными переживаниями зумеры вообще ни с кем не делятся, так как не понимают, с кем это можно делать, а с кем нет, как разделять близкие и поверхностные отношения. Нет маркера в виде того, насколько близко ты знаешь человека – про всех все и так известно. По предположению авторов, это приводит к трем эффектам.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

Во-первых, остается недостаточно удовлетворенной потребность в по-настоящему глубинной коммуникации, где можно высказывать переживания, получать эмпатию. Представители поколения Z не знают, как заводить дружеские, близкие отношения. Когда один из авторов статьи задавал вопрос студентам – слушателям курса по выбору «Межличностные коммуникации в малых группах и организациях» о том, какие навыки они хотели бы приобрести в процессе обучения, самыми частотными в 2025 и 2026 гг. были «как завести друзей», «как перевести поверхностное знакомство в более близкое». Для этого нужны специфические коммуникативные навыки, которые не формируются в онлайн-среде.

Во-вторых, поскольку зумеры не разделяют поверхностные (приятельские) отношения и более близкие, дружеские, у них в целом формируется привычка не менять коммуникативные стили в общении с разными собеседниками, в том числе с точки зрения исполнения разных социальных ролей. Например, студент может спросить у преподавателя: «Как дела?» или рассказать ему во время занятия о том, как провел выходные, и это не будет казаться студенту чем-то странным. А преподавателю может показаться, что он нарушает субординацию.

В-третьих, в онлайн создается система коммуникации, подобная детской песочнице. Поскольку человек зачастую ищет партнеров для общения в соответствующей группе социальной сети, сразу есть общность на уровне интересов. Не нужны излишние, требующиеся в офлайн-среде, социальные условности для «запуска» общения. Постепенно это приводит к тому, что меняются и нормы коммуникации в целом – из онлайн перетекают в офлайн.

Клиповое мышление и общение с искусственным интеллектом. Для представителей поколения Z характерно клиповое мышление, они – поглотители контента. В Интернете огромное количество информации, которая постоянно потребляется. Процесс обработки информации очень быстрый, конкуренция за потребителя большая. Как только что-то становится неинтересным, «канал переключается». Эти же принципы предположительно переносятся на процесс общения. Кроме того, большое количество подростков общению со сверстниками предпочитают квазиобщение с контентом: человек получает информацию (например, во время просмотра видео), ставит «лайк», оставляет комментарий. Это можно трактовать как общение с иллюзорным партнером [4, с. 255–256]. Искусственный интеллект также является иллюзорным партнером и предположительно иногда даже заменяет молодым людям друзей.

Коммуникация как нежелательные затраты ресурса. Как уже предполагалось, представители поколения Z склонны к формированию не слишком глубинных межличностных отношений. Отношения между людьми становятся более глубокими, когда их участники делятся различными переживаниями, подробностями своей жизни, поддерживают друг друга, между людьми появляется больше сопряжения. Для того чтобы строить такие отношения, необходимо развивать коммуникативные навыки: ориентация на другого, самомониторинг, координация разговора, владение техниками слушания, рефрейминга и другие. Обладая ими, человек в сложной ситуации способен сделать коммуникацию эффективной, переключить стиль, не прервать общение в трудный или напряженный момент (без чего близкие отношения не построить). В онлайн-среде эти навыки не нужны, а чтобы их развить, необходимо прикладывать усилия, привыкать не прерывать коммуникацию в трудный момент или когда перестало быть интересно. Для этого нужны затраты внутреннего эмоционального ресурса. С точки зрения теории социального обмена [5] человек склонен вступать в отношения и развивать их, если необходимые для этого затраты, по его оценке, равны пред-

полагаемым вознаграждениям. Упомянутые усилия и являются затратой, на которую, по мнению авторов статьи, представители поколения Z, как правило, не готовы. Вследствие этого они не вступают в по-настоящему близкие отношения (другими словами, их отношения даже с близкими «по статусу» людьми более поверхностны), и, как следствие, у них часто остается «незакрытой» потребность в эмпатии и близком общении.

Методология и источники. Методологическую базу исследования составили следующие концепции:

– теория поколений Н. Хау и У. Штраусса. В частности, следующая идея: «Каждое поколение имеет свое место в истории, свое мировоззрение и самоощущение, свое отношение к семейной жизни, гендерным ролям, государству, политике, религии, образу жизни и будущему» [6], а также приведенная ранее характеристика представителей поколения Z;

– трансакционный анализ и теория сценариев Э. Берна, а именно идея об антисценарии – программе жизни и установках, противоположных родительским предписаниям [3, с. 174];

– теория социального обмена Дж. Хоманса, а именно идея о сравнении индивидом затрат и вознаграждений при совершении определенных действий [5];

– теория поколений Е. Шамис и А. Антипова, согласно которой граница между поколениями Y и Z в России – 2003 год рождения [7].

Методом сбора информации в рамках эмпирического исследования послужило анкетирование представителей двух возрастных категорий поколения Z: в первую группу вошли преимущественно лица 2008–2011 гг. рождения (самые молодые представители поколения Z, всего 67 респондентов), во вторую – лица 2003–2007 гг. рождения (старшие представители поколения, всего 152 респондента). Всего в исследовании приняли участие 219 респондентов. Исследование проводилось в мае 2026 г.

Результаты и обсуждение. На рис. 1 видны различия между заявленными возрастными группами респондентов.

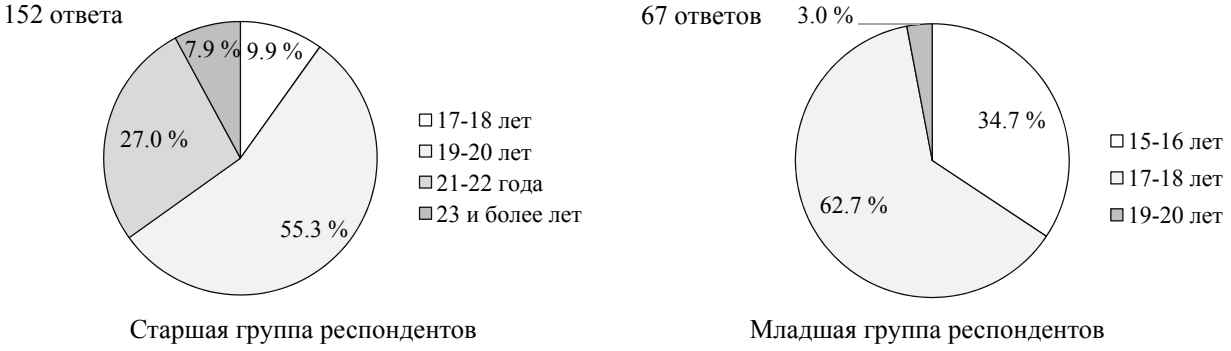
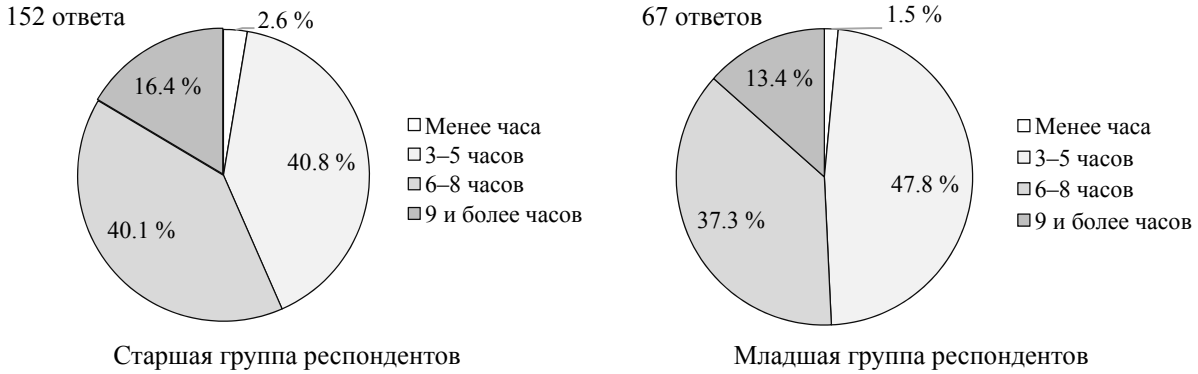

Рис. 1. Укажите, пожалуйста, Ваш возраст
Fig. 1. Please indicate your age

По количеству времени, проводимому в день в социальных сетях, мессенджерах и за просмотром контента на интернет-платформах, разница между старшими и младшими представителями поколения Z незначительна: большая часть проводит в Интернете от 3 до 8 часов в день, т. е. в онлайн-среде респонденты проводят достаточно времени, чтобы это оказало значительное влияние на их манеру общения (рис. 2).

Общее количество друзей у обеих групп респондентов в целом совпадает: 44 % называют цифру 3–5 человек, что является «классическим» вариантом.

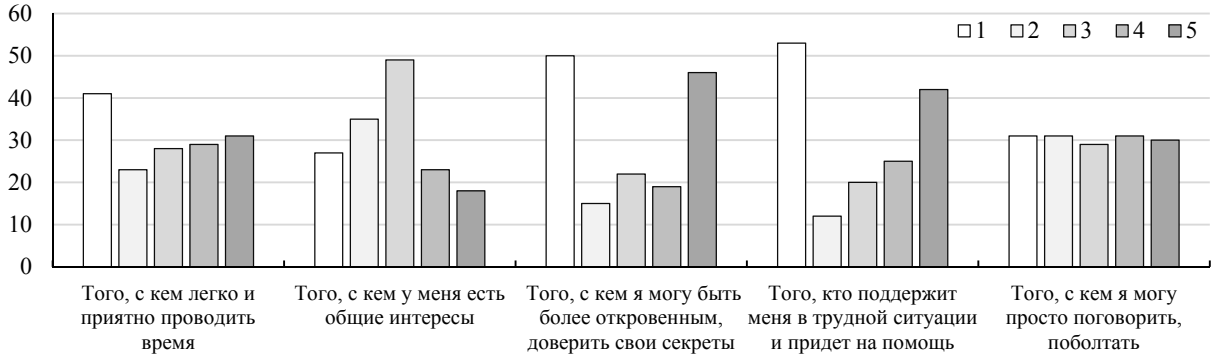
ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

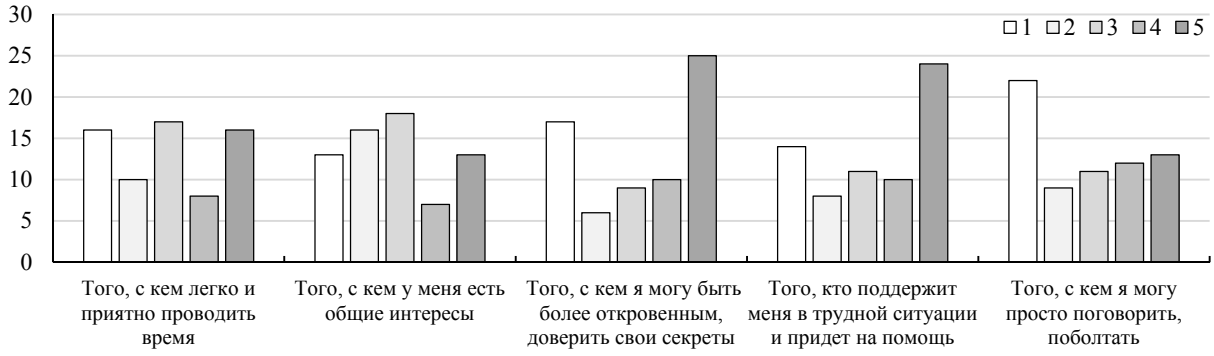
Старшая группа респондентов Младшая группа респондентов

Рис. 2. Сколько времени в день Вы проводите онлайн? (В сумме в социальных сетях, мессенджерах, за просмотром контента на интернет-платформах.)
Fig. 2. How much time do you spend online per day? (In total on social media, messengers, and watching content on online platforms.)

Ответы групп респондентов на вопрос «Кого Вы считаете своим другом?» (Расставьте ответы по местам: от 1 – наиболее важного для Вас в дружбе, к 5 – наименее важному) (рис. 3) показывают значимые различия. В старшей группе большая часть респондентов на первое место поставила вариант «Того, с кем легко и приятно проводить время», это указывает на то, что коммуникация большей частью происходит, скорее, офлайн. Показательны различия по двум «классическим» параметрам дружбы: друг как тот, с кем можно быть откровенным, и друг как тот, кто поддержит и придет на помощь. В обеих группах оценка этих показателей

Старшая группа респондентов

Младшая группа респондентов

Рис. 3. Кого Вы считаете своим другом?
Fig. 3. Who do you consider your friend?

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

противоречива. Но если большинство представителей старшей группы все еще ставит эти показатели на первое место, т. е. в основном придерживаются классического представления о дружбе, то в младшей группе большинство ставит их на последнее место. При этом большинство представителей младшей группы ставит на первое место вариант «Того, с кем я могу просто поговорить, поболтать», а в старшей группе этот показатель не выявляет преимуществ. Вывод: наблюдается тенденция изменения представлений о дружбе: чем моложе человек, тем больше друг для него – нечто более поверхностное, скорее, приятный собеседник, тот, с кем комфортно, нежели тот, с кем выстроены глубинные отношения.

Ответы на вопрос «Чувствуете ли Вы необходимость заводить друзей офлайн?» отличаются незначительно (рис. 4). Отметим, что старшая группа респондентов несколько больше склонна заводить друзей офлайн, что говорит о следующей тенденции: более молодые люди немного больше общаются и строят отношения онлайн. При этом большинство в обеих группах констатируют необходимость классической офлайн-коммуникации как минимум при знакомстве с прицелом на длительное общение, а значит, скорее продолжают видеть в ней некоторую базу, а онлайн рассматривают как инструмент общения, помогающий решать специфические задачи, чем как особую среду, куда общение постепенно переходит.

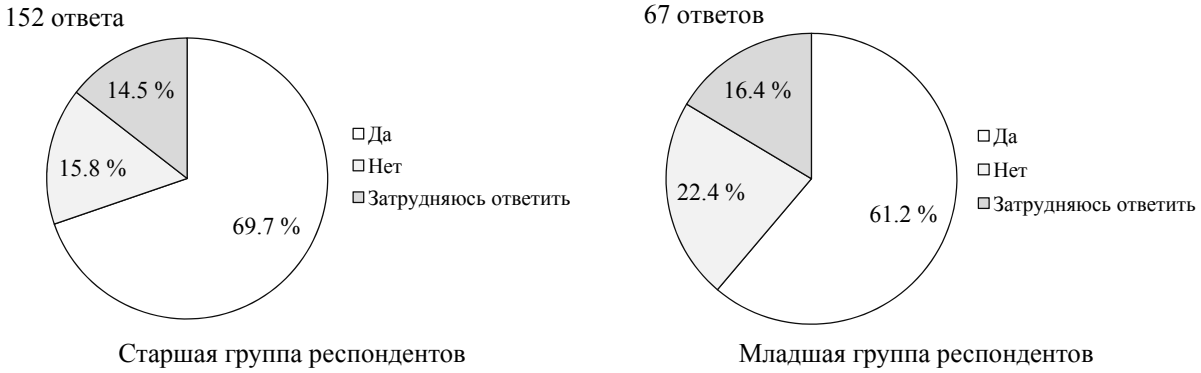

Рис. 4. Чувствуете ли Вы необходимость заводить друзей офлайн?
Fig. 4. Do you feel the need to make friends offline?

Ответы на вопрос «Если у Вас есть знакомый/знакомая, с которым/которой Вы хотите стать ближе в общении, отношениях, сложно ли это обычно для Вас?» (рис. 5) показывают, что представителям старшей группы респондентов сложнее становиться ближе в общении с людьми. Это можно объяснить установленными авторами статьи различиями в подходах к дружбе. В младшей группе «ставки ниже». Сделать более близкими (в данном случае, скорее – более интенсивными) отношения, в которых просто комфортно и есть, с кем поговорить, действительно, проще, чем те, где доверяешь человеку личные секреты и можешь рассчитывать на поддержку.

Мнение о том, что более близкие отношения с человеком требуют больше непосредственного общения, свойственно представителям обеих групп респондентов, однако в старшей группе оно выражено более однозначно.

Также обе группы респондентов склонны менять стиль общения в зависимости от собеседника, однако представители старшей группы, по собственной оценке, более однозначны в этом поведении (в сумме 90 % против 80 % – положительный ответ; 63 % против 40 % – «точно да»).

Ответы на просьбу «Оцените по десятибалльной шкале, насколько Ваш стиль общения в онлайн (мессенджеры, социальные сети) и вживую похожи (1 – стили абсолютно разные,

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

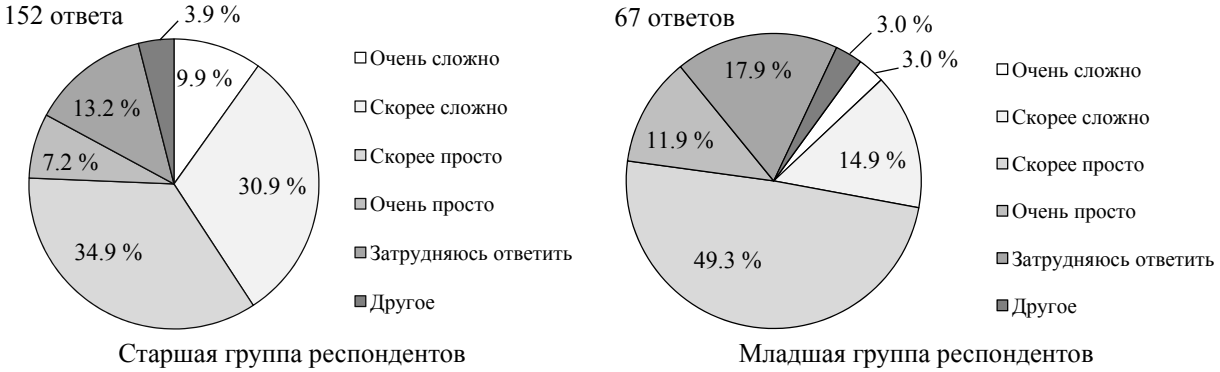

Рис. 5. Если у Вас есть знакомый/знакомая, с которым/которой Вы хотите стать ближе в общении, отношениях, сложно ли это обычно для Вас?
Fig. 5. If you have a friend/acquaintance with whom you want to become closer in communication, relationships, is it usually difficult for you?

10 – полностью совпадают)» (рис. 6) показывают различия в группах респондентов. Представители младшей группы по большей части считают, что не меняют стиль в зависимости от средства коммуникации (онлайн или офлайн), а мнения представителей старшей группы расходятся. Таким образом, обе группы признают небходимость изменения стиля в зависимости от собеседника, но младшие зумеры в меньшей степени разделяют онлайн и офлайн как особые среды общения. Это, с одной стороны, подтверждает уже сделанный вывод о том, что онлайн не определяется молодыми людьми как специфическая среда, оказывающая большое влияние на характер коммуникации, с другой стороны – может говорить о взаимопроникновении норм общения из онлайна в офлайн, и наоборот.

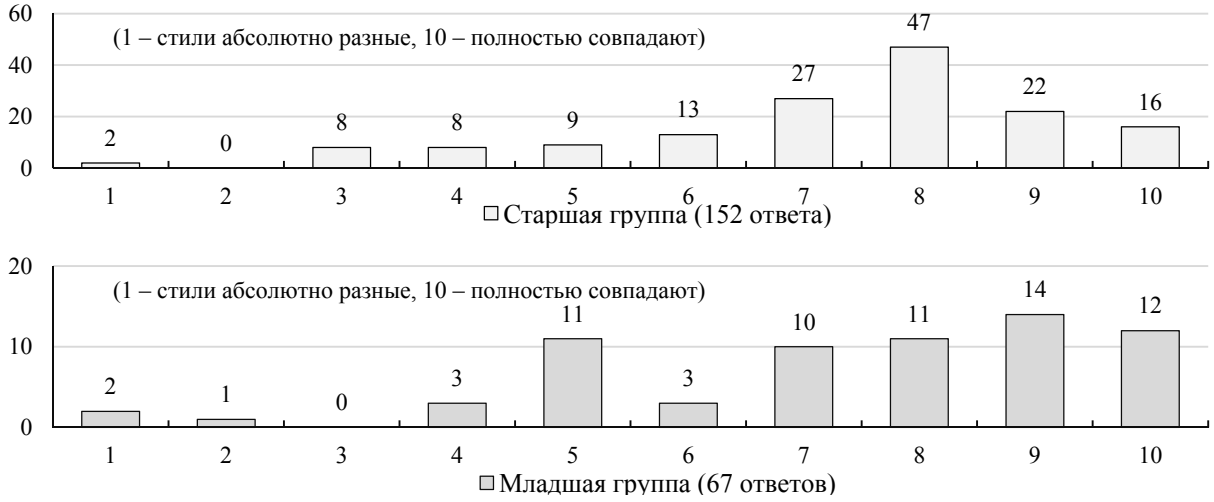

Рис. 6. Оцените по десятибалльной шкале, насколько Ваш стиль общения в онлайн (мессенджеры, социальные сети) и вживую похожи
Fig. 6. Evaluate on a scale of ten how much your online communication style is (messengers, social networks) are they similar in person

Большей части респондентов (63 %) легко заводить друзей в процессе живого общения. Также большая часть респондентов не ощущает недостатка близости в общении с людьми, у младшей группы эта тенденция выражена в большей степени (рис. 7). Показателен ответ одного из респондентов в поле «Другое»: «Из-за насыщенности сфер: отношения, учеба,

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

работа, дела и т. д., то потребность есть, которая сейчас не удовлетворяется из-за нагрузки», т. е. недостаточная удовлетворенность потребности в близких отношениях связывается не с отсутствием коммуникативных навыков, а с другими причинами. Ответы на просьбу оценить свои навыки живого общения (рис. 8) также показывают, что большинство респондентов считают их довольно высокими.

Большая часть респондентов (62 % представителей старшей группы и 55 % – младшей) говорят, что не имеют друзей, с которыми они общались бы онлайн, но никогда не видели вживую. Но показательно, что у представителей младшей группы таких друзей несколько больше (45 % против 38 % у старшей группы).

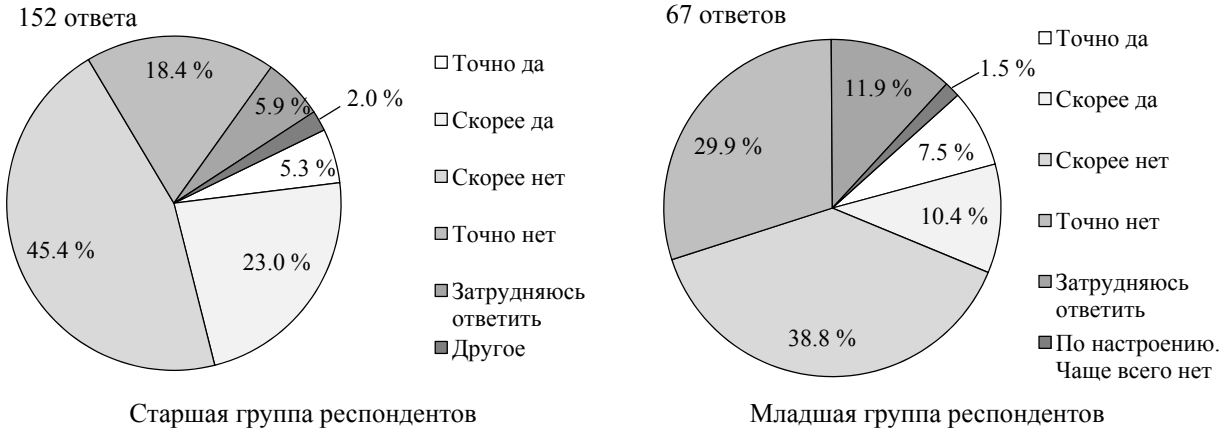

Рис. 7. Чувствуете ли Вы недостаток близости в общении с людьми?
Fig. 7. Do you feel a lack of intimacy in communicating with people?

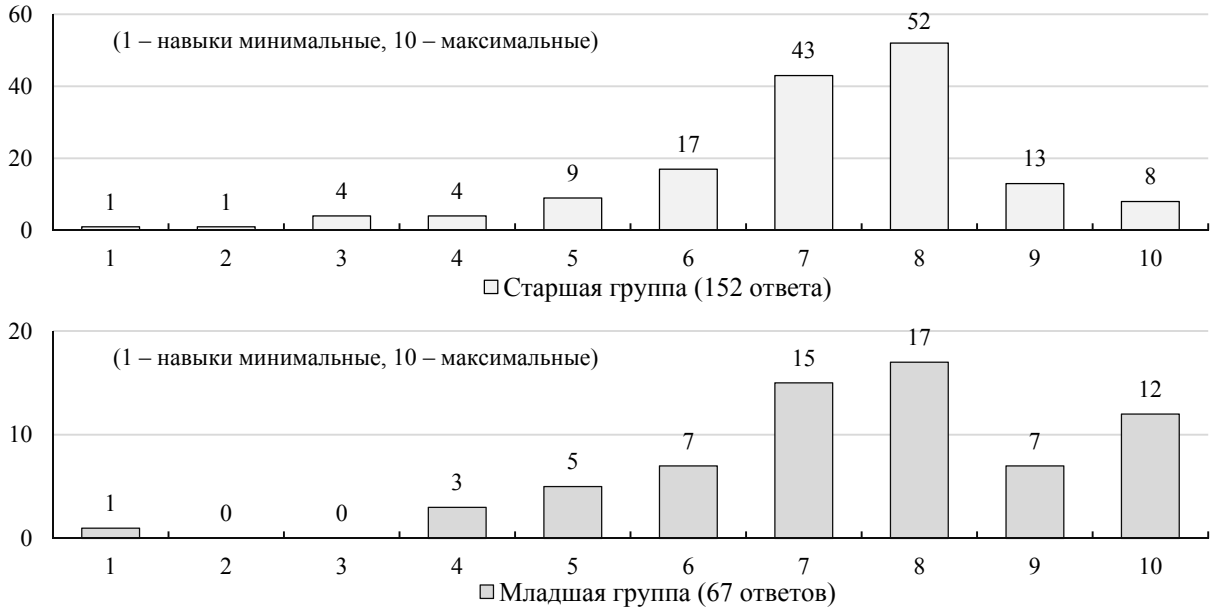

Рис. 8. Оцените свои навыки живого общения по десятибалльной шкале
Fig. 8. Evaluate your live communication skills on a ten-point scale

На вопрос «С какими трудными ситуациями Вы чаще всего сталкиваетесь в живом общении?» около трети респондентов в обеих группах отвечают: «Не сталкиваюсь с трудными ситуациями в общении». Это говорит о довольно высокой оценке своих коммуникативных способностей, что подтверждается и ответами на предыдущие вопросы.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

В ответах на вопрос «Если Вы когда-либо переносили общение, начатое преимущественно с помощью Интернета (социальные сети, мессенджеры и т. д.) в офлайн-среду, что Вам мешало?» также фиксируются сходства между обеими группами респондентов. Около 7 % ответили: «Это слишком трудно», около трети: «Ничего не мешало», и около половины: «Человек живет в другом городе/другой стране». Это снова подтверждает, что, по субъективным оценкам респондентов, у них отсутствуют трудности, связанные с живым общением.

Ответы на заданный в конце анкеты проверочный вопрос «Как Вы чаще всего справляетесь с трудностями в живом общении?» также показывают, что обе группы респондентов склонны искать и находить способы решить свои коммуникативные проблемы, рефлексировать на этот счет (что подтверждается большим количеством самостоятельных ответов на данный вопрос). При этом варианты «Не знаю как справиться» и «Прерываю общение» в сумме имеют 4,5/7 %, что вновь говорит о том, что причиной «переключения» на другого собеседника, если оно происходит, являются не коммуникативные трудности.

Ответы на вопрос «Какие чувства Вы чаще испытываете, когда делитесь с другим чем-то личным?» (рис. 9) показывают, что респонденты испытывают спектр разнообразных эмоций при самораскрытии. Отрицательные эмоции, в частности страх или тревога, не превалируют. Это в некоторой мере опровергает предположение авторов статьи, что зумеры имеют проблемы с близким эмоциональным контактом.

Рис. 9. Какие чувства Вы чаще испытываете, когда делитесь с другим чем-то личным?
Fig. 9. What feelings do you experience more often when you share something personal with others?

Респондентам предлагалось сравнить степень удовлетворенности различными компонентами общения в онлайн- и офлайн-средах. Все компоненты, как-либо связанные с выражением эмоций (эмоциональная близость; чувство, что меня понимают; возможность поддержать партнера по общению), подавляющее большинство признает как реализуемые в основном в непосредственном общении. Исключение составляет показатель «Возможность поделиться интересной информацией», для которого представители старшей группы отдают предпочтение онлайну, а в младшей группе мнения делятся пополам. Это может говорить о лучшем понимании более возрастными респондентами природы человеческой коммуникации. Также этим подтверждаются выводы авторов о том, что все респонденты высоко оценивают общение офлайн, вероятно, понимают, что какие-то компоненты могут быть реализованы только там, и что онлайн субъективно воспринимается, скорее, как удобный при необходимости инструмент общения, чем специфическая среда. Вспомним и о том, что наиболее распространенной причиной общения в онлайн чаще являются трудности «технические» (проживание собеседника в другом городе/стране), чем коммуникативные.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

Открытым вопросом «Какую информацию о себе Вы можете доверить только близкому человеку?» исследователи хотели проверить уровень рефлексии респондентов относительно того, разделяют ли они близкие и более поверхностные отношения, задумываются ли об этом. У младших респондентов преобладают ответы, состоящие из одного слова либо прочерка (в сумме 58 % против 22 % у старших). У старших ответы более подробные, вдумчивые. Показательно, что один из ответов представителей старшей группы включает 69 слов. Это вновь подтверждает, что старшие респонденты больше задумываются о природе общения в целом, рефлексируют на тему его трудностей, а также, вероятно, в большей степени различают между собой близкое и поверхностное общение.

Респондентам был задан ряд вопросов, направленных на проверку взаимовлияния потребления контента в Интернете и межличностного общения. Ответы на вопрос «Как часто в обычной речи Вы используете фразы или манеру общения, которую Вы наблюдали в трендовых рилсах?» показывают, что в обеих группах около 60 % респондентов делают это постоянно, часто или иногда.

Большая часть представителей младшей группы, 52 %, постоянно, часто или иногда ставят лайки и пишут комментарии к публичному контенту в Интернете. Среди представителей старшей группы таких только треть. Это может говорить о том, что для младшего поколения зумеров квазиобщение с контентом отчасти заменяет общение с реальным партнером, что подтверждает одно из исследовательских предположений авторов статьи. При этом большинство молодых людей все же не склонны воспринимать ИИ как друга, с которым можно делиться эмоциями, но видят в нем удобный инструмент решения повседневных задач. Это подтверждают ответы на предложение «Оцените характер своего взаимодействия с искусственным интеллектом» (рис. 10) и вопросы «Обращаясь к сервисам ИИ, используете ли Вы для

Рис. 10. Оцените характер своего взаимодействия с искусственным интеллектом (выберите до трех вариантов ответов)
Fig. 10. Evaluate the nature of your interaction with artificial intelligence (choose up to three possible answers)

них ласковые или уменьшительно-ласкательные имена?» («Нет» – 88 % в старшей группе и 73 % в младшей группе), «Казалось ли Вам когда-либо, что ИИ понимает Вас лучше, чем человек?» («Нет» – 76 % в старшей группе и 64 % в младшей группе).

Заключение. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

Граница между поверхностными и близкими отношениями с людьми для представителей поколения Z выглядит несколько размытой, что частично подтверждает одну из авторских гипотез. Причем размывается она тем более, чем моложе человек. Для младшей группы респондентов друг – скорее, просто приятный собеседник, чем тот, кому можно довериться и доверять; уровень рефлексии, проявленный в ответах на открытый вопрос «Какую информацию о себе Вы можете доверить только близкому человеку?», значительно ниже у младших зумеров.

Гипотеза о том, что представители поколения Z имеют трудности с тем, как заводить друзей, и что потребность в по-настоящему глубинной коммуникации, где можно высказывать переживания и получать эмпатию, для них недостаточно удовлетворена, скорее, не подтверждается: у респондентов достаточно друзей; им не тяжело заводить друзей в процессе живого общения; большинство не чувствуют недостатка близости в общении с людьми; более чем половине младшей группы наших респондентов не сложно становиться ближе в отношениях со знакомыми. Однако для представителей старшей группы сближаться с людьми несколько сложнее.

Предположение, что представители поколения Z не склонны менять коммуникативные стили в зависимости от собеседника и социальной ситуации, также не находит подтверждения. Но представители младшей группы респондентов не меняют стиль, переходя из онлайна в офлайн. Это, как и использование большинством респондентов манеры общения из трендовых видеороликов, косвенно подтверждает предположение о постепенном переходе норм коммуникации из Интернета в непосредственное общение. Другими словами, младшие представители поколения Z постепенно интегрируют онлайн- и офлайн-пространства между собой, формируя новые нормы общения.

Онлайн для зумеров – скорее, не особая среда со специфическим характером или нормами, а удобный инструмент коммуникации. При этом подавляющее большинство представителей поколения Z признают необходимость и ценность непосредственной коммуникации, в том числе для выстраивания более близких отношений. Младшие зумеры несколько больше общаются в Интернете и социальных сетях, чем старшие.

Коммуникативные навыки большинством респондентов субъективно оцениваются как высокие: треть респондентов в принципе не сталкиваются с трудными ситуациями в живом общении; перенос общения из онлайна в офлайн, если и представляет сложность, то по причине удаленности собеседника, и менее всего из-за коммуникативных трудностей; респондентам легко заводить друзей в офлайн; 55 % в младшей группе и 48 % оценивают свои навыки на 8, 9 и 10 баллов из десяти; только 13 и 12 % – на 0, 1, 2, 3, 4 или 5 баллов (т. е. как средние или ниже средних).

Искусственный интеллект для более молодых представителей поколения Z отчасти заменяет реального коммуникативного партнера, но в друга не превращается. Как и онлайн в целом, ИИ для них – не более чем удобный инструмент решения повседневных задач.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 106–119
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 106–119

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning. What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. NY: Broadway Books, 1997.

2. Dimock M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins // Pew Research Center. 17.01.2019. URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/ (дата обращения: 30.05.2026).

3. Берн Э. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы / пер. с англ. А. Грузберга. М.: Эксмо, 2015.

4. Лопухов А. М. Словарь терминов и понятий по обществознанию: А–Я. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс, 2013.

5. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 82–91.

6. Хау Н. Четвертое Превращение: что периоды истории могут сказать нам о том, как и когда закончится текущий кризис. 2023. URL: https://www.litres.ru/book/smart-reading/chetvertoe-prevraschenie-chto-periody-istorii-mogut-skazat-n-72174886/ (дата обращения: 30.05.2026).

7. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Психология и бизнес. URL: https://psycho.ru/library/2581 (дата обращения: 30.05.2026).

Информация об авторах

Пашковский Евгений Александрович – кандидат политических наук (2013), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология музыки, социология повседневности, социология эмоций, социальная психология, межличностная коммуникация.

Иванов Дмитрий Сергеевич – преподаватель социально-гуманитарных дисциплин Медицинского техникума № 9, ул. Савушкина, д. 5А, Санкт-Петербург, 197183, Россия. Сфера научных интересов: межличностная коммуникация, социальная философия, политическая социология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 04.06.2026; принята после рецензирования 19.06.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Howe, N. and Strauss, W. (1997), *The Fourth Turning. What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*, Broadway Books, NY, USA.

2. Dimock, M. (2019), "Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins", *Pew Research Center*, 17.01.2019, available at: https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/ (accessed 30.05.2026).

3. Berne, E. (2015), *What Do You Say After You Say Hello? The Psychology of Human Destiny*, Transl. by Gruzberg, A., Ehksmo, Moscow, RUS.

4. Lopukhov, A.M. (2013), *Slovar' terminov i ponyatii po obshchestvoznaniyu: A-Ya* [Dictionary of Terms and Concepts in Social Studies: A-Z], 7th ed., Airis-press, Moscow, RUS.

5. Homans, G. (1984), "Social behavior as exchange", *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya* [Modern foreign social psychology], in Andreeva, G.M., Bogomolova, N.N., Petrovskaya, L.A. (ed.), Moscow Univ. Publ. House, Moscow, RUS, pp. 82–91.

6. Howe, N. (2023), *The Fourth Turning Is Here: What the Seasons of History Tell Us about How and When This Crisis Will End*, available at: https://www.litres.ru/book/smart-reading/chetvertoe-prevraschenie-chto-periody-istorii-mogut-skazat-n-72174886/ (accessed 30.05.2026).

7. Shamis, E. and Antipov, A. (n. d.), "Theory of generations", *Psikhologiya i biznes* [Psychology and Business], available at: https://psycho.ru/library/2581 (accessed 30.05.2026).

Information about the authors

Evgeny A. Pashkovsky – Can. Sci. (Politics, 2013), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: sociology of music, sociology of everyday life, sociology of emotions, social psychology, interpersonal communication.

Dmitry S. Ivanov – Teacher of Social and Humanitarian Disciplines, Medical College No. 9, 5A Savushkina st., St Petersburg 197183, Russia. Area of expertise: interpersonal communication, social philosophy, and political sociology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 04.06.2026; adopted after review 19.06.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

Оригинальная статья
УДК 316.42; 303.425
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-120-139

Социальные технологии и социальная инженерия: современная концептуализация и перспективы осмысления в контексте вызовов цифровизации

***Валентин Павлович Бабинцев*[1], *Жанна Александровна Шаповал*[2]✉, *Никита Геннадьевич Румянцев*[3]**

[1, 2, 3]*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия*

[1]*babintsev@bsuedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0112-6145*

[2]✉*shapoval@bsuedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-8069-9274*

[3]*rumyantsev@bsuedu.ru*

Введение. Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества и конвергенцией технологий, которые трансформируют традиционные социальные практики. В отечественной науке теория социальных технологий остается недостаточно разработанной, поскольку существующие подходы мало учитывают вызовы цифровой эпохи. Ситуация усугубляется неопределенностью понятийного аппарата, размытостью границ между социальными технологиями и социальной инженерией, отсутствием рефлексии изменений, произошедших в исследуемом феномене под влиянием дигитальных процессов. Целью статьи является выявление состояния концепции социальных технологий и социальной инженерии с учетом изменений в их содержании, произошедших и происходящих в ходе цифровизации общества.

Методология и источники. Работа базируется на критическом анализе отечественных и зарубежных публикаций, а также на результатах экспертного опроса 25 специалистов в области социальных технологий.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования выявлены основные проблемные поля теории социальных технологий: отсутствие консенсуса в профессиональном сообществе к определению социальной технологии; не вполне адекватная рефлексия состояния теоретико-методологического обоснования социальных технологий; непроясненность соотношения социальных технологий и социальной инженерии. Показана сложность проблемы разграничения социальных, «производственных» и информационных технологий. Предложены критерии демаркации социальных технологий от иных социальных практик, к которым отнесены алгоритмичность, этапность, рациональность, формальная упорядоченность. Продемонстрировано, что цифровизация привела к реабилитации понятия «социальные технологии» в общественном сознании, ранее существенно дискредитированного манипулятивными политтехнологиями. Сделан вывод о том, что конвергенция технологий (НБИКС) и гибридизация социальной реальности не отменяют социальные технологии, но преобразуют соотношение их компонентов.

Заключение. Таким образом, в дигитальном обществе не ослабевает, но только усиливается потребность в теоретических исследованиях в области социальных технологий и социальной инженерии. Решение этой задачи связано, с одной стороны, с рено-

© Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А., Румянцев Н. Г., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

вацией теоретических положений, обоснованных в конце прошлого века, с другой – с выдвижением новых идей, раскрывающих содержание социальных технологий и социально-инженерных практик в цифровом обществе.

Ключевые слова: социальные технологии, социальная инженерия, социальная архитектура, цифровизация, социально-технологический подход

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 25-28-03536 «Проектирование социальной архитектуры провинциальной городской агломерации в России»).

Для цитирования: Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А., Румянцев Н. Г. Социальные технологии и социальная инженерия: современная концептуализация и перспективы осмысления в контексте вызовов цифровизации // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-120-139

Original paper

Social Technologies and Social Engineering: Modern Conceptualization and Perspectives for Understanding in the Context of Digitalization Challenges

***Valentin P. Babintsev*[1], *Zhanna A. Shapoval*[2]✉, *Nikita G. Rumyantsev*[3]**

[1, 2, 3]*Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*
[1]*babintsev@bsuedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0112-6145*
[2]✉*shapoval@bsuedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-8069-9274*
[3]*rumyantsev@bsuedu.ru*

Introduction. The relevance of the research is due to the rapid digitalization of society and the convergence of technologies that transform traditional social practices. In Russian science, the theory of social technologies remains insufficiently developed, since existing approaches take little account of the challenges of the digital age. The situation is aggravated by the uncertainty of the conceptual framework, the blurred boundaries between social technologies and social engineering, and the lack of reflection on the changes that have occurred in the phenomenon under study under the influence of digital processes. The purpose of this article is to identify the state of the concept of social technologies and social engineering, taking into account the changes in their content that have occurred and are taking place during the digitalization of society.

Methodology and sources. The work is based on a critical analysis of Russian and foreign publications, as well as on the results of an expert survey of 25 specialists in the field of social technologies.

Results and discussion. As a result of the conducted research, the main problematic fields of the theory of social technologies have been identified: lack of consensus in the professional community on the definition of social technology; not entirely adequate reflection on the state of theoretical and methodological substantiation of social technologies; lack of clarity on the relationship between social technologies and social engineering. The complexity of the problem of distinguishing between social, "production" and information technologies is shown. Criteria for the demarcation of social technologies from other social practices are proposed, which include algoritmic, stepwise structure, rationality, and formal orderliness. It is demonstrated that digitalization has led to the rehabilitation of the concept of "social technologies" in the public consciousness, which was

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

previously significantly discredited by manipulative political technologies. It is concluded that the convergence of technologies (NBICS) and the hybridization of social reality do not abolish social technologies, but transform the relationship between their components.
Conclusion. Thus, in a digital society, the need for theoretical research in the field of social technologies and social engineering is not weakening, but only increasing. The solution to this problem is connected, on the one hand, with the renewal of theoretical propositions grounded at the end of the last century. On the other hand, with the promotion of new ideas that reveal the content of social technologies and social engineering practices in the digital society.

Keywords: social technologies, social engineering, social architecture, digitalization, socio-technological approach

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 25-28-03536 "Designing the social architecture of a provincial urban agglomeration in Russia").

For citation: Babintsev, V.P., Shapoval, Z.A. and Rumyantsev, N.G. (2026), "Social Technologies and Social Engineering: Modern Conceptualization and Perspectives for Understanding in the Context of Digitalization Challenges", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 120–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-120-139

Введение. Социальные технологии являются одной из наименее разработанных областей социально-гуманитарного знания в современной России. В настоящее время можно назвать лишь несколько посвященных этой проблематике серьезных монографических исследований, большая часть которых издана не позднее 2020 г. (см., например [1–8]). Безусловно, ежегодно публикуется некоторое количество научных статей, авторы которых более или менее последовательно используют методологию социально-технологического подхода (или то, что понимается под ним) для анализа преимущественно частных аспектов социального управления (см., например [9–12]). Но практически нет попыток интерпретировать этот подход с учетом новых тенденций развития общества в цифровую эпоху. Показателен пример проведенной недавно в МГУ XX Международной научной конференции «Сорокинские чтения–2026», программой которой предусматривалось рассмотрение темы «Социальные технологии в России: от социальной инженерии к социальной архитектуре» (руководитель секции – канд. социол. наук, доц. О. В. Гавриленко). Абсолютное большинство выступающих посвятили свои доклады обобщению практик применения социальных технологий для решения ситуативных проблем, что, несомненно, важно и интересно. Но довольно давно известно: приступая к решению конкретных вопросов без предварительного решения общих, трудно рассчитывать на успех. Однако лишь в нескольких сообщениях [13–16], да в какой-то мере в материалах, авторы которых разрабатывают концепцию социальной архитектуры [17; 18], эти общие аспекты социальных технологий были слегка затронуты.

Разумеется, не лишено оснований возможное возражение против позиции авторов статьи. Оно заключается в том, что теоретико-методологические вопросы уже давно решены, и нет необходимости повторять давно известные истины. Но, применяя этот аргумент, его сторонники изначально исходят из представления о неизменности как самих социальных технологий, так и условий их использования. А оно противоречит реальности, которая с внедрением цифровых технологий стала исключительно динамичной. Более того, высокая динамика обеспечивается прежде всего за счет обновления технологической составляющей. И если обновляются традиционные (условно «производственные») технологии, то, оче-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

видно, нельзя отрицать и трансформацию социальных технологий. Тем более, что исследователи фиксируют тенденцию конвергенции технологий, в результате которой усиливается их взаимопроникновение и взаимозависимость.

Все это позволяет сформулировать предположение о неизбежном наличии изменений в самом феномене социальных технологий. Они в настоящее время не могут не отличаться от тех, с которыми имели дело создатели социально-технологического похода в социальном анализе и органически связанной с ним концепции социальной инженерии. К их числу, наряду с К. Поппером, можно с полным правом отнести К. Маннгейма, Р. Паунда, А. Файоля, А. А. Богданова, А. К. Гастева и ряд других исследователей и практиков. Наивно полагать, что дигитальная революция, сделавшая, по словам О. Н. Яницкого [19, с. 8], вызов самой сущности социального, не затронула социально-технологические практики.

Цель статьи – выявление состояния концепции социальных технологий и социальной инженерии с учетом изменений в их содержании, произошедших и происходящих в ходе цифровизации общества.

Методология и источники. Особенностью разработки теоретико-методологических оснований проблематики социальных технологий и социальной инженерии является сочетание относительно глубокой проработки отдельных аспектов при отсутствии общей метаконцепции. Основную причину этого авторы усматривают в том, что элементы социально-технологической деятельности включены в многообразные практики, предполагающие решение задачи последовательного (поэтапного, поэлементного) преобразования общественных отношений. Поэтому, рассматривая специфику человеческой деятельности в любой сфере, исследователи вольно или невольно выносили свои суждения относительно применяемых для этого процедур оптимизации человеческой деятельности. Идеи такого рода содержатся в трудах многих признанных авторитетов в области социологии и социально-гуманитарного знания в целом. Набор этих имен и высказанных ими продуктивных идей можно встретить в учебниках по социальным технологиям (см., например [20; 21]). К их числу, кроме упомянутых выше, нередко относят М. Вебера, П. Сорокина, Р. Мертона, Т. Парсонса, подтверждая тем самым универсальный характер социально-технологического знания. Но фрагментарные «университетские» представления не дают общего понимания логики развития теории социальных технологий и социальной инженерии и не могут выступать в качестве работающей методологии исследований, основания для оценки полученных в ходе их результатов. Таковым может быть лишь систематизированное, целостное знание, представленное в виде парадигмы, которая в рассматриваемом случае представляет собой методологию отрасли социологической науки – теории социальных технологий.

Эта парадигма может быть определена как социальное конструирование реальности и в основе своей опирается на предложенную П. Бергером и Т. Лукманом концепцию [22]. В рамках ее технологии рассматриваются в качестве средств, с помощью которых «люди *вместе* создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований, ни одно из которых нельзя понять в качестве продуктов биологической конституции человека, которая, как уже отмечалось, устанавливает лишь внешние пределы производительной деятельности человека» [22, с. 36]. В ходе анализа этих средств и практик их применения целесообразно опираться на ряд принципов, обоснован-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

ных различными авторами, рассматривавшими те или иные аспекты преобразующей деятельности человека. К ним относим:

– принцип рациональной обусловленности, согласно которому системное применение социальных технологий возможно лишь в рамках целерационального социального действия, в его основе, согласно М. Веберу, «лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” и “средств” для достижения своей рационально поставленной и продуманной *цели*» [23, с. 628]. Другим аспектом этого принципа является требование разумного ограничения, заключающегося в понимании невозможности технологизировать всю человеческую деятельность, в которой всегда присутствует иррациональный компонент – то, что Бёрк называл «предрассудками» [24], а современные социологи – архетипическими и ментальными структурами, габитусами и стереотипами [25, с. 346];

– принцип развития и саморазвития. В соответствие с ним технологии – источник общественных перемен (а согласно болгарскому исследователю Н. Стефанову, апеллировавшему в свою очередь к Э. де Боно, даже главный источник [26, с. 172]). Безусловно, значение технологий как источника развития общества не следует преувеличивать, они лишь инструменты в руках людей – очевидно, не случайно П. Бергер и Т. Лукман пишут о *социальном* конструировании реальности, оно велико. И что не менее важно, социальные технологии сами развиваются по мере эволюции социума;

– принцип алгоритмизации. Социальные технологии и социоинженерные практики недопустимо сводить только к методам или приемам преобразования человеческой деятельности и ее среды. Их специфика – в «процессности» изменений. Они должны восприниматься как комплексы разделенных на этапы алгоритмически выстроенных процедур и операций, оптимизирующих социальные процессы и выступающих источником общественных перемен [26, с. 172];

– принцип институционализации. Обращение к нему основано на представлении о социальных технологиях как об институциях правил и норм, по Д. Норту, «правил игры», утверждение которых соответствует общей логике процесса институционализации: экстернализации (проецирования элементов сознания вовне), объективации (придания объективности) и интернализации (перевода объективного мира в сознание через социализацию [27, с. 42–43].

Исследование в теоретическом отношении опирается на критический анализ работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных социальным технологиям, социальной инженерии, а в последнее время – социальной архитектуре [4; 13–18; 20; 21; 28–45].

При подготовке данной статьи была предпринята попытка подкрепить теоретические выводы результатами эмпирического исследования в форме экспертного опроса, проведенного среди научных работников и преподавателей вузовских кафедр, чье руководство официально позиционирует их, используя понятие «социальные технологии». Однако при его реализации был выявлен дефицит специалистов, постоянно и квалифицированно занимающихся разработкой рассматриваемой проблематики. Изучение научно-публикационной активности в сфере социальных технологий позволило отобрать для участия в опросе всего 37 кандидатов по нескольким критериям: научной специальности, публикационной активности в сфере со-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

циальных технологий и опыту преподавания соответствующих курсов. 25 из них ответили на вопросы предложенной анкеты. Разумеется, полученные данные недостаточно валидны. Однако на их основании можно очертить некоторый круг довольно очевидных проблем. Тем более, что полученные данные уточнялись с учетом материалов, относящихся к работе, сложившейся еще в начале 90-х гг. прошлого века белгородской школы социальных технологов – одной из первых в России (создатели – Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко, Г. А. Котельников). Некоторые показатели работы школы за последние пять лет, обобщенные административными структурами Белгородского государственного национального исследовательского университета, выглядят так: под руководством участников коллектива успешно защищено шесть кандидатских диссертаций, поддержано три проекта (гранта) во внешних конкурсах, опубликовано 35 статей коллектива в журналах, индексируемых в БД WoS/Scopus, издано семь монографий. До 2024 г. участники школы ежегодно проводили научные мероприятия по проблемам социальных технологий, однако в последнее время в связи с усложнением обстановки в российско-украинском приграничье делать это становится все сложнее.

Социальная технология и социальная инженерия: определение предмета. Рассуждая о социальных технологиях и социальной инженерии, прежде всего уточним предмет обсуждения. Проблема состоит в том, что в работах исследователей он выступает как минимум в двух ипостасях. В первом случае имеется в виду конкретная область обществознания. Эта трактовка апеллирует к широко известному определению Л. Я. Дятченко, который писал о социальных технологиях как о «специально организованной области знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов» [30, с. 52]. В данном случае понятие «социальная технология» следовало бы использовать во множественном числе, поскольку такие знания разнообразны, дифференцируются по сферам общественной жизни и уровням самоорганизации социума. Объединяет их подчеркнутое автором функциональное предназначение – оптимизация социально-преобразующей деятельности людей. Полагаем возможным добавить: на основе рационализации социальной реальности.

Знание о социальных технологиях – это сугубо рациональное знание, опирающееся на использование строгих понятий, выявление причинно-следственных связей между объектами и калькуляцию позитивных и негативных результатов своих действий.

Однако с неизбежностью встает вопрос, каким критериям должны соответствовать способы и процедуры, оптимизирующие деятельность людей? В ходе различных исследований предпринимались попытки составить их перечень. Обычно к числу параметров, которым должна соответствовать социальная технология, относят следующие: целенаправленность, алгоритмичность, планомерность, рефлексивность, разделение на этапы, воспроизводимость, нормативность, эффективность, управляемость [20; 32; 38; 44]. Иногда к их числу добавляют гуманистическую ориентацию, однако в самой идее технологизации социальной реальности этот параметр, несомненно востребованный массами людей, изначально не заложен.

Представляется весьма сомнительным возможность определения социальных технологий через описание всех присущих им качеств. Жизнь слишком разнообразна и динамична, что гарантирует постоянное обновление списка. При этом всегда существует возможность упустить какую-либо характеристику, что практически обесценивает нормативность перечня, в

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

соответствие с которым все позиции должны быть обязательными. Но наличие перечня критериев-показателей является значимым, поскольку позволяет на основании несоответствия той или иной практики хотя бы одному из критериев отказать ей в статусе технологии.

Развитие теории социальных технологий в рамках сложившейся парадигмы, основанной на описании некоторых однозначно присущих им признаков, стало одной из причин того, что рамки социально-технологического дискурса являются весьма узкими. На это в свое время указывал В. В. Щербина, который выделял всего лишь четыре «согласованных представления о феномене СТ» (социальной технологии): а) большинство связывают представление об СТ с решением практических задач социальной сферы; б) СТ относят к числу инструментальных средств, включающих в себя набор норм, предписаний и запретов, в совокупности выступающих в качестве поведенческих или деятельностных стандартов, задающих порядок и содержание действий людей в привязке к решаемой задаче или социальному процессу; в) свойства СТ выводят из содержания двух его составляющих – термина «технология» (хотя представления о свойствах технологии в разных авторских концепциях отличаются) и термина «социальность»; г) указывают на то, что любой из их типов применим к ограниченному перечню сфер и конкретному типу практических задач, решаемых в рамках социальной жизни (хотя обоснование ее специфики сегодня является проблемой)» [41, с. 117].

Эти рамки еще более сужаются, если рассматривается феномен социальной инженерии. Уже отмечалось, что К. Поппер применял понятие «технология» как удачное определение для характеристики теоретического аспекта рассматриваемых им практических изменений общества [45].

Проблемные поля социально-технологического знания. Можно с полной определенностью утверждать, что до настоящего времени социально-технологическое знание является неполным и недостаточно строго демаркированным даже в рамках социологии. Наиболее острыми представляются три проблемы.

Неопределенность понятийного аппарата. Прежде всего это относится к основному понятию «социальная технология». Более десяти лет назад В. В. Щербина (цит. по [41, с. 117–119]) выделил не менее 25 его определений отечественными авторами, которые на основе его исследования сведены в единую таблицу (табл. 1).

Настоящее исследование дает основание считать, что к 2026 г. расхождения во мнениях в основном сохранились. Среди ученых выявились сторонники нескольких подходов к определению основного используемого ими понятия.

Первый подход акцентирует внимание на способности социальных практик обеспечивать эффективность деятельности: «Социальная технология – это совокупность методов, приемов и процедур, позволяющих систематически и предсказуемо достигать заданных социальных результатов при минимальных ресурсных затратах» (9 респондентов).

Второй подход сосредоточивает внимание на системности, последовательности реализуемых действий, их закреплении в виде специальных механизмов: «Социальная технология – это система последовательно применяемых методов, средств и механизмов взаимодействия социальных субъектов в целях оптимального, с наименьшими управленческими и ресурсными затратами изменения их свойств, характеристик, состояний» (6 респондентов).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

Таблица 1. Особенности трактовки социальных технологий отечественными специалистами
Table 1. Peculiarities of interpretation of social technologies by domestic specialists

Автор	Определение
В. И. Подшивалкина	Инструмент практической деятельности, направленный на удовлетворение потребностей людей, которые базируются не на научных открытиях, а на повседневном знании. Социальная специфика рассматривается как «слабо онтологизированная и опредмеченная» (1997)
Л. А. Маркова	«Механизм, социализации, обеспечивающий поддержание социального порядка и воспроизводства социальных систем», где этим термином фактически обозначают «воспроизводимые социальные практики (законы, правовые нормы, правила, традиции)» (2012)
Н. Стефанов	Практическая деятельность, связанная с изменением социальных процессов в обществе, где изначально заданная цель определялась в соответствии с ориентиром изменения (1977)
В. Г. Афанасьев	Итог и продукт рационализации разнородных направлений практической деятельности, осуществляемых в социальной сфере (1977)
Т. М. Дридзе	Инструментальное средство, применяемое для решения типовых задач, возникающих в сфере социально-проектной деятельности, связанных с выработкой эффективных образцов решения социальных проблем (1986)
Г. П. Щедровицкий	Инструмент обеспечения социальных изменений в обществе и как продукт, и как средство проектирования социальной реальности (1995)
А. К. Зайцев	Совокупность специфических знаний о способах организации социальных процессов. Применение этого понятия он связывал с решением задач, возникающих в сфере управления и достижения социальных целей (1989)
В. В. Щербина	Тип технологии и продукт проектно-технологической деятельности, понимаемый как стандартизированное средство организации и рационализации управленческой деятельности, связанное с совершенствованием средств социальной регуляции деловой организации (2014)
Г. Д. Никредин	Разновидность технологий и форма организации управления, ориентированная на достижение желаемого результата и воспроизводство или изменение социальных отношений (1990)
Л. Г. Ионин	1) Совокупность приемов методов и взаимодействий, применяемых для достижения поставленных целей в процессе социального планирования и решения разнотипных социальных проблем (версия, близкая к трактовке производственных технологий); 2) любой способ применения теоретических выводов, наработанных в социологии в практических целях (1990)
В. Н. Иванов, В. П. Патрушев	1) Тип технологий и элемент управления, выполняющий инновационную функцию, связанную с повышением эффективности деятельности. Социальную специфику СТ они связывают с выявлением «скрытых потенциалов социальной системы»; 2) одним из типов СТ они считают политические технологии, в число которых включают: а) собственно избирательные технологии; б) инструкции и социальные стандарты, регулирующие политические отношения (2004)
В. С. Дудченко	Продукт и средство социального проектирования, напрямую связанные с осуществлением социальных инноваций, гарантирующие заданный результат. Они направлены на воспроизводство и изменение социальных отношений, а также на совершенствование деятельности и обеспечение типовых процедур управления (1996)
Е. М. Бабосов	Специфический социологический инструмент, используемый в любой сфере социальной практики, где возможна социальная активность. По-другому он определяет его как способ достижения социальной цели через развертывание социального процесса и его аналитического расчленения на систему взаимосвязанных этапов и процедур (2000)
Л. Я. Дятченко	Тип технологий и специфическая отрасль знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающего изменения социальных процессов. Видовое отличие СТ он видит в ориентированности на преобразование общественных связей и отношений. Их применение связывает: а) с управленческой деятельностью; б) с проблемами индивидуального развития (2010)
В. П. Бабинцев, Е. И. Бабинцева	Управленческие технологии с идеологически заданной задачей преодоления авторитарного давления и ущемления прав личности в процессе развития общества, которая связывается с реализацией как специфических региональных, так и локальных программ (2010)
Ж. Т. Тощенко	Механизм управления и специфический тип технологии, определяемый как совокупность последовательных операций и процедур воздействия на социальные объекты, инструмент реализации ориентированных на получение социального результата планов. Социальная специфика их определяется как направленность на использование человеческого ресурса. Типы технологий выделяются по их принадлежности к трем сферам: экономике, социальной и духовной (2009)

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

Третий подход заключается в указании на целенаправленность и этапность практик: «Социальная технология – это деятельность, целью которой является изменение объекта, причем деятельность предварительно расчленяется на целый ряд определенных операций, направленных на достижение некоторой цели или задачи» (5 респондентов).

Четвертый подчеркивает интерактивный характер реализуемых процедур и операций: «Социальная технология – это последовательное взаимодействие социальных субъектов, в ходе которого каждый их них реализует свою управленческую стратегию по отношению к другим и формирует социальную действительность» (3 респондента).

Единственный сторонник пятого подхода обращает особое внимание на алгоритмизацию практик: «Социальная технология – это алгоритмизированная (воспроизводимая) система знаний, методов и процедур, направленная на целенаправленное преобразование социальных отношений, процессов или институтов для достижения прогнозируемого и верифицируемого результата с оптимальными затратами».

Несмотря на близость предложенных трактовок они в большей или меньшей степени страдают односторонностью подхода к дефиниции социальной технологии, что, по мнению авторов статьи, должны были отметить участники опроса. В этом случае им предлагалось сформулировать свою позицию. Сделали это два участника, один из которых и предложил определение, где подчеркивается алгоритмический характер социально-технологических процедур и операций.

Не вполне адекватная рефлексия состояния теоретико-методологического обоснования социальных технологий. Эта проблема проявляется в том, что исследователи и участники образовательного процесса до настоящего времени оперируют понятиями и формулировками, полученными еще в начале 90-х гг. прошлого века, не замечая революционных изменений, произошедших в мире. Речь прежде всего идет о дигитализации социума. Массовое внедрение цифровых технологий не могло не поставить проблему об их соотношении с социальными. Решения она пока не нашла, поскольку остаются слабо разработанными фундаментальные вопросы социально-технологического знания. Нельзя игнорировать мнение немногочисленных участников нашего опроса, которым было предложено оценить, насколько отечественным исследователям удалось продвинутся в решении таких задач развития социальных технологий, как разработка методологии анализа социальных технологий и понятийного аппарата теории социальных технологий. 12 респондентов в том и другом случае выбрали вариант ответа «существенно», несмотря на уже отмеченные неопределенность понятийного аппарата и отсутствие глубоких методологически значимых работ, что, казалось бы, прямо склоняет к иной оценке.

Непроясненность соотношения социальных технологий и социальной инженерии. В работах отечественных авторов сформулированы как минимум еще две позиции относительно соотношения социальной инженерии и социальных технологий:

– обоснование наличия особого инженерного подхода к управлению общественными системами. Ю. М. Резник определяет социальную инженерию как «область научно-практической деятельности, связанную с применением инженерного подхода к созданию и изменению социальных систем, в том числе социальных институтов, организаций, региональных систем управления, рабочих групп и т. д.» [35, с. 124];

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

– расширенное понимание, выражающееся в трактовке социальной инженерии как методологии социально-управленческой деятельности [39].

При этом для части исследователей и практиков типично негативное отношение к социальной инженерии, причины которого связаны с наличием опыта ее применения для манипуляций человеческим сознанием. Это характерно, например, для сторонников концепции «социальной архитектуры». Так, в учебнике «Социальная архитектура: теория и практика социальных изменений» настоятельно подчеркивается, что социальная инфраструктура не является ни «переродившейся», ни модернизированной версией социальной инженерии [46, с. 167].

Однако, если подход К. Поппера имеет четкую логику и довольно понятен, то иные интерпретации порождают ряд трудностей при анализе темы. Так, позиция Ю. М. Резника в вопросе о соотношении социальных технологий и социальной инженерии ответа не дает, поскольку он вообще не ставится. Не вполне обоснованной представляется попытка наделить социальную инженерию методологической функцией, которую вполне способна выполнить теория социального управления. Наконец, представляется некорректным отказывать социальной инженерии в праве на существование из-за того, что кто-то использует ее возможности в антигуманных целях. Тем более, что любая общественная практика неоднозначна по своим последствиям.

Дезориентация в демаркации социальных технологий и социальной инженерии подтвердило и настоящее исследование. Пять респондентов полагают, что социальная инженерия – это более широкое понятие, чем социальные технологии, поскольку она включает не только технологические, но и интуитивные способы воздействия на социальные системы. Столько же опрошенных посчитали, что социальные технологии представляют собой инструмент социальной инженерии, она задает стратегические цели и рамки их применения. Еще пять специалистов подчеркнули: различие между данными понятиями заключается в том, что социальные технологии фокусируются на процессах, а инженерия – на проектировании и конструировании. По оценке четверых участников опроса, социальные технологии обеспечивают «технику» изменений, а инженерия – их концептуальное обоснование и стратегическое планирование. Трое специалистов высказались за идею о том, что социальная инженерия – это частный инструмент социальных технологий, еще два эксперта указали на тождественность данных терминов. Некоторые эксперты в качестве отличия средств социальной инженерии от социальных технологий указали их манипулятивный характер.

Таким образом, в профессиональном сообществе специалистов в области социальных технологий (если допустить, что оно все же в каком-то виде существует, поддерживаясь межличностными связями некоторых исследователей, хотя они существенно ослабли по сравнению с 90-ми гг. прошлого века) нет единства по принципиально важным позициям. И особенно тревожным является ощущение удовлетворенности ученых, работающих в данном направлении тем заделом, который был сделан около тридцати лет назад, нежелание или неготовность попытаться осмыслить его в контексте дигитальных процессов.

Демаркация социальных и иных технологий. В научных и практических целях важно уметь выделить в общей массе технологий, используемых людьми, социальные. Для этого необходимо вернуться к проблеме дефиниции социальной технологии. В отсутствие стро-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

го, конвенционально признанного специалистами ее определения в научной литературе попытаемся сформулировать хотя бы его более или менее очевидные компоненты.

Во-первых, это определение должно указывать на процессный характер рассматриваемого феномена. Социальные технологии раскрываются через понятия процедур и операций и этим отличаются от близких понятий, таких, например, как «социальный механизм» (оно акцентирует внимание на наличии структуры, посредством которой осуществляются общественные изменения) или «метод». Безусловно, метод (путь познания) предполагает поэтапность в последовательности действий, но не в жесткой форме. А это позволяет игнорировать необходимость четкого разделения действий на процедуры (несколько взаимосвязанных действий) и операции (локализированные во времени и пространстве действия).

Во-вторых, в понятии следует отразить хотя бы минимально необходимые признаки социальных технологий, отличающие их от «нетехнологических» практик.

В-третьих, понятие должно указывать на связь между процессами рационализации и формализации реальности и социальными технологиями.

В-четвертых, в понятии важно зафиксировать функциональную роль социальной технологии.

С учетом этих соображений социальная технология вполне может быть определена как последовательность алгоритмически выстроенных процедур и операций, направленных на достижение оптимальных, с точки зрения субъекта, результатов деятельности посредством использования формально упорядоченных процессов организации и самоорганизации жизни.

Таким образом, линия демаркации социальных технологий и «нетехнологических» социальных практик определяется оппозициями (табл. 2).

Таблица 2. Маркеры социальных технологий и «нетехнологических» социальных практик
Table 2. Oppositions for the demarcation of social technologies and «non-technological» social practices

Социальные технологии	**«Нетехнологические» социальные практики**
Алгоритмичность	Алгоритмы не предусмотрены
Этапность	Разделение на этапы отсутствует или является нечетким
Ориентация на достижение оптимального результата	Задача оптимизации деятельности не ставится или не является главной
Однозначно рациональная мотивация действий	Нерациональная мотивация действий или сочетание рациональной и нерациональной мотивации
Формальная упорядоченность	Содержательная организованность
Системная рефлексия	Неразвитость рефлексивных практик

Но технологии, применяемые людьми, чрезвычайно разнообразны. Они разрабатываются и внедряются практически в любой сфере деятельности, получая адекватное ее содержанию название. Важно понять, как социальные технологии позиционируются в этой общей массе.

Наиболее простой в данной связи представляется разграничение их с так называемыми производственными технологиями, определяющими процедуры обработки/переработки сырья и материалов. Демаркация, что очевидно, определяется объектом воздействия. Для социальных – это люди, для производственных – это объекты, относящиеся к естественной, искусственной и включенной природе. Последнее обстоятельство указывает на то, что воздействие на человеческий организм в ряде случаев становится предметом «производствен-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

ных» технологий. В свою очередь деятельность по изменению природных объектов всегда требовала организации, поэтому любой производственно-технологический комплекс интегрировал в себя организационно-управленческий сегмент, а, следовательно, подпадал под воздействие социальных технологий.

Аналогичная ситуация прослеживается при попытках разграничить информационные и социальные технологии. Первые издавна используются для формирования поведенческих матриц. Но с помощью вторых физические (изначально нейтральные) объекты нередко превращаются в носителей информации, создаются искусственные языки. Социальные технологии используются и в ходе управления информационным пространством.

Таким образом, деление технологий на социальные, производственные и информационные не является абсолютным. Роль социальных технологий при преобразовании природных объектов и информации заключается в разработке алгоритмов, обеспечивающих воспроизводство и развитие социально-управленческого сегмента природных и информационных систем.

Казалось бы, не должно возникать сложностей в определении технологий, используемых в обществе. Здесь, за исключением уже отмеченных относительно фрагментарных до настоящего времени практик применения производственных и информационных технологий, они все – социальные. Но понятие «технологии» соотносится, хотя порой не всегда корректно, с процессами в конкретных сферах общественной жизни. При этом акцент делается не на социальности, но на специфичности этих практик. В научной и популярной литературе обсуждают педагогические технологии, технологии маркетинга, технологии социальной работы, наконец, политические технологии.

Вопрос состоит в том, должны ли эти технологии стать объектом теории социальных технологий? По мнению авторов статьи, область социально-технологического знания целесообразно ограничить изучением, моделированием и проектированием универсальных социальных технологий; в отношении специфических его роль состоит в разработке общих принципов и правил применения социально-технологического подхода в конкретных сферах.

Задача заключается в том, чтобы сформулированные социальными технологами выводы стали, во-первых, основанием для построения специфических технологий; во-вторых, платформой для практической работы социальных инженеров. Потенциальное поле деятельности социальных инженеров, которая должна быть институционализирована в России, включает социальную диагностику; обеспечение взаимодействия институций, решающих социальные проблемы; формирование и развитие социально-технологической культуры и социально-технологического мышления; профессиональное развитие специалистов социальной сферы.

Социальные и цифровые технологии. Процессы цифровизации/дигитализации в последнее время постоянно находятся в сфере внимания ученых [47–50]. Однако практически нет работ, в которых анализируется соотношение цифровых и социальных технологий. Но если исследователи не пытаются разобраться в том, какое влияние цифровизация оказала на социальные технологии, то это не означает его отсутствия. Есть по меньшей мере два формальных обстоятельства, которые позволяют говорить о взаимосвязи между этими составляющими единого технологического процесса. Во-первых, внедрение цифровых техноло-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

гий привело к своего рода реабилитации социальных технологий в общественном сознании. Подобная реабилитация была связана с тем, что довольно длительное время понятие «технологии» в связке с различными определениями беззастенчиво эксплуатировалось представителями различного научного, квазинаучного и ненаучного знания, нередко реализуясь в виде манипулятивных практик. Свою негативную роль в этом процессе сыграли многочисленные политтехнологи. Широкое использование цифровых технологий заставило даже многих скептиков признать: о технологиях применительно к обществу можно рассуждать всерьез, а тем более их исследовать.

Во-вторых, цифровизация имела для социально-технологического подхода в теории и на практике и негативные последствия. Часть из разрабатывавших его специалистов переключилась на исследование дигитальных практик, которые отличаются новизной и открывают простор для формулировки и обоснования новых идей. Такое переключение облегчалось тем, что в обществе развивались конвергентные тенденции, выразившиеся в том числе и в возникновении феномена конвергентных технологий. Их часто определяют как так называемые НБИКС-технологии (технологии, сложившиеся в результате взаимодействия и взаимопроникновения нано-, био-, инфо-, когнитивных и социальных технологий) [51].

Интеграция подпитывается процессами гибридизации социальной реальности, которая становится многослойной и включает в себя традиционный физический, дополненный, интрасубъективный и виртуальный компоненты. Действующие в них объекты принимают характер сложных социобиотехнических систем [52], регулирование которых может быть эффективным лишь при условии интеграции различных практик. Интеграция многократно увеличивает пределы использования технологий в изначально «несвойственной» для них области. В частности, расширяются возможности применения «производственных» по сути технологий для «преобразования» человека. Реальными становятся прогнозы об изменении человеческой сущности – «антропогенного поворота».

Но интеграция не привела к отмене социальных технологий или замене на цифровые. Социальные технологии продолжают оставаться специфической группой алгоритмически выстроенных практик оптимизации человеческой с конкретным (см. выше) набором обязательных признаков. Однако сегодня имеет смысл не только (и не столько) дискутировать относительно числа этих признаков, но обратить внимание на произошедшие в них структурные изменения. Они связаны с изменением роли каждого из трех компонентов социальной технологии: «производственного», информационного и социального. В «доцифровой период» приоритетными становились первый и третий. На практике это означало, что оптимизация человеческой деятельности осуществлялась либо за счет насыщения ее техническими средствами и материальными ресурсами, либо за счет использования властных (в широком понимании этого термина как влияния) полномочий, но отныне она основывается на использовании алгоритмов и в конечном итоге искусственного интеллекта.

Если в традиционных технологиях содержание каждого компонента определял человек, и социальный компонент был основным, то в настоящее время эта функция переходит к ИИ, а человек все больше попадает в зависимость от него и постепенно отстраняется от участия в процедурах социально-технологического выбора. А. В. Резаев и Н. Д. Трегубова, рассматривая эволюцию социально-технологической зависимости, обоснованно утверждают: «Пол-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

ный цикл этой взаимозависимости проходит три этапа. Сначала человек создает машины, затем передает контроль над автоматами алгоритмам, включая алгоритмы ИИ, а на завершающем этапе возникает положение, когда человек не может организовывать и проживать свою жизнь без алгоритма, становится зависимым от него» [53, с. 6].

Данное обстоятельство дает основание говорить о постепенной трансформации социальных технологий в «инфосоциальные», что отражает общие тенденции развития цифрового общества. Задача социально-гуманитарного знания заключается в осмыслении сути происходящих изменений.

Заключение. Таким образом, характер технологического развития общества диктует необходимость возвращения к исследованиям теоретических оснований социальных технологий, которые в последние два десятилетия оставались на периферии социально-гуманитарного знания в России. Важнейшим фактором, стимулирующим разработки теории социально-технологического подхода, становится цифровизация/дигитализация общества, ведущая к конвергенции технологий.

Однако продвижение в научном осмыслении феномена социальных технологий в дигитальной среде возможно лишь при условии решения некоторых общих вопросов, связанных с определением понятийно-категориального аппарата, уточнением границ специфической области знания и перспектив перевода теории в плоскость практических (социоинженерных) действий. Все это требует реновации традиций изучения и проектирования социальных технологий, которые начали складываться еще в конце прошлого столетия.

В то сложное время создались, как ни парадоксально, довольно благоприятные условия для исследования социальных технологий и применения социоинженерных практик. Во-первых, в обществе ощущалась потребность в инновационных проектах, построенных технологически корректно. Во-вторых, определилась (особенно на региональном уровне) когорта руководителей, готовых и способных к реализации рационально обоснованных стратегий, многие из которых еще не были вовлечены в теневые управленческие схемы. В-третьих, в научном сообществе оформилась группа исследователей, умеющих формулировать креативные идеи и даже внедрять их в практику. Все это было характерно, в частности, для ситуации в Белгородской области, где успешно осуществлялись два масштабных проекта: «Программа улучшения качества жизни населения» и «Стратегия формирования регионального солидарного общества». Последующий реверс в осуществлении социально-технологического подхода, имеющий объективные и субъективные основания, имеет негативные последствия для региона. Причины и результаты его требуют переосмысления. Однако оно вряд ли возможно без решения методологических и общетеоретических проблем социально-технологического подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинская А. Б. Социальные технологии урегулирования конфликтов. М.: Прометей, 2000.

2. Бурнашев К. Э. Стандартизация человека и социальные технологии как феномены современной науки и практики. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013.

3. Герасимов Б. Н., Чумак В. Г. Социальные технологии в управлении. Самара: СНЦ РАН, 2014.

4. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Социальные технологии: учеб. пособие. М.: Муницип. мир, 2004.

5. Осипов Н. Е. Социальные технологии и исторический процесс. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012.

6. Плотников М. В. Социальные технологии менеджмента. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2012.

7. Шадрина Л. Ю. Социальные технологии в системе управления. Новосибирск: НГУЭУ, 2011.

8. Щербина В. В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М.: Новый хронограф, 2018.

9. Демидов А. В., Юдина Т. Н. Социальные технологии как фактор устойчивого развития средних городов: управленческий потенциал и ограничения // Социально-гуманитарные технологии. 2025. № 3 (35). С. 42–52.

10. Лукиных А. А., Пономарева Д. А. Социальные технологии регулирования «утечки умов» // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2023. № 1. С. 157–164.

11. Проказина Н. В., Хатнюк Н. Н. Социально-технологический подход к формированию государственно-гражданской идентичности российской молодежи в современных условиях // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 42–57. DOI: https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-3

12. Федоров П. А. Социальные технологии управления сферой физической культуры и спорта // Социальные и экономические системы. 2025. № 1. С. 55–65.

13. Газиева И. А. Поиск ценностного ядра устойчивости социальной общности: использование технологий социальной инженерии // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 708–710.

14. Мукожева Д. А. Социальная темпоральность как технология управления: конструирование «правильного будущего» в современной России // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 750–751.

15. Попкова Н. В. Социальные технологии как философское понятие // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 760–762.

16. Янкина И. В. Роль социального технолога в преобразовании современной социальной реальности // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 792–794.

17. Гавриленко О. В. От социальной инженерии к социальной архитектуре: развитие социальных технологий в России XX–XXI вв. // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 706–707.

18. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Социальная архитектура как технология со-управления // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 5. С. 199–204. DOI: https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-5-199-204

19. Яницкий О. Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5734

20. Лесина Л. А., Забокрицкая Л. Д. Социальные технологии государственного и муниципального управления: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021.

21. Социальные технологии: учебник для вузов / под ред. И. Б. Орловой. М.: Юрайт, 2026.

22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

23. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. И. Левиной, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.

24. Burke E. Reflection on the revolution in France. Indianapolis: Hackett Pub. Co., 1987.

25. Зубок Ю. А. Молодежь в изменяющемся обществе: социологическое обоснование механизмов взаимодействия и моделей социальной регуляции // Доклады кандидатов в члены

РАН, баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2022 году. М.: Новые печатные технологии, 2023. С. 339–349.

26. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М.: Прогресс, 1976.

27. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

28. Волков Е. Н. Социальная инженерия: явление и его концептуализация // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 96–101.

29. Данакин Н. С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления. Белгород: Центр социальных технологий, 1996.

30. Дятченко Л. Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. М.; Белгород: Центр социальных технологий, 1993.

31. Калмыков Н. Н. Социальные архитектуры как объект социологического анализа и управления: генезис, фрагментация подходов и необходимость целостной теории // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 2. С. 102–106.

32. Кочергин В. Я. Структурно-функциональный анализ социальных технологий // Социологический альманах. 2019. № 10. С. 49–55.

33. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1982.

34. Мельников А. И. Социальная инженерия в цифровой эпохе: анализ методов манипуляции человеческим фактором в целях кибератак // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 50–54.

35. Резник Ю. М. Социальная инженерия как профессия // Изв. Томск. политех. ун-та. 2011. Т. 318, № 6. С. 124–130.

36. Розанов Э. А. Социальные технологии как метод управления коллективом промышленного предприятия: дис. ... канд. социол. наук / МГУ. М., 1991.

37. Сорокина Д. Д., Милевская Ф. А. Социальная архитектура в современной России: практика реализации // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 10. С. 147–151.

38. Сурмин Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий: учеб. пособие. Киев: МАУП, 2004.

39. Уржа О. А. Социальная инженерия как методология управленческой деятельности // Социол. исслед. 2017. № 10 (402). С. 87–96. DOI: 10.7868/S0132162517100099

40. Щербина В. В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социол. исслед. 1990. № 8. С. 79–86.

41. Щербина В. В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социол. исслед. 2014. № 7 (363). С. 113–124.

42. BIM as a Social Technology to Enhance Governmental Decision-Making in Social Housing Programming / C. S. T. do Carmo, R. G. Faisca, V. F. B. Menezes et al. // Real Estate. 2025. Vol. 2, № 4: 20. DOI: https://doi.org/10.3390/realestate2040020

43. Solano E., Gallego J., Rubalcaba L. Social innovation and Nelson's evolutionary legacy on social technologies // J. Ind. Bus. Econ. 2025. № 53. P. 23–34. DOI: https://doi.org/10.1007/s40812-025-00376-x

44. Плотников М. В., Смельцова С. В. Социальные технологии как объект социологического исследования // В мире научных открытий. 2012. № 4–3 (28). С. 169–187.

45. Поппер К. Р. Нищета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной. М.: Прогресс: VIA, 1993.

46. Социальная архитектура: теория и практика социальных изменений: учебник / ред. С. В. Володенков. М.: Проспект, 2026.

47. Афанасов Н. Как цифровизация снова делает мир плоским // Логос. 2025. Т. 35, № 4. С. 167–193. DOI: https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-4-167-193

48. Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Социология цифрового общества. Томск: Изд-во ТПУ, 2021.

49. Фокина Н. Ю., Мехдиев Э. Т. Основные риски и последствия цифровизации корпоративного сектора // Дискуссия. 2024. № 3 (124). С. 70–80. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-3-124-70-80

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

50. Щербаков Р. А. Риски цифровизации: систематизация научного поля // Социологический журнал. 2025. Т. 31, № 1. С. 73–91. DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.4

51. Желобова Ю. В., Счастливцева Е. А. НБИКС-технологии и проблема антропологической эволюции // Вестн. ВятГУ. 2020. № 3 (137). С. 7–19. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.035

52. Ефременко Д. В., Ермолаева П. О., Яницкий О. Н. О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 138–147. DOI: 10.31857/S004287440005064-5

53. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3 (175). С. 3–22. DOI: 10.14515/monitoring.2023.3.2384

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович – доктор философских наук (1999), профессор (2001), профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия. Автор более 350 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, социальные технологии, социальная консолидация, социология образования.

Шаповал Жанна Александровна – кандидат социологических наук (2011), доцент (2019), доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, социальные технологии, социальная консолидация, социология образования.

Румянцев Никита Геннадьевич – соискатель кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные технологии, региональная безопасность.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 04.05.2026; принята после рецензирования 11.06.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Belinskaya, A.B. (2020), *Sotsial'nye tekhnologii uregulirovaniya konfliktov* [Social technologies of conflict resolution], Prometei, Moscow, RUS.

2. Burnashev, K.E. (2013), *Standartizatsiya cheloveka i sotsial'nye tekhnologii kak fenomeny sovremennoi nauki i praktiki* [Human standardization and social technologies as phenomena of modern science and practice: monograph], PSTU, Yoshkar-Ola, RUS.

3. Gerasimov, B.N. and Chumak, V.G. (2014), *Sotsial'nye tekhnologii v upravlenii* [Social technologies in management], SSC RAS, Samara, RUS.

4. Ivanov, V.N. and Patrushev, V.I. (2004), *Sotsial'nye tekhnologii* [Social technologies], Municip. mir, Moscow, RUS.

5. Osipov, N.E. (2012), *Sotsial'nye tekhnologii i istoricheskii protsess* [Social technologies and the historical process], Izd-vo Chuvashskogo un-ta, Cheboksary, RUS.

6. Plotnikov, M.V. (2012), *Sotsial'nye tekhnologii menedzhmenta* [Social management technologies], NIU RANHiGS, N. Novgorod, RUS.

7. Shadrina, L.Yu. (2011), *Sotsial'nye tekhnologii v sisteme upravleniya* [Social technologies in the management system], NSUEM, Novosibirsk, RUS.

8. Shcherbina, V.V. (2018), *Ratsionaliziruyushchie diagnosticheskie upravlencheskie sotsial'nye tekhnologii* [Rationalizing diagnostic managerial social technologies], Novyi chronograf, Moscow, RUS.

9. Demidov, A.V. and Yudina, T.N. (2025), “Social technologies as a factor of sustainable development of medium-sized cities: management potential and limitations», *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*, no. 3 (35), pp. 42–52.

10. Lukinykh, A.A. and Ponomareva, D.A. (2023), “Social regulation technologies “brain drain””, *Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody social'nyh issledovanii* [Modern Society: Issues of Theory, Methodology, Methods of Social Research], no. 1, pp. 157–164.

11. Prokazina, N.V. and Khatnyuk, N.N. (2025), “A socio-technological approach to the formation of the state-civic identity of Russian youth in modern conditions”, *Research Result. Sociology and Management*, vol. 11, no. 1, pp. 42–57. DOI: https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-3

12. Fedorov, P.A. (2025), “Social technologies of management in physical training and sports”, *Social and Economic Systems*, no. 1, pp. 55–65.

13. Gazieva, I.A. (2026), “The search for the value core of the sustainability of a social community: the use of social engineering technologies”, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. "Sorokin Readings–2026"], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 708–710.

14. Mukozheva, D.A. (2026), “Social temporality as a management technology: de-signing the "right future" in modern Russia”, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. “Sorokin Readings–2026”], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 750–751.

15. Popkova, N.V. (2026), “Social technologies as a philosophical concept”, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. “Sorokin Readings–2026”], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 760–762.

16. Yankina, I.V. (2026), “The role of the social technologist in the transformation of modern social reality“, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. “Sorokin Readings–2026”], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 792–794.

17. Gavrilenko, O.V. (2026), “From social engineering to social architecture: the de-velopment of social technologies in Russia in the XX – XXI centuries”, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. “Sorokin Readings–2026”], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 706–707.

18. Gainutdinova, L.A. and Gainutdinov, R.I. (2025), “Social architecture as a co-management technology”, *Sociopolitical Sciences*, vol. 15, no. 5, pp. 199–204. DOI: https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-5-199-204

19. Yanitskiy, O.N. (2018), “On modernization of the humanities”, *Sociologicheskaja nauka i social'naia praktika*, vol. 6, no. 1 (21), pp. 7–22.

20. Lesina, L.A. and Zabokritskaya, L.D. (2021), *Sotsial'nye tekhnologii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Social technologies of state and municipal managemen], Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS.

21. Orlova, I.B. (2026), *Sotsial'nye tekhnologii* [Social technologies], Yurait, Moscow, RUS.

22. Berger, P. and Luckmann, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E., Medium, Moscow, RUS.

23. Weber, M. (1990), *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Transl. by Levina, M.I., Filippov, A.F., Gaidenko, P.P., Progress, Moscow, USSR.

24. Burke, E. (1987), *Reflection on the revolution in France*, Hackett Pub. Co., Indianapolis, USA.

25. Zubok, Yu.A. (2023), “Youth in a changing society: a sociological justification of mechanisms of interaction and models of social regulation”, *Doklady kandidatov v chleny RAN, ballotirovavshikhsya*

po sektsii filosofii, politologii, sotsiologii, psikhologii i prava v 2022 godu [Reports of candidates for members of the Russian Academy of Sciences who ran for the Philosophy, Political Science, sociology, psychology and law sections in 2022], Novye pechatnye tekhnologii, Moscow, RUS, pp. 339–349.

26. Stefanov, N. (1976), *Obshchestvennye nauki i sotsial'naya tekhnologiya* [Social sciences and social technology], Progress, Moscow, USSR.

27. North, D. (1997), *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Transl. by Nesterenko, A.N., Fond ehkonomicheskoi knigi "Nachala", Moscow, RUS.

28. Volkov, E.N. (2014), "Social engineering: the phenomenon and its conceptualization", *Vestnik of Lobachevsky State Univ. of Nizhni Novgorod. Ser. Social Sciences*, no. 3 (35), pp. 96–101.

29. Danakin, N.S. (1996), *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy proektirovaniya tekhnologii sotsial'-nogo upravleniya* [Theoretical and methodological foundations of designing social management technologies], Tsentr sotsial'nykh tekhnologii, Belgorod, RUS.

30. Dyatchenko, L.Ya. (1993), *Sotsial'nye tekhnologii v upravlenii obshchestvennymi protsessami* [Social technologies in the management of social processes], Tsentr sotsial'nykh tekhnologii, Belgorod, RUS.

31. Kalmykov, N.N. (2026), "Social architectures as an object of sociological analysis and management: genesis, fragmentation of approaches, and the necessity of a holistic theory", *Social and humanitarian knowledge,* no. 2, pp. 102–106.

32. Kochergin, V.Ya. (2019), "Structural-functional analysis of social technologies", *Sociologicheskij al'manah*, no. 10, pp. 49–55.

33. Markov, M. (1982), *Tekhnologiya i ehffektivnost' sotsial'nogo upravleniya* [Technology and effectiveness of social management], Progress, Moscow, USSR.

34. Melnikov, A.I. (2024), "Social engineering in the digital age: analysis of methods of manipulating the human factor for cyber attacks", *Social and humanitarian knowledge*, no. 1, pp. 50–54.

35. Reznik, Yu.M. (2011), "Social engineering as a profession", *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, vol. 318, no. 6, pp. 124–130.

36. Rozanov, E.A. (1991), "Social technologies as a method of managing the collective of an industrial enterprise", Can. Sci. (Sociology) Thesis, MSU, Moscow, RUS.

37. Sorokina, D.D. and Milevskaya, F.A. (2025), "Social architecture in modern Russia: implementation practice", *Social and humanitarian knowledge*, no. 10, pp. 147–151.

38. Surmin, Yu.P. and Tulenkov, N.V. (2004), *Teoriya sotsial'nykh tekhnologii* [Theory of social technologies], Kiev, MAUP, UKR.

39. Urzha, O.A. (2017), "Social engineering as methodology of management activity", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 10 (402), pp. 87–96. DOI: 10.7868/S0132162517100099

40. Shcherbina, V.V. (1990), "Problems of technologization of socioengineering activities", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 79–86.

41. Shcherbina, V.V. (2014), "Social technologies: a history of term, content transformation, and contemporary state", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 7 (363), pp. 113–124.

42. Do Carmo, C.S.T., Faisca, R.G., Menezes, V.F.B. et al. (2025), "BIM as a Social Technology to Enhance Governmental Decision-Making in Social Housing Programming", *Real Estate*, vol. 2, no. 4: 20. DOI: https://doi.org/10.3390/realestate2040020

43. Solano, E., Gallego, J. and Rubalcaba, L. (2025), "Social innovation and Nelson's evolutionary legacy on social technologies", *J. Ind. Bus. Econ*, no. 53, pp. 23–34. DOI: https://doi.org/10.1007/s40812-025-00376-x

44. Plotnikov, M.V. and Smeltsova, S.V. (2012), "Social technologies as a social research's subject", *In the World of Scientific Discoveries*, no. 4–3 (28), pp. 169–187.

45. Popper, K.R. (1993), *The poverty of historicism*, Transl. by Kudrina, S.A., Progress, VIA, Moscow, RUS.

46. Volodenkov, S.V. (2026), *Sotsial'naya arkhitektura: teoriya i praktika sotsial'nykh izmenenii* [Social architecture: theory and practice of social change], Prospekt, Moscow, RUS.

47. Afanasov, N. (2025), "How digitalization makes the world flat again", *Logos*, vol. 35, no. 4, pp. 167–193. DOI: https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-4-167-193

48. Vasilenko, L.A. and Meshcheryakova, N.N. (2021), *Sotsiologiya tsifrovogo obshchestva* [Sociology of digital society], Tomsk, TSU, RUS.

49. Fokina, N.Y. and Mehdiev, E.T. (2024), "The main risks and consequences of digitalization of the corporate sector", *Discussion*, no. 3 (124), pp. 70–80. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-3-124-70-80

50. Shcherbakov, R.A. (2025), "The risks of digitalization: systematization of the scientific field", *Sociological J.*, vol. 31, no. 1, pp. 73–91. DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.4

51. Zhelobova, Yu.V. and Schastlivtseva, E.A. (2020), "NBICS technologies and the problem of anthropological evolution», *Herald of Vyatka State Univ.*, no. 3 (137), pp. 7–19. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.035

52. Efremenko, D.V., Ermolaeva, P.O. and Yanitskiy, O.N. (2019), "On sociobiotechnical systems", *Voprosy Filosofii*, no. 5, pp. 138–147. DOI: 10.31857/S004287440005064-5

53. Rezaev, A.V. and Tregubova, N.D. (2023), "From the sociology of algorithms to social analytics of artificial sociality: reflecting on the cases of API and ChatGPT", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 3 (175), pp. 3–22. DOI: 10.14515/monitoring.2023.3.2384

Information about the authors

Valentin P. Babintsev – Dr. Sci. (Philosophy, 1999), Professor (2001), Professor at the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy st., Belgorod 308015, Russia. The author of more than 350 scientific publications. Area of expertise: sociology of management, social technologies, social consolidation, sociology of education.

Zhanna A. Shapoval – Can. Sci. (Sociology, 2011), Docent (2019), Associate Professor at the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy st., Belgorod 308015, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: sociology of management, social technologies, social consolidation, sociology of education.

Nikita G. Rumyantsev – Applicant at the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy st., Belgorod 308015, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: social technologies, regional security.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 04.05.2026; adopted after review 11.06.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 140–149
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 140–149

Оригинальная статья
УДК 811.113.6
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-140-149

Коммуникативные стратегии и тактики шведскоязычного политического медиадискурса

Екатерина Андреевна Кленова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, messerwerferin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1373-8149

Введение. Современный шведскоязычный политический медиадискурс является динамичным коммуникативным образованием, требующим исследовательского внимания вследствие малой изученности шведскоязычных онлайн-изданий. Рассмотрение коммуникативного инструментария политических обозревателей позволяет сформировать более точное представление о манипулятивной составляющей данного типа дискурса. Целью статьи является исследование особенностей стратагемно-тактической организации шведскоязычного политического медиадискурса и выявление ключевых средств манипулирования целевой аудиторией.

Методология и источники. При помощи дискурсивного и контекстуального анализа в отобранных статьях, опубликованных на сайтах двух крупнейших шведскоязычных новостных онлайн-изданий – Aftonbladet и SVT Nyheter в 2025 г., были установлены стратегии и формирующие их коммуникативные тактики, проанализировано их количественное соотношение с целью выявления преобладающих стратегий, рассмотрены способы языковой репрезентации указанных средств.

Результаты и обсуждение. Анализ языкового материала показал, что доминирующей коммуникативной стратегией данного типа дискурса является убеждение, актуализируемое в составе тактик, способствующих рационализации дискурса: аргументации, информирования, прогнозирования, отсылки (апелляции) к авторитету и рациональной оценки. Данный набор тактических средств указывает на низкую степень выраженности эмоционального компонента персуазивности и прагматическую ориентированность шведскоязычных новостных изданий.

Заключение. Реализации выявленных тактик на языковом уровне служит политический жаргон, идиоматические выражения и разговорная лексика, сочетание которых позволяет установить эффективное коммуникативное взаимодействие между автором-журналистом и массовой аудиторией. Подчеркивается различие в степени вариативности выявленных стратегий в текстах Aftonbladet и SVT Nyheter, выражающееся в высокой репрезентативности стратегий солидаризации и дискредитации в текстах таблоидного издания Aftonbladet. Предполагается, что данная вариативность обусловлена публицистической направленностью издания, предусматривающей более высокое разнообразие стилистических, жанровых и прагматических средств. Установлено, что актуализации стратегии солидаризации служат тактики инклюзивности и обращения к юмору, а дискредитации – тактики критики и упрека. Отмечается низкая степень выраженности стратегии самопрезентации, что свидетельствует о стремлении шведскоязычных авторов-журналистов поддерживать иллюзию бессубъектности дискурса.

© Кленова Е. А., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 140–149
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 140–149

Ключевые слова: медиадискурс, политический медиадискурс, коммуникативные тактики, коммуникативные стратегии, лингвопрагматика

Для цитирования: Кленова Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики шведскоязычного политического медиадискурса // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 140–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-140-149

Original paper

Communicative Strategies and Tactics of Swedish Political Media Discourse

Ekaterina A. Klenova

Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,
messerwerferin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1373-8149

Introduction. Modern Swedish political media discourse is a dynamic communicative formation that demands research due to low extent of knowledge in regards to the Swedish online editions. Identifying communicative features of political observers helps to form a more clear idea of the manipulative nature of the mentioned type of discourse. The article aims to identify strategic and tactical characteristics of Swedish political media discourse, examining crucial means of manipulating the target audience.

Methodology and sources. With the help of discourse and contextual analysis, strategies and corresponding tactics were identified and proportionally analyzed within the texts published on two major Swedish news websites (Aftonbladet and SVT Nyheter) in 2025 with the purpose of investigating the prevalent strategies, as well as the core means of their respective language representation.

Results and discussion. The conducted analysis of the language material shows that persuasion constitutes the key communicative strategy of the examined type of discourse, for the actualization of which the authors tend to employ the tactics of discourse rationalization, such as argumentation, informing, anticipation, authority appeal and rational evaluation. The choice of the presented group of tactics highlights the tendency to avoid utilizing the emotional component of persuasion, showcasing the pragmatic orientation of Swedish news websites.

Conclusion. The identified tactics are realized via political jargon, idiomatic expressions and colloquial vocabulary, the combination of which allows to establish an effective communication between the journalist and mass audience. The unequal distribution of the identified strategies exemplified by the high rates of solidarization and defamation within the texts of the tabloid newspaper Aftonbladet is determined by the journalese orientation of the newspaper, which presupposes a higher variety in use of stylistic, genre-related and pragmatic means. The unequal distribution of the identified strategies exemplified by the high rates of solidarization and defamation within the texts of the tabloid newspaper Aftonbladet is determined by the journalese orientation of the newspaper, which presupposes a higher variety in use of stylistic, genre-related and pragmatic means. It is established that the actualization of solidarization strategy is facilitated by tactics of inclusion and humor, while defamation is facilitated by tactics of critique and reproach. The low rate of self-presentation strategy indicates that within the framework of the described type of discourse Swedish-speaking journalists tend to maintain a low level of discourse subject visibility to perpetuate the illusion of no subject being present.

Keywords: digital media discourse, political media discourse, communicative tactics, communicative strategies, linguopragmatics

For citation: Klenova, E.A. (2026), “Communicative Strategies and Tactics of Swedish Political Media Discourse”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 140–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-140-149

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 140–149
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 140–149

Введение. В современном языкознании проблема соотношения дискурса, власти и языка СМИ представляется особенно актуальной в связи с ужесточением в последние годы медийной борьбы в условиях нестабильной, конфликтной и постоянно меняющейся политической ситуации во всем мире. В центре внимания оказываются не только политические события, но и разворачивающиеся на их фоне в медиапространстве информационные войны за влияние, которые ставят целью распространение виртуальной политической продукции, трансляцию социально значимых образов и идей, реализацию пропагандистских задач масс-медиа и формирование мнения аудитории, что подчеркивается такими зарубежными и отечественными исследователями, как M. Nordlund [1], О. Ф. Русакова и Е. Г. Грибовод [2], И. П. Спорова [3], D. Dayter, S. Rüdiger [4] и др. Особая роль в этой ситуации отводится политическому обозревателю-журналисту, через призму суждения которого читатель – осознанно или неосознанно – формирует мнение о происходящих в мире событиях, что впоследствии кристаллизуется в положительную, отрицательную или нейтральную политическую позицию.

Цель работы состоит в исследовании используемых журналистами шведскоязычных новостных онлайн-изданий стратагемно-тактических средств организации дискурса и анализе персуазивного потенциала шведскоязычного политического медиадискурса. Задачи работы заключаются в анализе корпуса статей новостных изданий, установлении в отобранных текстах доминирующих стратегий, тактик и рассмотрение средств их реализации на речевом уровне. Актуальность обусловлена крайне малой степенью изученности шведскоязычного медиадискурса и необходимостью исследования способов воздействия на читателей, которые крупные новостные издания применяют в отношении массовой аудитории, поскольку любой современный медиатекст «всегда является “авторским”» [5, с. 79], независимо от степени выраженности субъекта дискурса.

Методология и источники. Примененные в работе методы исследования основаны на дискурсивном [6, с. 154] и контекстуальном анализе конкретных языковых единиц, используемых для реализации выявленных коммуникативных стратегий и тактик. В отобранных статьях были установлены стратегии и формирующие их коммуникативные тактики, проанализировано их количественное соотношение с целью выявления преобладающих стратегий, а также рассмотрены способы языковой репрезентации указанных средств. В качестве эмпирического материала были выбраны статьи, опубликованные на сайтах крупных новостных шведскоязычных изданий – Aftonbladet [7] (10 статей, 5499 слов) и SVT Nyheter [8] (10 статей, 4995 слов) и посвященные обзорам внешне- и внутриполитических событий в период с мая по июнь 2025 г. Средний объем статьи составляет 525 слов. Сбор материала осуществлялся методом сплошной ручной выборки.

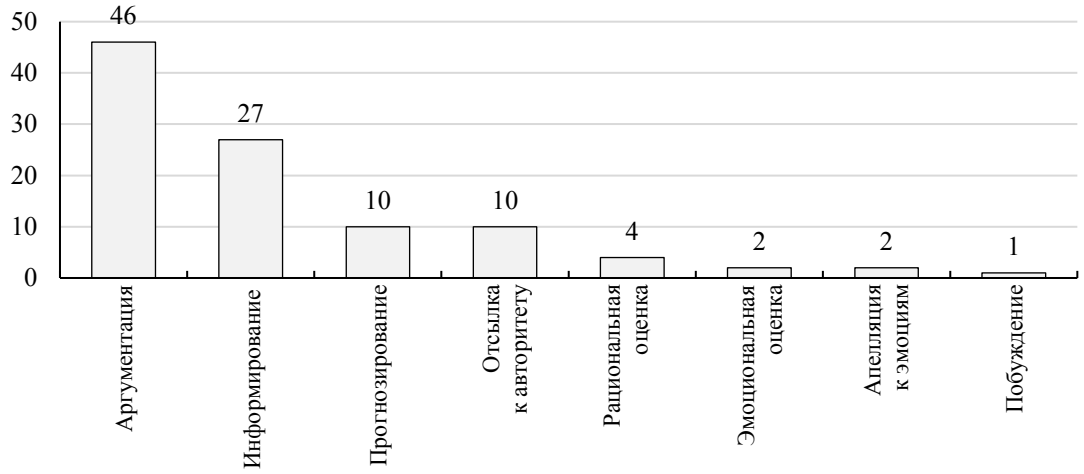
Результаты и обсуждение. В ходе исследования было проанализировано 20 статей и выявлено в общей сложности 134 контекста, в которых авторы-журналисты прибегали к различным стратагемно-тактическим средствам организации дискурса. Так, при рассмотрении корпуса текстов, отобранных с сайта шведской газеты-таблоида Aftonbladet (89 контекстов), было установлено, что в них присутствуют стратегии *убеждения* (60 контекстов), *солидаризации* (13 контекстов), *дискредитации* (13 контекстов) и *самопрезентации* (4 контекста). В материалах SVT Nyheter (10 статей, 45 контекстов) – крупнейшей новостной службы шведской обществен-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 140–149
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 140–149

ной телерадиовещательной компании – количественное соотношение стратегий обладает меньшей вариативностью: к доминирующим стратегиям принадлежат *убеждение* (44 контекста) и *солидаризация* (1 контекст). Подобная количественная асимметрия, на взгляд автора статьи, обусловлена расхождениями в жанровой организации рассматриваемых мультисемиотических типов дискурса: таблоидный дискурс (Aftonbladet) привлекает внимание массового адресата провокационными методами, эксплуатируя потребность аудитории в информации, в то время как телевизионный новостной дискурс (SVT Nyheter) ориентирован на более имперсональную и беспристрастную манеру подачу информации посредством композиционного соединения прямой речи респондентов и предоставляемых журналистом комментариев [9, с. 47].

Доминирование стратегии *убеждения* в обеих категориях исследуемых текстов, невзирая на указанное различие, позволяет подтвердить положение о ее высокой релевантности и значимости в сфере массмедиа, раннее высказываемое в лингвистической науке [10; 11]. Вслед за О. Ф. Семеновой, автор полагает, что убеждение является комплексной стратегией, соединяющей рациональные (логико-аргументативные) и эмоционально-психологические тактики [12, с. 280], позволяющие апеллировать к разуму и переживаниям читателя в зависимости от коммуникативной интенции адресата и степени конвенциональности средств организации того или иного типа дискурса.

На основе анализа текстов обоих изданий (см. рисунок) удалось установить, что доминирующую стратегию убеждения организует набор тактик, одни из которых ориентированы на *рационализацию* дискурса (тактика аргументации (46 %), тактика информирования (27 %), тактика прогнозирования (10 %), тактика отсылки к авторитету (10 %), тактика рациональной оценки (4 %)), в то время как другие рассчитаны на его *эмоционализацию* (тактика эмоциональной оценки (2 %), тактика апелляции к эмоциям (2 %), тактика побуждения (1 %)).

Процентное соотношение тактик стратегии убеждения
Percentage ration of persuasion strategy tactics

Преобладание тактик *аргументации* (46 %) и *информирования* (27 %) в составе доминирующей стратегии убеждения позволяет сделать вывод о том, что персуазивность в рассматриваемом типе дискурса реализуется на речевом уровне в составе тактик, направленных на рационализацию дискурса, применяя которые политический обозреватель-журналист стремится убедить читателя в логичности, разумности, обоснованности своего мнения

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 140–149
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 140–149

без или с минимальным использованием приемов эмоционального воздействия. Ср.: *Partiets medlemmar tappar motivationen, maktkamper uppstår när antalet valbara platser spås bli färre, allmänt missnöje med partiledning och partiledare accentueras.* (Члены партии теряют мотивацию и вступают в борьбу за власть в тот момент, когда прогнозируют сокращение количества избирательных мест; усиливается всеобщая неудовлетворенность методами организации партии и ее лидерами.) Так, в рассматриваемом примере, изъятом из статьи, посвященной критике правящей коалиции Риксдага, автор фокусирует внимание на фактуально-логическом аспекте аргументации, что на речевом уровне реализуется в градационном использовании констативных конструкций (*medlemmar tappar motivationen*, *missnöje accentueras*, *maktkamper uppstår)*, создающих эффект «нагнетания» негативных условий и усиливающих персуазивный потенциал текста.

В следующем примере, также иллюстрирующем актуализацию тактики аргументации, обращает на себя внимание употребление журналистом идиоматических выражений *vädra morgonluft, dra öronen åt sig* и политического неологизма, образованного методом контаминации – *Magdamoderaterna.* Ср.: *Oavsett vad så* ***vädrar*** *partivänstern* ***morgonluft****, liksom de moderata partistrategerna. De hoppas att vänstersvängen ska få de så kallade «****Magdamoderaterna****», alltså välutbildade och välavlönade storstadsväljare, att* ***dra öronen åt sig****.* (Как бы то ни было, а для левых представителей партии, так же, как и стратегов, следующих повестке «умеренных», **забрезжил свет на горизонте**. Они надеются, что сдвиг в сторону левых политических позиций заставит так называемых «**Магдаумеренных**», т. е. хорошо образованных и обеспеченных избирателей из крупных городов, **насторожиться**.) В сфере политического массмедиадискурса употребление политических жаргонизмов (*vädra morgonluft, Magdamoderaterna)* является эффективным, конвенциональным средством создания экспрессивности, усиливая общую прагматическую направленность текстов.

В ряде случаев тактика *информирования*, примененная журналистами SVT и Aftonbladet совместно, способствует усилению тактики аргументации. Ср.: ***Inom Moderaterna finns*** *redan ett utbrett missnöje med hur partiet leds. Hans* [*Ulf Kristerssons* – прим. авт.] *nära vän Henrik Landerholm fick avgå som nationell säkerhetsrådgivare efter att han tappat bort hemliga papper. Den tänkta efterträdaren varade inte 24 timmar på posten efter att intima bilder läckt ut och Kristerssons stab verkar ha fått panic.* (Среди членов «умеренной» коалиционной партии уже усиливается недовольство методами управления партией. Близкому другу Ульфа Кристерссона Хенрику Ландерхольму пришлось покинуть должность национального советника по делам безопасности после потери секретных документов. Предполагаемый преемник не продержался на должности и суток, после того как в сеть просочились принадлежащие ему фотографии интимного характера, а штаб Кристерссона, кажется, занервничал.) В демонстрируемом примере начальный тезис открывает линию информирования читателя, где каждое предложение-аргумент служит реализации имплицитного концепта «Ульф Кристерссон – безответственный лидер».

Тактика *прогнозирования* (10 %) реализуется на языковом уровне при помощи модального глагола *kunna* и глаголов будущего времени *ska, komma*, выполняя функцию моделирования собственных сценариев развития событий и высказывания предположений. Ср.: *Dessutom* ***kan*** *det bli svårare att mobilisera moderata taktikröster när de går till val på att blockera Ulf Kristersson som statsminister om han släpper fram SD till statsrådstaburetterna.* (Кроме того, **может** усложниться процедура мобилизации стратегических голосов «умеренных», когда они

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 140–149
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 140–149

отправятся на выборы для блокировки Ульфа Кристерссона в должности премьер-министра, если он допустит СД [*социал-демократов* – прим. авт.] до мест в госсовете.)

Тактика *отсылки* (или *апелляции*) *к авторитету* (10 %) помогает автору-журналисту укрепить позицию аналитика в глазах реципиентов, предотвратить возможность критики читателями приводимых сведений. Именно данная тактика в полной мере позволяет реализовать возможность виртуального дискурса интегрировать в текст гиперссылки, что усиливает убедительность и экспрессивность статьи. В исследуемых материалах одним из наиболее распространенных типов отсылки к авторитету является ссылка на расследования, проводимые как другими новостными изданиями (Expressen, Sveriges Radio, Dagens Nyheter), так и независимыми аналитическими центрами (Novus). В отдельных случаях адресант может ссылаться на конкретного журналиста с целью вызвать у читателя доверие и легитимизировать свою критическую позицию. Ср.: *När den politiska journalisten* ***Torbjörn Nilsson*** *skrev ett personporträtt av Ulf Kristersson 2018 sammanfattade han honom i tre ord. Trevlig, klok, lat.* (Когда политический журналист Торбьорн Нильссон написал портрет Ульфа Кристерссона в 2018, он обрисовал всю его личность в трех словах: приятный, умный, ленивый.)

К *тактике рациональной оценки* (4 %), в соответствии с категоризацией типов оценки Е. М. Вольф [13], относим высказывания, содержащие дескриптивно-оценочные предикаты (*positivt, spännande, usel, stor*), используемые для прагматического измерения качеств оцениваемого объекта и минимизирующих или исключающих оценивание по субъективному признаку «нравится/не нравится». Ср.: *Viljan att använda statliga verktyg, lagar, skatter, utredningar och ”expertgrupper” för att försöka ge sig på oppositionen är onekligen* ***stor***. (Стремление применять государственные средства, законы, налоги, расследования и «экспертные группы» в попытке атаковать оппозицию, вне всякого сомнения, **велико**.) Так, в рассматриваемом контексте оценка предполагает характеристику объекта, в данном случае *viljan* (стремления) по шкале «большой – маленький», получая сугубо прагматическую направленность и выполняя задачу информирования читателя.

Наименьшей репрезентативностью среди тактик, актуализирующих стратегию убеждения, обладают тактики, причисляемые к категории эмоционально-психологических: *тактика эмоциональной оценки* (2 %), *тактика апелляции к эмоциям* (2 %) и *тактика побуждения* (1 %), что свидетельствует о крайне низкой степени эмоционализации дискурса, фокусировании внимания авторов на логико-объективной манере подаче информации.

Наряду со стратегий убеждения, к одному из релевантных стратагемных средств формирования политического шведскоязычного медиадискурса относится *солидаризация*. Следует отметить, что, согласно полученным результатам, солидаризация обладает заметно более высокой степенью репрезентативности в сфере таблоидных изданий (Aftonbladet – 13 контекстов, SVT Nyheter – один контекст), что, как полагает автор настоящей статьи, объясняется относимостью таблоидов к сфере публицистического дискурса [14, с. 269], предусматривающего большее разнообразие в использовании стилистических, жанровых и прагматических средств. Солидаризация предполагает выражение поддержки, взаимопонимания и согласия с целью установления дружественных, гармоничных отношений между коммуникативными партнерами. Как считает И. П. Хутыз, солидаризация свойственна многим формам коммуникации – «межличностной, групповой, массовой, отличающейся по жанру, функциональному стилю и т. д.» [15, с. 176].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 140–149
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 140–149

Анализ эмпирического материала позволил выделить следующие коммуникативные тактики, организующие стратегию солидаризации в рассматриваемом типе дискурса: тактика инклюзивности (67 %), тактика обращения к юмору (27 %), тактика проявления сочувствия (7 %).

Тактика инклюзивности реализует стремление автора подчеркнуть общность взглядов, идеалов и мнений, а также принадлежность массовой аудитории и его самого к единой «мы-общности», что на речевом уровне реализуется в использовании личного местоимения *vi*. Актуализация стратегии солидаризации при помощи тактики инклюзивности может осуществляться по нескольким параметрам: общенациональному признаку (ср.: ***Vi*** *behöver hålla ihop i* ***vårt*** *lilla land.* – **Нам** в **нашей** маленькой стране нужно держаться вместе) и принадлежности к категории избирателей (ср.: *Efter pandemin blev det särskilt tydligt vilken dålig samordning* ***vi*** *har.* – После пандемии стало окончательно ясно, насколько сильно **у нас** страдает организационная работа).

Тактика обращения к юмору осуществляет намерение автора-журналиста сблизиться с аудиторией посредством предоставления комических комментариев к популярным и актуальным политическим новостям. Так, в приведенном далее примере автор комментирует привлекшую внимание общественности ссору президента Америки Д. Трампа и бывшего старшего советника президента США И. Маска, усиливая юмористический аспект конфликтной ситуации использованием метафор «любовного романа» и «разрыва». Ср.: ***Kärleksaffären*** *mellan Musk och Trump var en "****bromance****" som fick världen att gunga. På torsdagen gick* ***förälskelsen*** *över i ett* ***bittert skilsmässobråk****.* (**Роман** Маска и Трампа был «**бромансом**», за которым мир наблюдал, затаив дыхание. В четверг **взаимное увлечение** переросло в горькую **ссору** с последовавшим за ней **разрывом**.)

Тактика проявления сочувствия позволяет автору утвердить себя в качестве эмоционально вовлеченного, но объективного аналитика, способного выразить понимание по отношению к сложившейся политической ситуации. Ср.: *Det finns inget jobb som är lika* ***otacksamt*** *som att vara partisekreterare när det* ***går åt skogen*** *i SCB:s stora partisympatimätning.* (Нет более неблагодарной работы, чем партийный секретарь, когда результаты обширного опроса мнений о партиях, проводимого Статистическим управлением, оказываются **провальными**.) Усиление эмоционального компонента тактики на языковом уровне происходит благодаря использованию негативно-оценочного разговорного выражения *gå åt skogen,* обеспечивающего установление коммуникативной связи с массовой аудиторией.

Наряду с упомянутыми стратегиями убеждения и солидаризации, *дискредитация* (13 контекстов) причисляется к одной из доминирующих стратегий шведскоязычного политического медиадискурса. Рассматриваемая стратегия представлена набором тактик, демонстрирующих обусловленную особенностями публицистического дискурса открытость авторов шведскоязычного таблоидного издания Aftonbladet к эксплицитному выражению критики в адрес политических деятелей. Актуализации данной стратегии способствуют тактика критики (69 %) и упрека (31 %).

Тактика критики реализуется как при помощи риторического вопроса, адресованного аудитории (ср.: *Låter det som en regering som vågar stå för sina beslut?* (Похоже ли это на правительство, которому хватает мужества отстаивать принятые им же решения?)), так и иронии (ср.: *I detta läge är det partisekreterarens roll att låtsas som om* ***allt är bra, himlen är blå*** *och*

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 140–149
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 140–149

förmedla att väljarstöd ***kanske inte är så viktigt, egentligen***. (В такой ситуации именно партийному секретарю надлежит делать вид, **будто все в порядке и проблем не существует**, попутно сигнализируя, что поддержка избирателей, **в общем-то, не столь уж и важна**.).

Примечательна роль иронии и в реализации *тактики упрека*. Ср.: *Katastrofsiffror för regeringen. Ändå låtsas partierna* ***som det regnar***. (Катастрофические цифры для правительства. И несмотря на это, партии продолжают делать вид, словно **ничего не произошло**.) В составе данного контекста автор использует идиоматическое выражение *låtsas som det regnar* для усиления коммуникативной солидарности с читателями в момент критики.

Наименьшей релевантностью среди идентифицированных автором настоящей статьи стратегий обладает стратегия *самопрезентации* (4 контекста), на языковом уровне представленная утверждениями, содержащими эго-номинации (я-утверждения) и создающими положительный образ автора-журналиста. Ср.: *Den 6 juni är vår nationaldag. Jag hade, kanske naivt, hoppas på ett budskap om enighet från regeringen.* (6-го июня отмечался день нашей страны. Я, быть может, наивно надеялся услышать от правительства обращение о единстве.)

Заключение. На основании полученных данных можно сделать вывод, что в сфере шведскоязычного политического медиадискурса основной дискурсообразующей стратегией является убеждение, для актуализации которой авторы-журналисты используют в первую очередь рациональные тактики усиления персуазивности – аргументацию, информирование, прогнозирование, отсылку (апелляцию) к авторитету и рациональную оценку. Данный набор тактических средств указывает на минимальную степень выраженности эмоционального компонента персуазивности и прагматическую ориентированность шведскоязычных новостных изданий. Реализации данного набора тактик на языковом уровне служит политический жаргон, идиоматические выражения и разговорная лексика, сочетание которых позволяет установить эффективное коммуникативное взаимодействие между автором-журналистом и массовой аудиторией.

Различие в степени вариативности стратегий в текстах обоих изданий, сводящееся к более высоким показателям солидаризации и дискредитации в текстах Aftonbladet, обусловлено публицистической направленностью данного издания, что предопределяет большую степень стилистического, жанрового и прагматического разнообразия. В составе шведскоязычного таблоидного дискурса авторы-журналисты стремятся устанавливать идеологическую и эмоциональную общность с массовой аудиторией благодаря инклюзивности и юмору, солидаризируясь с читателями по национальному и избирательному признакам, используя идиоматическую и разговорную лексику.

Низкая представленность стратегии самопрезентации свидетельствует о тенденции авторов поддерживать минимальную степень выраженности субъекта, что усиливает иллюзию бессубъектной организации рассматриваемого типа дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nordlund M. Linguistic manipulation: an analysis of how attitudes are displayed in news reporting. Luleå: Luleå Univ. of Technology, 2003.

2. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Антиномии. 2014. № 4. С. 65–77.

3. Спорова И. П. Базовые стратегии и тактики речевого воздействия в жанре «политическая email-рассылка» // Russian linguistic bulletin. 2023. № 3. URL: https://rulb.org/archive/3-39-2023-

march/10.18454/RULB.2023.39.34 (дата обращения: 05.08.2025). DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.34

4. Dayter D., Rüdiger S. Manipulation, influence and deception: the changing landscape of persuasive language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2025.

5. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование: учеб. пособие. Воронеж: Родная речь, 2004.

6. Федорова К. И., Сабурова Н. В., Николаева С. В. Реализации речевой агрессии: стратегия дискредитации и стратегия манипулирования в англоязычных СМИ // Вестн. СВФУ. 2016. № 5. С. 154–166.

7. Aftonbladet. URL: aftonbladet.se (дата обращения: 05.08.2025).

8. SVT Nyheter. URL: svt.se (дата обращения: 05.08.2025).

9. Болдырев С. М. К вопросу методологии анализа телевизионного новостного дискурса // Наука и школа. 2023. № 1. С. 45–51. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-1-45-51

10. Ejupi V., Siljanovska L., Iseni A. The mass media and persuasion // European Sci. J. 2014. № 14. P. 636–646. DOI: https://doi.org/10.19044/esj.2014.v10n14p%25p

11. Эшанкулов Х. М. Язык СМИ как средство воздействия на общественное сознание. Воздействующая функция языка СМИ // Innovative Development in Educational Activities. 2023. Vol. 2, iss. 17. P. 4–11. DOI: 10.5281/zenodo.8348089

12. Семенова О. Ф. Контекстные стратегии аргументации в политическом дискурсе российских руководителей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 4. С. 279–283. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.58

13. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2006.

14. Примина К. В. Стилистика газетных материалов британских таблоидных газет // Вопросы методики преподавания в вузе. 2015. № 4. С. 267–277.

15. Хутыз И. П. Солидаризация: характеристики феномена и уровни его реализации // Язык. Текст. Дискурс. 2012. № 10. С. 176–180.

Информация об авторе

Кленова Екатерина Андреевна – кандидат филологических наук (2024), старший преподаватель кафедры английского языка № 2 Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 26 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсология, когнитивная лингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.12.2025; принята после рецензирования 27.03.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Nordlund, M. (2003), *Linguistic manipulation: an analysis of how attitudes are displayed in news reporting*, Luleå Univ. of Technology, Luleå, SWE.

2. Rusakova, O.F. and Gribovod, E.G. (2014), “Political media discourse and mediatization of politics as concepts of political communicativistics”, *Antinomii*, no. 4, pp. 65–77.

3. Sporova, I.P. (2023), “The Basic Strategies and Tactics of Speech Influence in the Genre of “Political Email””, *Russian linguistic bulletin*, no. 3, available at: https://rulb.org/archive/3-39-2023-march/10.18454/RULB.2023.39.34 (accessed 05.08.2025). DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.34

4. Dayter, D. and Rüdiger, S. (2025), *Manipulation, influence and deception: the changing landscape of persuasive language*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

5. Shchelkunova, E.S. (2004), *Publitsisticheskii tekst v sisteme massovoi kommunikatsii: spetsifika i funktsionirovanie* [Journalistic text in the mass communication system: specifics and functioning], Rodnaia rech', Voronezh, RUS.

6. Fedorova, K.I., Saburova, N.V. and Nickolaeva, S.V. (2016), "Implementation of Speech of Aggression: Strategies of Discredit and Manipulation in the English Language Media*", Vestnik of North-Eastern Federal Univ.*, no. 5, pp. 154–166.

7. *Aftonbladet*, available at: aftonbladet.se (accessed 05.08.2025).

8. *SVT Nyheter*, available at: svt.se (accessed 05.08.2025).

9. Boldyrev, S.M. (2023), "On the issue of methodology of television news discourse analysis", *Nauka i shkola*, no. 1, pp. 45–51. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-1-45-51

10. Ejupi, V., Siljanovska, L. and Iseni, A. (2014), "The mass media and persuasion", *European Scientific J.*, no. 14, pp. 636–646. DOI: https://doi.org/10.19044/esj.2014.v10n14p%25p

11. Eshankulov, Kh.M. (2023), "Yazyk SMI kak sredstvo vozdeistviya na obshchestvennoe soznanie. Vozdeistvuyushchaya funktsiya yazyka SMI", *Innovative Development in Educational Activities*, vol. 2, iss. 17, pp. 4–11. DOI: 10.5281/zenodo.8348089

12. Semenova, O.F. (2019), "Contextual Argumentation Strategies in the Russian Leaders' Political Discourse", *Philology. Theory & Practice*, vol. 12, no. 4, pp. 279–283. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.58

13. Vol'f, E.M. (2006), *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation], Editorial URSS, Moscow, RUS.

14. Primina, K.V. (2015), "Stylistics of British tabloid newspapers", *Teaching Methodology in Higher Education*, no. 4, pp. 267–277.

15. Khutyz, I.P. (2012), "Solidarization: characteristics of the phenomenon and levels of its realization", *Iazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse], no. 10, pp. 176–180.

Information about the author

Ekaterina A. Klenova – Can. Sci. (Philology, 2024), Senior Lecturer at the Department of English № 2, Saint Petersburg State Economic University, 30–32A Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 26 scientific publications. Area of expertise: discourse studies, cognitive linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.12.2025; adopted after review 27.03.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

Оригинальная статья
УДК 81-11
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-150-163

Интернет-сленг в современном мире

***Александр Сергеевич Нехорошев*[1]✉*, Светлана Владимировна Киселева*[2]*, Ляля Гайнулловна Юсупова*[3]**

[1]*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия,*
[2]*Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия,*
[3]*Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия,*

[1]✉*aleks.nexoroschev@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-6768-9793*
[2]*svkiseljeva@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-3814-1111*
[3]*LyalyaYusup@m.ursmu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6104-2699*

Введение. Статья посвящена анализу влияния социальных медиа на формирование и развитие интернет-сленга, а также механизмам эволюции цифровой лексики в современных условиях. Актуальность исследования обусловлена стремительным распространением новых форм языковой экспрессии, включая нестандартные написания, мультимодальные элементы и антропоморфные метафоры, которые трансформируют привычные представления о языке и коммуникации.

Методология и источники. Методологическая база исследования включает качественный контент-анализ научных публикаций по цифровой лингвистике, социолингвистике и когнитивной метафорике, а также изучение примеров интернет-коммуникации на платформах Twitter, TikTok, VK. Эмпирический материал опирается на работы Д. Кристала, С. А. Таглиамонте, М. Заппавиньи, Б. Данет, С. В. Киселевой, С. Херринг, а также на современные исследования антропоморфной цифровой метафорики и эволюции интернет-сленга.

Результаты и обсуждение. Анализ показал, что социальные медиа выступают мощным катализатором языковых инноваций, формируя новые модели цифровой экспрессии – от аббревиатур раннего интернет-общения до мультимодальных конструкций, эмодзи, мемов и антропоморфных выражений. Установлено, что цифровая среда усиливает размывание границ между официальными и неофициальными регистрами, а интернет-сленг становится значимым инструментом выражения идентичности, эмоций и социокультурных установок. Особое внимание уделено семантическим сдвигам и когнитивным изменениям, возникающим в результате метафоризации цифровых процессов.

Заключение. Проведенный анализ подтверждает, что интернет-сленг является не просто набором новых выражений, а индикатором глубинных изменений в социокультурной и когнитивной структуре языка цифровой эпохи. Эволюция цифровой лексики отражает адаптацию языка к новым технологическим реалиям и показывает растущую роль пользователей в формировании гибких, динамичных и мультимодальных языковых норм. Социальные медиа продолжают воздействовать на языковую систему, способствуя появлению новых моделей коммуникации и расширяя представления о нормах, выразительности и функциях современного языка.

Ключевые слова: интернет-сленг, цифровая лексика, антропоморфные метафоры, эволюция языка, социальные медиа, когнитивная метафора, социолингвистика

© Нехорошев А. С., Киселева С. В., Юсупова Л. Г., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

Для цитирования: Нехорошев А. С., Киселева С. В., Юсупова Л. Г. Интернет-сленг в современном мире // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-150-163

Original paper

Internet-Slang in the Modern World

***Alexander S. Nekhoroshev*[1]✉*, Svetlana V. Kiseleva*[2]*, Lyalya G. Yusupova*[3]**

[1]*Pushkin Leningrad State University, St Petersburg, Russia,*
[2]*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,*
[3]*Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia,*
[1]✉*aleks.nexoroschev@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-6768-9793*
[2]*svkiseljeva@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-3814-1111*
[3]*LyalyaYusup@m.ursmu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6104-2699*

Introduction. This article examines the influence of social media on the formation and development of Internet slang, as well as the mechanisms underlying the evolution of digital vocabulary in contemporary communication. The relevance of the study is determined by the rapid spread of new forms of linguistic expression, including non-standard spellings, multimodal elements, and anthropomorphic metaphors, which transform traditional perceptions of language and communication.
Methodology and sources. The methodological foundation of the study includes qualitative content analysis of academic publications in digital linguistics, sociolinguistics, and cognitive metaphor theory, as well as the examination of Internet communication examples from platforms such as Twitter, TikTok, and VK. The empirical material draws on the works of D. Crystal, S. Tagliamonte, M. Zappavigna, N. Danet, S.V. Kiseleva, S. Herring, as well as contemporary research on anthropomorphic digital metaphors and the evolution of Internet slang.
Results and discussion. The analysis demonstrates that social media serve as a powerful catalyst for linguistic innovation, shaping new models of digital expression — from early Internet abbreviations to multimodal constructions, emojis, memes, and anthropomorphic expressions. The digital environment reinforces the blurring of boundaries between formal and informal registers, and Internet slang becomes a significant tool for expressing identity, emotions, and sociocultural attitudes. Special attention is given to semantic shifts and cognitive changes that arise through the metaphorization of digital processes.
Conclusion. The findings confirm that Internet slang is not merely a set of new expressions but an indicator of profound transformations in the sociocultural and cognitive structure of language in the digital era. The evolution of digital vocabulary reflects the adaptation of language to new technological realities and demonstrates the increasing role of users in shaping flexible, dynamic, and multimodal linguistic norms. Social media continue to influence the linguistic system, contributing to the emergence of new communication models and expanding current notions of linguistic norms, expressiveness, and function.

Keywords: internet slang, digital vocabulary, anthropomorphic metaphors, language evolution, social media, cognitive metaphor, sociolinguistics

For citation: Nekhoroshev, A.S., Kiseleva, S.V. and Yusupova, L.G. (2026), "Internet-Slang in the Modern World", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 150–163. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-150-163

Введение. Бурное развитие социальных медиа за последнее десятилетие радикально изменило коммуникацию – как в плане взаимодействия людей, так и в аспекте эволюции языка. Такие платформы, как Twitter[1], TikTok и VK, выступают динамичными простран-

[1] Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

ствами лингвистических инноваций, где стремительно формируются и распространяются новые слова, выражения и формы речи, объединяемые понятием интернет-сленга. Интернет-сленг, включающий аббревиатуры, акронимы и нестандартные варианты написания, такие как намеренные орфографические искажения (*thx*, *luv*), сокращенные формы (*u* вместо *you*), использование цифр и символов вместо букв (*l8r*, *gr8*), а также графические приемы передачи эмоций (*sooo happy*, *OMG*), формирует новую многомодальную систему выражения, в которой письменная речь приобретает свойства устной коммуникации и становится более гибкой, экспрессивной и контекстно насыщенной. Подобные формы служат средством экономии времени и выражения эмоциональной окраски, приближая письменную коммуникацию к устной, все это отражает креативный и адаптивный потенциал языка в цифровой среде. Лингвисты и социолингвисты все активнее исследуют данный процесс, стремясь выявить, каким образом социальные медиа ускоряют языковые изменения [1]. Однако по-прежнему сохраняется необходимость более глубокого анализа конкретных механизмов образования интернет-сленга и его ускорения, а также изучения его долгосрочного влияния на нормы литературного языка.

Несмотря на растущее количество исследований в области цифровой коммуникации, до сих пор сохраняется существенный пробел в комплексном понимании эволюционного влияния интернет-сленга на общенациональные языковые нормы. Ряд работ таких ученых, как Д. Кристал, С. Таглимонте, Б. Данет, С. Херринг, М. Заппавинья, посвящен роли социальных медиа в формировании новых форм общения. Так, Д. Кристал в монографии «Internet Linguistics: A Student Guide» [2] рассматривает Интернет как самостоятельную лингвистическую среду, где формируются новые речевые стандарты и нормы общения. С. Таглиамонте в исследовании «Teen Talk: The Language of Adolescents» [3] анализирует влияние цифровых платформ на молодежную речь и подвижность языковых норм. Б. Данет и С. Херринг в сборнике «The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online» [4] изучают особенности сетевой коммуникации и появление креативных форм выражения, М. Заппавинья в работе «Discourse of Twitter and Social Media: How We Use Language to Create Affiliation on the Web» [5] акцентирует внимание на связи между языковыми инновациями и социальным взаимодействием в онлайн-пространстве. Все эти работы посвящены роли социальных медиа в формировании новых форм общения, однако в основном они сосредоточены на технологических аспектах, тогда как вопрос о прямом воздействии цифровых платформ на языковые структуры и нормы остается недостаточно изученным. Кроме того, значительная часть существующей литературы ориентирована преимущественно на западные социальные сети, что оставляет без должного внимания процессы, происходящие в незападных лингвистических сообществах и в условиях многоязычной коммуникации. В этой связи особую актуальность приобретает изучение не только локального воздействия социальных медиа на языковую эволюцию, но и их глобального влияния, особенно в регионах, где доступ к Интернету и интенсивность использования социальных сетей стремительно растут [6].

Актуальность подобного исследования интернет-сленга обусловлена тем, что социальные медиа становятся ведущим каналом коммуникации: по мере расширения аудитории он выходит за рамки узких онлайн-сообществ и начинает оказывать влияние на повседневную речь. Характерным примером служат такие выражения, как *lol*, *brb* или *gg*, возникшие в

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

чатах и социальных сетях, но уже закрепившиеся в устной речи и даже проникшие в формальные тексты. Понимание данного явления имеет принципиальное значение как для лингвистов, так и для педагогов, поскольку ставит вопросы о сохранении языковой нормы, уровне грамотности и балансе между официальными и неофициальными регистрами коммуникации в современном обществе. Обращение к углубленному лингвистическому исследованию новых форм интернет-сленга может дать ценные прогнозы о дальнейшем направлении развития языка в цифровую эпоху [1].

Методология и источники. Анализ широкого круга вторичных источников обеспечивает выявление устойчивых закономерностей и ключевых тем, демонстрирующих механизмы, посредством которых цифровые платформы способствуют языковым инновациям и распространению новых форм выражения интернет-сленга. Эмпирическая база исследования составлена из научных статей, монографий, академических публикаций, а также материалов, размещенных в авторитетных электронных базах данных, включая Google Scholar, JSTOR и Scopus. В частности, использованы работы зарубежных авторов, посвященные проблематике цифровой лингвистики и интернет-коммуникации: Д. Кристал «Internet Linguistics: A Student Guide» [2]; С. Талигмонте «Teen Talk: The Language of Adolescents» [3]; Б. Данет, С. Херринг «The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online» [4]; М. Заппавинья «Discourse of Twitter and Social Media: How We Use Language to Create Affiliation on the Web» [5], а также исследования российских лингвистов – Е. А. Земской [7], Е. В. Какориной [8], М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой [9], рассматривающих особенности сетевого общения и формирование новых лексических единиц в современном русском языке. Критериями отбора послужили работы, опубликованные за последние двенадцать лет, что позволило включить наиболее актуальные исследования по вопросам интернет-сленга, цифровой коммуникации и языковой эволюции. Особое внимание уделялось исследованиям, анализирующим социолингвистическое влияние таких платформ, как Twitter, TikTok, VK, которые являются центральными в распространении интернет-сленга [10].

Одним из наиболее значимых последствий влияния социальных медиа на эволюцию языка является демократизация языковых инноваций. Современные цифровые платформы дают возможность представителям различных лингвистических и культурных сообществ участвовать в процессе языкового творчества и распространения новых форм выражения цифровой лексики, в частности интернет-сленга. В результате наблюдается активное распространение интернет-сленга, который отражает не только практики англоязычных сообществ, но и особенности многоязычных и незападных культур, что способствует формированию более глобализированного и инклюзивного языкового пространства [7]. Важно подчеркнуть, что широкое использование интернет-сленга привело к размыванию границ между официальными и неофициальными регистрами речи. Выражения, ранее ограниченные рамками онлайн-коммуникации, постепенно проникают в более формальные контексты, включая медийные публикации и даже академические тексты. Подобный сдвиг ставит под сомнение традиционные представления о нормативности языка, а границы между нормативным и ненормативным регистрами речи становятся все более размытыми. Лингвистическая норма перестает определяться исключительно предписаниями словарей и грамматик, все чаще формируясь под влиянием реальной языковой практики пользователей в циф-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

ровой среде. В результате критерии «правильности» речи смещаются в сторону уместности, функциональности и коммуникативной эффективности. Все это вынуждает педагогов и лингвистов переосмысливать подходы к обучению, оценке и стандартизации речи в условиях стремительно цифровизирующегося общества [11].

Под эволюцией языка в данной статье понимается совокупность динамических процессов, отражающих адаптацию лексической системы к изменениям в социокультурной и технологической среде. В этот процесс входят не только появление новых лексических единиц, но и трансформация значений уже существующих слов, изменение коммуникативных практик, переосмысление норм употребления и расширение функциональных возможностей языка под влиянием цифровых технологий и новых форм социального взаимодействия [11]. Как отмечают Д. Кристал [2] и С. Таглиамонте [3], языковая эволюция проявляется прежде всего в гибкости лексики, способности языка быстро реагировать на новые формы коммуникации и появление цифровых реалий. В этом контексте интернет-сленг рассматривается как естественный результат взаимодействия человека с цифровыми технологиями и как один из наиболее показательных маркеров языковой изменчивости.

В таблице представлены десять публикаций, посвященных изучению влияния социальных медиа на эволюцию языка, с особым акцентом на формирование интернет-сленга.

Обзор исследований интернет-сленга и цифровой коммуникации
Overview of Research on Internet Slang and Digital Communication

№ п/п	Авторы	Название публикации	Ключевая лексика
1	Crystal D.	Internet Linguistics: A Student Guide [2]	Internet linguistics, digital discourse, language change
2	Danet B., Herring S. C.	The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online [4]	Multilingualism, CMC, online communication
3	Herring S. C.	Discourse in Web 2.0: Familiar, Reconfigured, and Emergent [12]	Web 2.0, discourse, new media
4	Tagliamonte S. A., Denis D.	Linguistic Ruin? LOL! Instant Messaging and Teen Language [13]	Instant messaging, youth language, abbreviations
5	Tagliamonte S. A.	Teen Talk: The Language of Adolescents [3]	Youth language, slang, language change
6	Zappavigna M.	Discourse of Twitter and Social Media: How We Use Language to Create Affiliation on the Web [5]	Twitter, affiliation, social media discourse
7	Androutsopoulos J.	Networked Multilingualism: Some Language Practices on Facebook and Their Implications [14]	Multilingualism, code-switching, social media
8	Danesi M.	The Semiotics of Emoji: The Rise of Visual Language in the Age of the Internet [6]	Emoji, visual language, semiotics
9	Shifman L.	Memes in Digital Culture [15]	Memes, digital culture, multimodality
10	Araujo T.	Living up to the Chatbot Hype: The Influence of Anthropomorphic Design Cues and Communicative Agency Framing on Conversational Agent and Company Perceptions [16]	Chatbots, anthropomorphism, conversational agents

Отбор данных статей осуществлялся, исходя из их релевантности ключевым темам исследования, таким как динамика языковых изменений в цифровой среде, структурные и функциональные особенности интернет-сленга, а также социолингвистическое воздействие

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

социальных платформ на современную языковую практику. Следует подчеркнуть, что каждая из включенных публикаций вносит собственный вклад в понимание того, каким образом социальные медиа трансформируют существующие лингвистические нормы.

Результаты и обсуждение. Анализ отобранных публикаций демонстрирует, что социальные медиа оказывают глубокое влияние на эволюцию языка, главным образом через формирование и распространение интернет-сленга. Одним из ключевых выводов является то, что социальные платформы выступают катализатором стремительных языковых инноваций. Как подчеркивают С. Таглиамонте [3] и Д. Кристал [2], цифровая среда стимулирует пользователей к созданию и распространению новых слов с беспрецедентной скоростью, что во многом обусловлено ограничениями самих платформ – например, лимитом символов или необходимостью максимально ускорить процесс коммуникации. Следует отметить, что подобные инновации наиболее ярко проявляются в речевых практиках молодого поколения, которое занимает ведущие позиции в использовании и популяризации сленга на таких площадках, как TikTok, Twitter и Instagram[2] [3].

Характерными примерами подобных инноваций являются сокращенные формы и гибридные выражения, возникшие под влиянием цифровой среды. Например, на платформе Twitter широкое распространение получили сокращения типа *idk* (*I don't know*), *tbh* (*to be honest*), *fr* (*for real*), а также кластерные выражения типа *ICYMI* (*in case you missed it*), обусловленные ограничением количества символов. На TikTok активно формируются новые сленговые единицы, связанные с культурой коротких видео, такие как *POV*, *ratio*, *main character energy*, *GRWM* (*get ready with me*). В русскоязычном сегменте VK популярность получили такие выражения, как «кринж», «вейб», «раш», «флексить», которые часто комбинируются с визуальными мемами и эмодзи, создавая гибридные мультимодальные конструкции.

Изучение представленных источников позволяет проследить эволюцию цифровой лексики на протяжении последних двух десятилетий. Если в ранний период развития интернет-коммуникации (конец 1990-х–2000-е гг.) преобладали краткие аббревиатуры и акронимы, отражающие специфику чат- и форумного общения (такие как *LOL*, *BRB*, *IMHO*, *ROFL*), то в более поздние годы их употребление постепенно снизилось. Эти элементы уступили место новым формам выражения – визуальным и гибридным единицам, включающим эмодзи, гиф-изображения, мемы и мультимодальные конструкции, которые передают эмоции и контекст быстрее, чем текст. Например, по наблюдениям М. Заппавиньи [5], эмодзи и хэштеги выполняют не только экспрессивную, но и координационную функцию, помогая пользователям структурировать высказывание и выражать отношение к сказанному. Исследования Д. Кристал [2] показывают, что гиф-изображения и мемы стали новой формой параязыковой экспрессии, замещающей невербальные элементы общения, такие как интонация или жесты. Цифровая лексика демонстрирует активное «развертывание образных схем» – процесса, при котором существующая метафорическая модель дополняется новыми признаками, усиливающими ее семантику. В интернет-коммуникации такие схемы наполняются графическими элементами (эмодзи, гифами, мемами), которые расширяют метафорическое описание ситуации и делают смысловые импликации более насыщенными. Это объясняет,

[2] Социальная сеть, запрещенная на территории РФ. Принадлежит экстремистской организации.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

почему визуальные и вербальные элементы цифровой речи функционируют как единая когнитивная система [11].

Например, плачущий эмодзи в современной цифровой коммуникации все чаще обозначает не плач, а «смех до слез» или эмоциональное усиление высказывания, превращаясь в символ гиперболизированной реакции. Мем с изображением *Distracted Boy friend* используется для выражения смены предпочтений или приоритетов, даже если текст в подписи напрямую не связан с оригинальным сюжетом изображения. Гиф-реакции с популярными персонажами заменяют такие невербальные сигналы, как удивление, ирония, ожидание или эмоциональное дистанцирование, функционируя как самостоятельные коммуникативные единицы, понятные без дополнительного текста.

Следует подчеркнуть, что лексическая система языка является наиболее динамичным уровнем ее структуры. Именно лексика первой реагирует на изменения в общественной и технологической жизни, отражая новые формы взаимодействия и способы познания мира. Появление интернет-сленга и цифровых метафор можно рассматривать как естественное продолжение этой тенденции: новые реалии цифровой среды требуют новых средств выражения. В этом контексте интернет-лексика выполняет функцию оперативного отклика на технологические и культурные изменения, закрепляя в языке как прагматические, так и эмоциональные особенности цифрового общения [17].

Одним из ключевых механизмов обновления цифровой лексики является семантическое переосмысление, сопровождаемое когнитивным сдвигом в восприятии привычных понятий. В условиях интернет-коммуникации многие слова, ранее имевшие узкое или конкретное значение, приобретают новые коннотации. Так, языковые единицы *friend*, *like*, *follow* или *post* в цифровой среде трансформировались: они больше не обозначают только межличностные действия или физические объекты, а отражают специфические формы виртуального взаимодействия. Например, глагол *to friend*, по наблюдениям Д. Кристал, утратил первоначальную социально-психологическую глубину понятия «дружбы» и стал обозначать формальное установление связи в сети [2].

В современных словарях фиксируются и метафорические употребления, отражающие расширение значения данной единицы в цифровом дискурсе. Например, Cambridge Dictionary приводит выражение «*I friended her and sent her a message*» [18], где виртуальное установление связи концептуализируется через метафору осторожного социального контакта. Ткаже отмечается конструкция «*You can confide in them your deepest fears, hopes and dreams, then unfriend them instantly if they prove annoying*» [19], представляющая процесс разрыва связи как мгновенное «отсечение», что метафорически описывает эмоциональный дистанцирующий жест. Cambridge Dictionary фиксирует выражение «*Like us on Facebook!*» [20], в котором бренды осмысляются как субъекты общения, способные «говорить» с пользователем и вызывать чувство идентификации.

Аналогичным образом, как отмечает М. Заппавинья, существительное *like* перешло из области эмоциональной оценки в область количественного измерения популярности, отражая метафорическое слияние эмоции и цифрового алгоритма [5]. Когнитивный сдвиг наблюдается и в употреблении слова *post*, которое, по данным Б. Данет и С. Херринг [4], утратило материальную привязку к «письму» или «почтовому сообщению» и стало обозначать действие публикации информации в виртуальном пространстве. Подобные примеры

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

показывают, что в процессе цифровизации язык не только обновляет лексику, но и перестраивает когнитивные категории – меняется само восприятие понятий «дружбы», «общения», «присутствия» и «эмоции». Эти семантические сдвиги свидетельствуют о способности языка адаптироваться к новым социокультурным условиям и о том, что цифровая коммуникация формирует собственную систему значений, где границы между буквальным и метафорическим постепенно размываются [21].

Так, существительное *like* используется не только как знак одобрения, но и как метафора цифровой поддержки или символического присутствия: «*More than 200 people liked my post*» [22]. Здесь *like* функционирует как метафорический маркер социальной видимости, превращающий абстрактное внимание в количественно измеряемый знак. Сходным образом слово *post* в ряде словарных примеров приобретает черты самостоятельного действия или события: «*Within days the post went viral*», где публикация осмысляется как метафора, способная «взорваться», «привлечь» или «разбудить» аудиторию.

Данная тенденция подтверждает концепцию Дж. Лакоффа и М. Джонсона, изложенную в работе «Metaphors We Live By» [23], согласно которой метафора является не просто риторическим приемом, а основным механизмом человеческого мышления. В контексте цифровой коммуникации это проявляется в том, что пользователи осмысляют технологические процессы через антропоморфные метафоры, проецируя человеческий опыт на виртуальные объекты:

– *«My laptop finally decided to cooperate after restarting»* [24];

– *«The Wi-Fi refuses to connect no matter what I do»* [25];

– *«It is important that the browser remembers information from a previous web page in order to complete a successful transaction»* [26].

Таким образом, когнитивная метафора становится инструментом не только языкового, но и концептуального освоения технологической реальности, связывая абстрактные цифровые процессы с человеческим опытом и эмоциями [17]. Современная цифровая коммуникация активно использует комплексные метафоры, которые формируются не как отдельные случаи переносного значения, а как последовательные «метафорические цепи». Подобные «метафорические цепи» представлены в словарях и корпусных примерах:

– *«I received a push from my bank about the transaction 25 minutes ago»* [27];

– *«Ads are fed to people based on their online behaviour»* [28];

– *«A user-friendly shopping interface is essential if you want to encourage customers to buy online»* [29].

Такие цепи объединяют несколько образов в единую когнитивную структуру, что позволяет пользователям глубже осмыслять цифровые процессы через знакомые жизненные сценарии. Именно эта особенность объясняет устойчивость антропоморфных выражений. Каждой метафорической модели свойственен определенный «эвристический потенциал», т. е. способность порождать новые языковые выражения и раскрывать скрытые стороны концепта. В цифровом дискурсе наибольший эвристический потенциал имеют метафоры, связанные с человеческим поведением и эмоциональными состояниями, поэтому выражения вроде «*the app wants attention*» оказываются естественными и продуктивными [30].

В современных цифровых практиках аналогичный процесс наблюдается в исследовании многозначных глаголов: изменение значения интернет-единиц сопровождается семантиче-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

ским переносом, который формируется в сознании носителя языка и зависит от «содержательного ядра» лексемы. Значение слова не хранится как фиксированный словарный набор, а представляет собой динамическую когнитивную структуру, актуализируемую в контексте общения. Это и позволяет объяснить, почему такие единицы, как *friend*, *like* или *post*, в цифровой среде развивают новые значения, выходящие за рамки их изначальных денотатов [1].

Современная цифровая коммуникация, особенно в социальных сетях и мессенджерах, характеризуется не столько сокращениями, сколько креативными лексическими инновациями и антропоморфными выражениями, где техника «говорит» или «чувствует» по аналогии с человеком, например:

– *«A system in sleep mode (with a fully charged battery) has been shown to lose an average of only 1% battery life per 24-hour period»* [31];

– *«You do not get a notification when someone unfollows you»* [32];

– *«Because these virtual assistants live in a speaker with a microphone, they're present in your home whenever you need them»* [33];

– *«I thought that a smartphone was immune to viruses»* [34];

– *«If your computer freezes, you may have to shut it down manually by holding the power button for several seconds»* [35].

Подобные метафоры отражают смещение фокуса от прагматической экономии языка к экспрессивности и символическому осмыслению технологий. Таким образом, если ранее цифровая лексика служила средством ускоренной коммуникации, то в настоящее время она становится инструментом персонализации и эмоционализации технологической среды. В основе цифровых антропоморфных выражений лежит когнитивный механизм интерпретации по принципу «как если бы», когда технологические объекты осмысляются через прототипы человеческого поведения. В результате такие выражения, как «*the computer thinks*» или «*my phone refuses to work*», воспринимаются не как отклонение, а как естественное семантическое продолжение слова, перенесенного в новый концептуальный домен [36]. Как показывают исследования когнитивной семантики, переносные значения формируются через механизм интерпретации «как если бы», когда носитель языка соотносит новое явление с уже известным прототипом. В описании цифровых процессов это приводит к тому, что технологии наделяются свойствами человеческого поведения: устройство «ведет себя» как если бы оно обладало эмоциями, волей или намерениями. Подобный механизм подробно описан в когнитивной модели переносного значения, где метафора выступает скрытым сравнением, раскрывающимся через формулу *as if*. Например, *«my laptop refuses to respond»* – как если бы устройство обладало упрямством; *«the app wants me to update it»* – как если бы приложение обладало собственными желаниями: *«my laptop refuses to respond as if the app wants me to update it».*

Заключение. Влияние социальных медиа на эволюцию языка, особенно в аспекте формирования интернет-сленга, является значительным и многогранным. Социальные платформы выступают мощным катализатором лингвистических инноваций, обеспечивая стремительное создание и распространение новых слов и выражений. Метафоризация в цифровом языке представляет собой не набор случайных переносов, а системный механизм, подчиненный когнитивным и семантическим закономерностям. Различные типы метафор – единичные, развернутые, вложенные – формируют многослойную структуру смысла, кото-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

рая отражает нелинейность и многомерность человеческого мышления в условиях цифровой среды [6]. Подобное явление бросает вызов традиционным моделям языковых изменений, которые исторически происходили на протяжении длительных временных периодов. Результаты анализа показывают, что под воздействием социальных медиа постепенно размываются границы между официальным и неофициальным регистрами речи: элементы интернет-сленга все чаще проникают в формальные контексты коммуникации. Этот процесс подчеркивает высокую адаптивность и гибкость языка в условиях цифрового взаимодействия, а также свидетельствует о том, что современные лингвистические нормы становятся все более подвижными и восприимчивыми к технологическим изменениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Androutsopoulos J. Introduction: Sociolinguistics and Computer-Mediated Communication // J. of Sociolinguistics. 2006. Vol. 10, № 4. P. 419–438. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2006.00286.x

2. Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. London; NY: Routledge, 2011. DOI: 10.4324/9780203828915

3. Tagliamonte S. A. Teen Talk: The Language of Adolescents. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016.

4. Danet B., Herring S. C. The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online. NY: Oxford Univ. Press, 2007.

5. Zappavigna M. Discourse of Twitter and Social Media: How We Use Language to Create Affiliation on the Web. London; NY: Continuum, 2012.

6. Danesi M. The Semiotics of Emoji: The Rise of Visual Language in the Age of the Internet. London: Bloomsbury Academic, 2017.

7. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

8. Какорина Е. В. СМИ и интернет-коммуникация (интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 549–578.

9. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 345–383.

10. Nass C., Moon Y. Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers // J. of Social Issues. 2000. Vol. 56, № 1. P. 81–103. DOI: 10.1111/0022-4537.00153

11. Киселева С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб.: Астерион, 2009.

12. Herring S. C. Discourse in Web 2.0: Familiar, Reconfigured, and Emergent // Discourse 2.0: Language and New Media / ed. by D. Tannen, A. M. Trester. Washington: Georgetown Univ. Press, 2013. P. 1–26.

13. Tagliamonte S. A., Denis D. Linguistic Ruin? LOL! Instant Messaging and Teen Language // American Speech. 2008. Vol. 83, № 1. P. 3–34. DOI: 10.1215/00031283-2008-001

14. Androutsopoulos J. Networked Multilingualism: Some Language Practices on Facebook and Their Implications // Int. J. of Bilingualism. 2015. Vol. 19, № 2. P. 185–205. DOI: 10.1177/1367006913489198

15. Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge: The MIT Press, 2013. DOI: 10.7551/mitpress/9429.001.0001

16. Araujo T. Living up to the Chatbot Hype: The Influence of Anthropomorphic Design Cues and Communicative Agency Framing on Conversational Agent and Company Perceptions // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 85. P. 183–189. DOI: 10.1016/j.chb.2018.03.051

17. Киселева С. В., Панкратова С. А. И снова о метафоре: когнитивно-семантический анализ. СПб.: Астерион, 2013.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

18. I friended her and sent her a message // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/friend (дата обращения: 20.11.2025).

19. You can confide in them your deepest fears, hopes and dreams, then unfriend them instantly if they prove annoying // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/unfriend (дата обращения: 20.11.2025).

20. Like us on Facebook! // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/like (дата обращения: 20.11.2025).

21. Kiseleva S. V., Trofimova N. A. Metaphor as a device for understanding cognitive concepts // Revista de Lenguas para Fines Específicos. 2017. Vol. 23, № 2. P. 226–246. DOI: 10.20420/rlfe.2017.180

22. More than 200 people liked my post // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/like (дата обращения: 20.11.2025).

23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.

24. My laptop finally decided to cooperate after restarting // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/restart (дата обращения: 20.11.2025).

25. The Wi-Fi refuses to connect no matter what I do // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wi-fi (дата обращения: 20.11.2025).

26. It is important that the browser remembers information from a previous web page in order to complete a successful transaction // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/example/english/web-page (дата обращения: 20.11.2025).

27. I received a push from my bank about the transaction 25 minutes ago// Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/push (дата обращения: 20.11.2025).

28. Ads are fed to people based on their online behaviour// Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/feed-to (дата обращения: 20.11.2025).

29. A user-friendly shopping interface is essential if you want to encourage customers to buy online // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/interface (дата обращения: 20.11.2025).

30. Go E., Sundar S. S. Humanizing Chatbots: The Effects of Visual, Identity and Conversational Cues on Humanness Perceptions // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 97. P. 304–316. DOI: 10.1016/j.chb.2019.01.020

31. A system in sleep mode (with a fully charged battery) has been shown to lose an average of only 1% battery life per 24-hour period // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/sleep-mode (дата обращения: 20.11.2025).

32. You do not get a notification when someone unfollows you // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/notification (дата обращения: 20.11.2025).

33. Because these virtual assistants live in a speaker with a microphone, they're present in your home whenever you need them // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/virtual-assistant (дата обращения: 20.11.2025).

34. I thought that a smartphone was immune to viruses // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/smartphone (дата обращения: 20.11.2025).

35. If your computer freezes, you may have to shut it down manually by holding the power button for several seconds // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/freeze (дата обращения: 20.11.2025).

36. Epley N., Waytz A., Cacioppo J. T. On Seeing Human: A Three-Factor Theory of Anthropomorphism // Psychological Review. 2007. Vol. 11, № 4. P. 864–886. DOI: 10.1037/0033-295X.114.4.864

Информация об авторах

Нехорошев Александр Сергеевич – аспирант кафедры романо-германской филологии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Петербургское шоссе, д. 10, Пушкин, Санкт-Петербург, 196605, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

научных интересов: цифровая лексика современного английского языка, словообразовательные механизмы цифрового дискурса. когнитивно-семантический анализ лексики.

Киселева Светлана Владимировна – доктор филологических наук (2010), профессор (2024), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, лексикология, история английского языка, теоретическая грамматика, философия языка, история лингвистических учений.

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук (2022), доцент (2013), заведующая кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Уральского государственного горного университета, ул. Куйбышева, д. 30, Екатеринбург, 620144, Россия. Автор 161 научной публикации. Сфера научных интересов: вопросы когнитивной лингвистики и теории коммуникации.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.12.2025; принята после рецензирования 27.02.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Androutsopoulos, J. (2006), "Introduction: Sociolinguistics and Computer-Mediated Communication", *J. of Sociolinguistics*, vol. 10, no. 4, pp. 419–438. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2006.00286.x

2. Crystal, D. (2011), *Internet Linguistics: A Student Guide*, Routledge, London, NY, UK. DOI: 10.4324/9780203828915

3. Tagliamonte, S.A. (2016), *Teen Talk: The Language of Adolescents*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

4. Danet, B. and Herring, S.C. (2007), *The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online*, Oxford Univ. Press, NY, USA.

5. Zappavigna, M. (2012), *Discourse of Twitter and Social Media: How We Use Language to Create Affiliation on the Web*, Continuum, London, NY, USA.

6. Danesi, M. (2017), *The Semiotics of Emoji: The Rise of Visual Language in the Age of the Internet*, Bloomsbury Academic, London, UK.

7. Zemskaya, E.A. (1992), *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word Formation as an Activity], Nauka, Moscow, RUS.

8. Kakorina, E.V. (2008), "Media and Internet Communication (Internet Forum as a New Communicative Speech Genre)", *Sovremennyi russkii yazyk: aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian Language: Active Processes at the Turn of the 20th–21st Centuries], Krysin, L.P. (ed.), Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, RUS, pp. 549–578.

9. Kitaigorodskaya, M.V. and Rozanova, N.N. (1996), "Modern Urban Communication: Trends in Development (Based on the Language of Moscow)", *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian Language at the End of the 20th Century (1985–1995)], Zemskaya, E.A. (ed.), Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 345–383.

10. Nass, C. and Moon, Y. (2000), "Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers", *J. of Social Issues*, vol. 56, no. 1, pp. 81–103. DOI: 10.1111/0022-4537.00153

11. Kiseleva, S.V. (2009), *Sushchnost' mnogoznachnogo slova v angliiskom yazyke* [The Essence of a Polysemous Word in the English Language], Asterion, SPb., RUS.

12. Herring, S.C. (2013), "Discourse in Web 2.0: Familiar, Reconfigured, and Emergent", *Discourse 2.0: Language and New Media*, Tannen, D., Trester, A.M. (eds.), Georgetown Univ. Press, Washington, USA, pp. 1–26.

13. Tagliamonte, S.A. and Denis, D. (2008), “Linguistic Ruin? LOL! Instant Messaging and Teen Language“, *American Speech*, vol. 83, no. 1, pp. 3–34. DOI: 10.1215/00031283-2008-001

14. Androutsopoulos, J. (2015), “Networked Multilingualism: Some Language Practices on Facebook and Their Implications”, *Int. J. of Bilingualism*, vol. 19, no. 2, pp. 185–205. DOI: 10.1177/1367006913489198

15. Shifman, L. (2013), *Memes in Digital Culture*, The MIT Press, Cambridge, USA. DOI: 10.7551/mitpress/9429.001.0001

16. Araujo, T. (2018), “Living up to the Chatbot Hype: The Influence of Anthropomorphic Design Cues and Communicative Agency Framing on Conversational Agent and Company Perceptions”, *Computers in Human Behavior*, vol. 85, pp. 183–189. DOI: 10.1016/j.chb.2018.03.051

17. Kiseleva, S.V. and Pankratova, S.A. (2013), *I snova o metafore: kognitivno-semanticheskii analiz* [And once again about metaphor: a cognitive-semantic analysis], Asterion, SPb., RUS.

18. “I friended her and sent her a message” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/friend (accessed 20.11.2025).

19. “You can confide in them your deepest fears, hopes and dreams, then unfriend them instantly if they prove annoying” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/unfriend (accessed 20.11.2025).

20. “Like us on Facebook!” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/like (accessed 20.11.2025).

21. Kiseleva, S.V. and Trofimova, N.A. (2017), “Metaphor as a device for understanding cognitive concepts”, *Revista de Lenguas para Fines Específicos*, vol. 23, no. 2, pp. 226–246. DOI: 10.20420/rlfe.2017.180

22. “More than 200 people liked my post” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/like (accessed 20.11.2025).

23. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live By*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.

24. “My laptop finally decided to cooperate after restarting” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/restart (accessed 20.11.2025).

25. “The Wi-Fi refuses to connect no matter what I do” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wi-fi (accessed 20.11.2025).

26. “It is important that the browser remembers information from a previous web page in order to complete a successful transaction” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/example/english/web-page (accessed 20.11.2025).

27. “I received a push from my bank about the transaction 25 minutes ago” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/push (accessed 20.11.2025).

28. “Ads are fed to people based on their online behaviour”, (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/feed-to (дата обращения: 20.11.2025).

29. “A user-friendly shopping interface is essential if you want to encourage customers to buy online” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/interface (accessed 20.11.2025).

30. Go, E. and Sundar, S.S. (2019), “Humanizing Chatbots: The Effects of Visual, Identity and Conversational Cues on Humanness Perceptions”, *Computers in Human Behavior*, vol. 97, pp. 304–316. DOI: 10.1016/j.chb.2019.01.020

31. “A system in sleep mode (with a fully charged battery) has been shown to lose an average of only 1% battery life per 24-hour period” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/sleep-mode (accessed 20.11.2025).

32. “You do not get a notification when someone unfollows you” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/notification (accessed 20.11.2025).

33. “Because these virtual assistants live in a speaker with a microphone, they're present in your home whenever you need them” (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/virtual-assistant (accessed 20.11.2025).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 150–163
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 150–163

34. "I thought that a smartphone was immune to viruses" (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/smartphone (accessed 20.11.2025).

35. "If your computer freezes, you may have to shut it down manually by holding the power button for several seconds" (n. d.), *Cambridge Dictionary*, available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/freeze (accessed 20.11.2025).

36. Epley, N., Waytz, A. and Cacioppo, J.T. (2007), "On Seeing Human: A Three-Factor Theory of Anthropomorphism", *Psychological Review*, vol. 11, no. 4, pp. 864–886. DOI: 10.1037/0033-295X.114.4.864

Information about the authors

Alexander S. Nekhoroshev – Postgraduate at the Department of Romance and Germanic Philology, Pushkin Leningrad State University, 10 Petersburgskoye hig, Pushkin, St Petersburg 196605, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: digital vocabulary of modern English, word-formation mechanisms of digital discourse, cognitive-semantic analysis of vocabulary.

Svetlana V. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology, 2010), Professor (2024), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32A Griboyedov Chanal emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Area of expertise: Cognitive linguistics, cognitive semantics, lexicology, history of the English language, theoretical grammar, philosophy of language, history of linguistic studies.

Lyalya G. Yusupova – Dr. Sci. (Philology, 2022), Docent (2013), Head of the Department of Foreign Languages and Business Communication, Ural State Mining University, 30 Kuibysheva st., Ekaterinburg 620144, Russia. Author of 161 scientific publications. Area of expertise: issues of cognitive linguistics and communication theory.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 01.12.2025; adopted after review 27.02.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

Оригинальная статья
УДК 81'27:13
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-164-175

Актуализация концепта HEIMAT в немецкоязычной прессе Бельгии (на материале газеты GrenzEcho)

***Любовь Александровна Ульяницкая*[1]✉, *Василий Васильевич Игнаткович*[2]**

[1, 2]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[1]✉*ulianitckaia_liubov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0163-3243*

[2]*ignatkovitch.vasily@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1237-6342*

Введение. Актуальность настоящего исследования определяется уникальным историческим положением немецкоязычного сообщества Бельгии, которое существует в условиях культурного и государственного «пограничья». Цель работы заключается в комплексном лингвокогнитивном и дискурсивном анализе актуализации ключевого для немецкой культуры концепта HEIMAT в региональном медиадискурсе как инструмента конструирования идентичности.

Методология и источники. Исследование основано на методологии концептуального анализа, включая построение номинативного поля и дискурсивный анализ контекстов. Эмпирическую базу составил репрезентативный корпус текстов единственной немецкоязычной газеты региона GrenzEcho (307 выпусков за 2024 г.), что позволило выявить частотность, коллокации и ключевые сферы употребления концепта.

Результаты и обсуждение. Установлена исключительно высокая номинативная плотность концепта (576 употреблений лексемы HEIMAT и ее дериватов за исследуемый период), что свидетельствует о его центральной роли. Анализ выявил доминирование регионально-политической сферы актуализации и ключевые когнитивные признаки: прочную связь с топонимом «Ostbelgien», глубокую персонализацию через притяжательные местоимения и нарратив возвращения. Показательным результатом является маргинализация национально-политического синонима «Vaterland», что подтверждает смещение фокуса идентичности с абстрактной государственности на конкретное региональное пространство.

Заключение. В дискурсе GrenzEcho концепт HEIMAT актуализируется не как статичное место рождения, а как активно конструируемое эмоциональное и символическое пространство личной и коллективной принадлежности. Его семантическое ядро смещается в сторону региональной идентичности, выступая ключевым механизмом самоописания сообщества, дистанцированного как от германского, так и от общебельгийского национального нарратива.

Ключевые слова: концепт HEIMAT, лингвокогнитивный анализ, региональная идентичность, медиадискурс, немецкоязычное сообщество Бельгии

Для цитирования: Ульяницкая Л. А., Игнаткович В. В. Актуализация концепта HEIMAT в немецкоязычной прессе Бельгии (на материале газеты Grenzecho) // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-164-175

© Ульяницкая Л. А., Игнаткович В. В., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

Original paper

Actualization of the Concept HEIMAT in the German-Language Press of Belgium (Based on the "GrenzEcho" Newspaper)

***Liubov A. Ulianitckaia*[1]✉, *Vasily V. Ignatkovich*[2]**

[1, 2]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*
[1]✉*ulianitckaia_liubov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0163-3243*
[2]*ignatkovitch.vasily@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1237-6342*

Introduction. The relevance of the study is determined by the unique historical situation of the German-speaking community in Belgium, which exists within conditions of cultural and state "borderland". The aim of the work is a comprehensive linguocognitive and discursive analysis of the actualization of the key German cultural concept HEIMAT in the regional media discourse as a tool for constructing identity.
Methodology and sources. The research is based on the methodology of conceptual analysis, including the construction of a nominative field and the discursive analysis of contexts. The empirical base consists of a representative corpus of texts from the region's sole German-language newspaper "GrenzEcho" (307 issues from 2024), which allowed for the identification of frequency, collocations, and key spheres of the concept's usage.
Results and discussion. An exceptionally high nominative density of the concept was established (576 uses of the lexeme HEIMAT and its derivatives during the studied period), indicating its central role. The analysis revealed the dominance of the regional-political sphere of actualization and key cognitive features: a strong connection with the toponym "Ostbelgien", deep personalization through possessive pronouns, and a narrative of return. A telling result is the marginalization of the national-political synonym "Vaterland", confirming a shift in the focus of identity from abstract statehood to concrete regional space.
Conclusion. In the discourse of "GrenzEcho", the concept HEIMAT is actualized not as a static birthplace, but as an actively constructed emotional and symbolic space of personal and collective belonging. Its semantic core shifts towards regional identity, acting as a key mechanism for self-description of a community distanced from both the Germanic and the broader Belgian national narrative.

Keywords: HEIMAT concept, linguocognitive analysis, regional identity, media discourse, German-speaking community of Belgium

For citation: Ulianitckaia, L.A. and Ignatkovich, V.V. (2026), "Actualization of the Concept HEIMAT in the German-Language Press of Belgium (Based on the "Grenzecho" Newspaper)", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 164–175. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-164-175

Введение. Историческое формирование немецкоязычного сообщества Бельгии является уникальным примером переплетения политических, культурных и языковых факторов в европейском контексте. После Первой мировой войны, в 1920 г., согласно положениям Версальского договора, к Бельгии были присоединены районы Эйпен, Мальмеди и Сен-Вит, ранее входившие в состав Пруссии; эта смена суверенитета означала не только административную реинтеграцию, но и необходимость переосмысления коллективной принадлежности местного населения [1, p. 65, 67–70]. Изменение государственной принадлежности региона послужило причиной длительного кризиса идентичности, в рамках которого прежние национальные ориентиры перестали быть однозначными, а новые – не были полностью освоены.

Фактическая картина была еще сложнее: регион был лингвистически неоднороден (около 60 тыс. жителей, значительная часть которых говорила по-немецки, но в Мальмеди присутство-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

вало заметное количество валлонского населения), что осложняло унифицированное определение «родины» для всех жителей кантонов. В этих условиях понимание и ощущение «дома» для многих стало обозначением не столько государственности, сколько локальной культурно-языковой укорененности, т. е. связью с диалектом, памятью и повседневными практиками, которые не совпадали полностью ни с немецкой, ни с бельгийской национальной моделью [1, p. 67–70]. Языковая картина региона исторически осложнена наличием различных германских языковых вариантов: помимо стандартного немецкого, здесь были распространены рипуарские и люксембургский языки [2, с. 132]. Все эти факты отражают сложность локальной идентичности и отсутствие единого символического центра принадлежности.

Бельгийская интеграционная политика и внешние воздействия формировали двусмысленное восприятие принадлежности. С одной стороны, государственные институты и переходная администрация пытались привести регион в рамки бельгийской системы, с другой – немецкая культурная и политическая пропаганда в период Второй мировой войны создавали условия для сохранения привязанности к Германии [3]. Концепт HEIMAT (родина) является одной из ключевых и наиболее семантически нагруженных категорий в немецкой лингвокультуре. Будучи глубоко связанным с идеями принадлежности, идентичности, культурной памяти, он также несет в себе сложный исторический шлейф.

Долгое время понятие было обременено негативными идеологическими коннотациями, особенно в связи с его использованием в качестве пропагандистских нацистских лозунгов в XX в. Однако сегодня, в эпоху глобализации, наблюдается возрождение интереса к концепту, что исследователи объясняют как реакцию общества и отдельных индивидуумов на угрозу «малой родине» [4, с. 50]. В условиях исторического и культурного «пограничья», каким является Восточная Бельгия, именно этот концепт становится ключом к пониманию процессов самоидентификации немецкоязычного сообщества. Обращение к медиадискурсу позволяет проследить, каким образом эта неоднозначность получает символическое оформление в публичном пространстве.

Концепт в качестве базовой единицы когнитивной лингвистики рассматривается в современной гуманитарной парадигме как многоаспектное ментальное образование, отражающее способы концептуализации и категоризации мира в коллективном сознании. В отечественной традиции концепт определяется как «сгусток культуры в сознании человека» [5, с. 43], базовая единица коллективного сознания, вербализованная в языке. Важно, что концепты не существуют изолированно, их содержание воплощено и закреплено на всех уровнях культуры несет в себе не только предметную соотнесенность, но и коммуникативно значимую информацию [6, p. 28].

Целью настоящего исследования является комплексный лингвокогнитивный и дискурсивный анализ концепта HEIMAT в региональном медиапространстве немецкоязычного сообщества Бельгии.

Методология и источники. В настоящей работе концепт рассматривается как многоуровневая когнитивно-дискурсивная структура, включающая устойчивое семантическое ядро, формируемое коллективным языковым сознанием, и периферийные значения, актуализируемые в зависимости от коммуникативной ситуации и типа дискурса.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

Для выявления структуры концепта используется методика построения номинативного поля, которое представляет собой совокупность языковых средств, номинирующих концепт и отражающих его рекуррентность в дискурсе [7]. Высокая плотность номинативного поля (частотность употребления лексемы и ее дериватов) служит индикатором актуальности концепта для языкового сообщества. В рамках полевого подхода дифференциация ядра, приядерной зоны и периферии осуществляется на основе совокупности критериев: частотности употребления, семантической устойчивости, степени эмоциональной и стилистической маркированности, а также широты функциональной реализации в различных типах медиатекстов.

Методологическая база включает концептуальный анализ, полевой подход и дискурсивный анализ. В целях обеспечения комплексного подхода анализ концепта HEIMAT в региональном медиадискурсе проводится поэтапно, что соответствует семантико-когнитивному подходу, разработанному З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [7]. На первом этапе осуществляется этимологический и дефиниционный анализ для реконструкции семантического ядра и инвариантных признаков концепта на основе лексикографических источников. На втором этапе проводится формирование номинативного поля – выявление корпуса лексем (прямых номинаций, синонимов, дериватов), вербализующих концепт в текстах СМИ. Третий этап – дискурсивный анализ частотности, коллокаций и контекстуального окружения, который позволяет выявить доминирующие когнитивные признаки. На четвертом этапе осуществляется интерпретация полученных данных с точки зрения процессов региональной идентичности и символического конструирования «малой родины».

Источником материала послужила единственная немецкоязычная газета региона GrenzEcho [8], издающаяся в Эйпене с 1927 г. и выполняющая роль ключевого коммуникативного узла немецкоязычного сообщества Бельгии. При языковой ситуации в стране, где доминируют франкофонные и нидерландофонные СМИ, GrenzEcho остается единственным крупным немецкоязычным изданием, формирующим региональный дискурс. Для исследования был сформирован репрезентативный корпус текстов, включающий 307 выпусков (7678 страниц) газеты за период с января по ноябрь 2024 г. Дискурсивный анализ корпуса GrenzEcho (2024 г.) выявляет пять ключевых сфер актуализации концепта: регионально-политическую (34,9 %), спортивную (22,2 %), культурно-ностальгическую (19,4 %), гуманитарную (15,9 %) и экологическую (7,6 %).

Вслед за Е. М. Игнатовой, авторы определяют HEIMAT как реляционный концепт, в структуре которого обязательно наличие параметра отношения (субъект – территория) [9, с. 178]. Более того, в политическом и медийном дискурсе данный концепт приобретает свойства вторичного идеологического концепта, где его содержание трансформируется под воздействием экстралингвистических факторов, сохраняя при этом экзистенциальную базу. В немецкоязычной гуманитарной традиции концепт HEIMAT нередко рассматривается в связи с теорией культурной памяти [10; 11], где он выступает как медиатор между индивидуальным опытом и коллективными нарративами прошлого. В этом смысле HEIMAT не является статичным объектом, а представляет собой концепцию, постоянно переосмысливаемую в публичном дискурсе.

На первом этапе анализа обратимся к словарным дефинициям для определения этимологического и понятийного ядра. «Немецкий словарь» братьев Гримм [12] фиксирует исход-

ную двойственность концепта: пространственно-локальную (место рождения, родительский дом) и метафизическую (небеса как истинная родина христианина).

Современные толковые словари Duden [13] и PONS [14] демонстрируют конвергенцию этих значений. Duden выделяет два основных лексико-семантических варианта: 1) страна или место, где человек родился/вырос и чувствует себя дома; 2) место происхождения объекта (растения, технологии). Анализ дефиниций в словаре PONS подтверждает доминирование эмоционально-оценочного компонента: HEIMAT определяется через чувство («чувствовать себя как дома»). Также фиксируется важное для современной мобильности понятие «Wahlheimat» («вторая родина»/«родина по выбору»).

Таким образом, семантическое ядро концепта HEIMAT, отраженное в лексикографических источниках, реализуется в следующих признаках: 1) место рождения; 2) место длительного пребывания; 3) место взросления; 4) место, с которым связано эмоциональное чувство «дома»; 5) родительский дом; 6) духовное пристанище; 7) место происхождения универсального объекта (например, животного или технологии).

Дальнейший анализ синонимического и ассоциативного ряда, представленного в лексикографических источниках (Duden [13], OpenThesaurus [15]), подтверждает эту многослойность; лексикографические источники предлагают следующие синонимы концептуализирующей единицы: Vaterland (отечество, политическая родина), Herkunft (происхождение), Wohnsitz (официальное место жительства), Wohnort (место проживания), Heimatland (страна как родина), Bleibe (временный приют), Daheim (чувство дома), Zuhause (дом как место жительства), Heimstatt (обитель, духовный дом), Scholle (родная земля, связь с природой). Единица HEIMAT семантически покрывает как макроуровень (национально-политический: Vaterland, Heimatland), так и микроуровень (локально-экзистенциальный: Zuhause, Heimstatt, Scholle). В этой способности совмещать политическое и личное, конкретное и метафорическое и заключается его высокий идеологический и прагматический потенциал.

Несмотря на формальную синонимичность, лексемы HEIMAT и VATERLAND не являются взаимозаменяемыми на концептуальном уровне. В работах Е. М. Игнатовой подчеркивается, что лексема VATERLAND в немецкой лингвокультуре исторически связана с государственностью, идеями долга, жертвы и политической лояльности, тогда как HEIMAT апеллирует к сфере личного опыта, эмоциональной привязанности и пространственной укорененности субъекта [9; 16]. В XX в., особенно в контексте национал-социалистического дискурса, произошло частичное «семантическое смещение», в ходе которого HEIMAT стала использоваться как идеологически более мягкий заместитель VATERLAND, сохраняя при этом экзистенциальную основу и эмоциональную нейтральность. Данное различие принципиально для настоящего исследования, поскольку позволяет интерпретировать выбор той или иной номинации не как стилистический, а как когнитивно-идеологически мотивированный.

Этимологический анализ ключевых номинаций HEIMAT и VATERLAND позволяет выявить их когнитивные различия и объяснить асимметрию их функционирования в современном медиадискурсе.

Лексема HEIMAT восходит к др.-в.-нем. heimōti, heimuoti (XI в.) [17], образованным от прагерманского корня *haimaz («дом», «жилище», «деревня») с помощью абстрактного суффикса -ōti, обозначающего состояние или принадлежность. Этимологическое ядро данной

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

единицы связано с конкретным пространством проживания и экзистенциальной укорененностью субъекта. Уже на ранних этапах развития языка HEIMAT концептуализируется как пространство, включенное в индивидуальный опыт, повседневность и биографическую память, а не как политически маркированная территория.

Лексема VATERLAND (др.-в.-нем. faterlant, XI в.) [17] представляет собой семантически прозрачное сложение (Vater + Land), структурно и концептуально соотносимое с латинским patria (от pater – «отец»), где родина осмысливается как «земля отцов», т. е. коллективно наследуемая территория, связанная с идеями происхождения, власти и политической принадлежности. Данная модель имплицирует вертикальные отношения лояльности и долга по отношению к народу или государству.

Этимологическое противопоставление HEIMAT как пространства проживания и личной принадлежности и VATERLAND как абстрактного объекта политической идентификации формирует их дальнейшее семантическое различие. По графикам Этимологического словаря [17] отчетливо видно, что VATERLAND исторически актуализируется преимущественно в ситуациях мобилизации, кризиса и вооруженного конфликта, где востребованы риторика защиты, жертвы и долга. Лексема HEIMAT, напротив, демонстрирует более высокую частотность в периоды послевоенной адаптации и в целом характеризуется относительной стабильностью употребления, не зависящей от конкретного исторического этапа.

Результаты и обсуждение. В условиях немецкоязычного сообщества Бельгии, характеризующегося несовпадением культурной и государственной идентичности, оппозиция HEIMAT – VATERLAND приобретает особую значимость. Предполагается, что в региональном медиадискурсе предпочтение лексемы HEIMAT отражает стратегию символического самоописания сообщества, дистанцированного как от агрессивных форм национализма, так и от абстрактной государственности.

Перейдем к анализу эмпирического материала. В корпусе газеты GrenzEcho за 2024 г. лексема HEIMAT и ее дериваты (Heimatstadt, Heimatland, Heimatort) являются доминантными: зафиксировано 576 употреблений. Уже на количественном уровне это указывает на высокую номинативную плотность концепта в региональном медиадискурсе.

Показательной особенностью является высокая частотность притяжательных местоимений в пресуппозиции (235 случаев), что свидетельствует о глубокой персонализации концепта:

– *Wir trauern um einen aufrichtigen, bodenständigen und authentischen Menschen, der* ***seiner Heimat*** *und ihren Menschen eng verbunden war…* (Мы скорбим об искреннем, здравом и подлинном человеке, который был тесно связан **со своей родиной** и ее людьми…)

– *Ostbelgien ist* ***meine Heimat****. Und auch der* ***Ort, an dem ich auf jeden Fall bleiben werde****.* (Восточная Бельгия – это **моя родина**. **И то место, где я, без сомнения, останусь**.)

Подобные конструкции актуализируют концепт как личное пространство принадлежности, где родина определяется частью индивидуальной биографии и эмоционального опыта.

Отдельного внимания заслуживают стилистически окрашенные варианты, в основном употребляемые в контексте любви к Родине, обретении Родины. Лексема «Heimstatt» является возвышенным, почти поэтическим синонимом: *…bukolisch anmutenden Rahmen der Ferme Madelonne seine* ***Heimstatt gefunden hat*** (...**приобрел пристанище** в исполненных идиллии окрестностях фермы Маделонн).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

Единица ZUHAUSE, хотя и используется в большинстве случаев в общем значении «дом», часто формирует важное семантическое ядро, связанное с экзистенциальным ощущением дома, комфорта и приватности:

– Ich liebe die Natur, ***ein ZUHAUSE*** *zum Wohlfühlen, bin zuverlässig.* (Я люблю природу, **уютный дом** и являюсь надежным человеком.)

В противоположность этому единица SCHOLLE в исследуемом дискурсе несет чаще негативную оценку, символизируя отдаленный участок «родной земли», часто провинцию:

– Selbst auf dieser ***abgelegenen SCHOLLE*** *nichts als Frust über die Welt.* (Даже на этом **отдаленном клочке земли** – одна лишь досада на весь мир.)

Ключевым маркером регионализации концепта является прямая коллокация с топонимами, в первую очередь с единицами OSTBELGIEN и его адъективной формой OSTBELGISCHE (49 примеров):

– Als CSP möchten wir aus der Mitte heraus unsere ***HEIMAT Ostbelgien*** *gestalten.* (Как ХСП (Христианско-социальная партия) мы хотим формировать **нашу родину – Восточную Бельгию**.)

– Da ist in erster Linie die Bereitschaft, Verantwortung zu übernehmen und unsere ***ostbelgische HEIMAT*** *besser zu machen.* (Здесь в первую очередь важна готовность брать на себя ответственность и делать **нашу восточно-бельгийскую родину** лучше.)

В той же коллокации единица HEIMAT активно используется в политическом дискурсе для формирования региональной идентичности, чаще всего через лозунги:

*– «****Ostbelgien*** *ist unsere* ***HEIMAT*** *in* ***Europa****»* («**Восточная Бельгия** – это наша **родина** в **Европе**».)

Третья значимая группа коллокаций формируется вокруг семантики «возвращения» (74 единицы). Эта модель актуализирует нарратив о временном отсутствии и последующем воссоединении с малой родиной, что особенно ярко проявляется в контексте рассказов о путешествиях или карьере уроженцев региона, спортсменов:

– Für den 26-Jährigen ist es eine ***Rückkehr in die HEIMAT.*** (Для 26-летнего это означает **возвращение на родину**.)

– Gegen 19.30 Uhr ***kamen*** *die Ostbelgier* ***wieder in der HEIMAT an*** *und nach herzlichen Umarmungen hieß es Abschied nehme.* (Около 19:30 восточные бельгийцы вновь **прибыли на родину,** и после теплых объятий настало время прощания.)

Важный сегмент номинативного поля концепта формируют контексты утраты, насилия и вынужденного разрыва с родным пространством. В этих случаях HEIMAT актуализируется как объект потери и травматического опыта, что особенно заметно в материалах, посвященных вооруженным конфликтам и гуманитарным кризисам. Концепт регулярно сочетается с глаголами vertreiben и verlassen, формируя устойчивую модель насильственного лишения родины:

– Tausende Armenier mussten ihre ***HEIMAT*** *Bergkarabach* ***verlassen****. Sie wurden* ***vertrieben****, als das aserbaidschanische Militär das Gebiet besetzte.* (Тысячи армян вынуждены были **покинуть свою родину** – Нагорный Карабах. Они были изгнаны, когда азербайджанские военные оккупировали этот регион.)

– 10 Millionen Menschen wurden durch einen verheerenden Krieg zwischen zwei skrupellosen Generälen aus ihrer ***HEIMAT vertrieben****.* (10 миллионов человек были **изгнаны со своей родины** разрушительной войной между двумя беспринципными генералами.)

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

Примечательно, что даже при описании глобальных конфликтов лексема HEIMAT сохраняет эмоционально нагруженный характер, противопоставляясь абстрактным геополитическим обозначениям территорий.

Юридический полюс занимают лексемы HERKUNFT (происхождение (этническое/социальное)), WOHNORT (место проживания), WOHNSITZ (зарегистрированное место жительства). Они функционируют как официальные, деэмоционализированные синонимы, используемые в контексте миграции, административных процедур и описания гражданства:

– …in der Regel, dass eine große Zahl von Menschen **ausländischer HERKUNFT** das Land verlassen soll... (…как правило, предполагается, что большое число **людей иностранного происхождения** должны покинуть страну…)

– *…Kaufhaus hat ein böses Nachspiel für einen 37-Jährigen* ***ohne bekannten WOHNSITZ****.* (…(посещение) универмага имело серьезные последствия/плохо кончилось для 37-летнего мужчины без **определенного места жительства**.)

В миграционном и социально-политическом дискурсе в рамках концепта формируется оппозиция «свой – чужой». В материалах, посвященных миграционной политике и общественным дебатам, лексема HERKUNFT регулярно сопровождается атрибутами ausländisch, muslimisch, nordafrikanisch, что указывает на маркирование «чужого» по этнокультурному и религиозному признаку:

– *…dass eine große Zahl von Menschen* ***ausländischer HERKUNFT*** *das Land verlassen soll – auch unter Zwang.* (…что большое число людей **иностранного происхождения** должны покинуть страну – в том числе принудительно.)

– *Die Einwohner* ***ausländischer HERKUNFT*** *sind hauptsächlich Menschen* ***aus Europa*** *und unseren* ***Nachbarländern****.* (**Жители иностранного происхождения** – это в основном люди из Европы и наших соседних стран.)

Таким образом, концепт приобретает функцию символической границы сообщества, определяющей, кто мыслится как «свой», а кто – как внешний по отношению к пространству родины.

В некоторых случаях концепт HEIMAT репрезентируется и через институциональные пространства повседневной социализации. В корпусе регулярно фиксируются контексты, в которых HEIMAT соотносится со школой, церковью и локальными образовательными учреждениями:

– *Nach der* ***Volksschule*** *im* ***HEIMATORT*** *und der Mittelschule an der Bischöflichen Schule St.Vith…* (После **начальной школы в родном городе** и средней школы в Епископской школе (гимназии) Санкт-Вит…)

– *Sein Praktikum absolvierte er in seiner* ***HEIMATPFARRE St.Vith****…* (Свою практику он проходил в своем **родном приходе Санкт-Вит**…)

Подобные употребления демонстрируют, что HEIMAT определяется как совокупность социальных институтов, формирующих биографию индивида.

Параллельно с персональной, политической и нарративной функциями, концепт HEIMAT в региональном дискурсе активно используется в рамках экологического и туристического позиционирования (35 примеров):

– *Eine* ***Entdeckungsreise*** *durch die* ***HEIMAT****!* (Путешествие-открытие по родному краю!)

– ***Lerne interessante*** *Fakten aus* ***Ostbelgien*** *kennen und* ***entdecke Ihre HEIMAT von einer ungewöhnlichen Seite****.* (**Узнавайте интересные факты о Восточной Бельгии** и **открывайте** для себя **свой родной край** с неожиданной стороны.)

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

Резкий контраст с доминирующей лексемой HEIMAT образует ее главный национально-политический синоним – VATERLAND (Отечество), зафиксированный всего четыре раза. Это соотношение демонстрирует маргинализацию концепта в медийном пространстве Восточной Бельгии. Данный феномен объясняется «пограничным» статусом сообщества: лексема VATERLAND содержит неразрешимую двусмысленность (Бельгия или историческая Германия) и потому практически не используется для артикуляции идентичности. В сохранившихся контекстах VATERLAND употребляется либо в исторических нарративах, либо в риторике защиты, что подтверждает его архаизированный статус:

*– Doch so traurig er auch ist, das **VATERLAND muss verteidigt** werden.* (Но как бы ни было ему грустно, **Отечество нужно защищать**.)

Примечательно, что значение защиты «Отечества» в современном дискурсе чаще выражается через саму лексему HEIMAT, что подчеркивает ее семантическую универсальность:

*– 10 Millionen Menschen wurden durch einen verheerenden **Krieg** zwischen zwei skrupellosen Generälen aus **ihrer HEIMAT vertrieben**.* (10 миллионов человек были **изгнаны из своей родины** разрушительной **войной** между двумя беспринципными генералами.)

Показательным является то, что семантика HEIMAT не пересекается с лексемой OPFER (жертва). В большинстве зафиксированных случаев жертва соотносится не с родиной как пространством принадлежности, а с абстрактным национально-политическим образованием, целой страной или идеологией:

*– ...respektlos gegenüber denen, die ihr Leben für das **Vaterland** geopfert haben.* (… неуважительно по отношению к тем, кто отдал жизнь за **Отечество**.)

*– Alles Unschuldige, die ihr Leben für eine sinnlose **Ideologie** geopfert haben.* (Все невинные, отдавшие жизнь за **бессмысленную идеологию**.)

В противоположность этому HEIMAT в анализируемом корпусе крайне редко оказывается «жертвой». Даже в контекстах насилия и утраты она репрезентируется не как идея, требующая жертвы, а как пространство, которое теряют, покидают или защищают. Данное распределение подтверждает функциональное различие концептов: VATERLAND сохраняет риторику долга и самопожертвования, тогда как HEIMAT закрепляется за сферой экзистенциальной уязвимости и эмоциональной привязанности.

Таким образом, в дискурсе газеты GrenzEcho концепт HEIMAT приобретает ярко выраженную регионально-политическую и эмоционально-персональную окраску. Это проявляется прежде всего в высокой частотности лексемы и ее дериватов, а также в глубокой персонализации концепта, выраженной через регулярное употребление притяжательных местоимений, прямую коллокацию с региональными топонимами и доминирование нарратива возвращения. Концепт HEIMAT в анализируемом медиадискурсе последовательно репрезентируется как «свое» пространство, включенное в индивидуальную биографию и коллективный опыт сообщества.

Заключение. Ключевой особенностью выявленной актуализации концепта является его функциональное переориентирование с абстрактно-национального или универсального уровня на уровень конкретной региональной идентичности. В отличие от словарных дефиниций, где HEIMAT определяется через обобщенные признаки места рождения или проживания, эмпирический материал демонстрирует его прочную привязку к пространству

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

Восточной Бельгии и локальному сообществу. Это подтверждается устойчивыми коллокациями с топонимами, а также активным использованием концепта в политическом, культурном и общественном дискурсе региона.

Существенным результатом исследования является выявленное доминирование концепта HEIMAT над его национально-политическим синонимами, среди которых самым ярким является VATERLAND. Последний оказывается маргинализированным и используется преимущественно в исторических или риторически маркированных контекстах, связанных с идеями долга, защиты и жертвы. В то же время HEIMAT функционирует как семантически более гибкая и эмоционально насыщенная категория, обозначающая пространство принадлежности, утраты, возвращения и ответственности. Это различие подтверждает принципиально разные когнитивные и прагматические функции данных концептов в региональном медиадискурсе.

Анализ показал, что HEIMAT в медиатекстах GrenzEcho охватывает широкий спектр дискурсивных сфер: от персональных и биографических нарративов до политических, гуманитарных, миграционных и экологических контекстов. В материалах, посвященных конфликтам и гуманитарным кризисам, концепт актуализируется как объект утраты и насильственного разрыва с родным пространством; в миграционном дискурсе он имплицитно формирует символическую границу между «своими» и «чужими»; в туристическом и экологическом дискурсе выступает как средство позитивного регионального самоописания. Такая функциональная универсальность свидетельствует о высокой значимости концепта для коллективного сознания немецкоязычного сообщества Бельгии.

Таким образом, в региональном медиадискурсе HEIMAT предстает не столько как место физического происхождения, сколько как активно конструируемое пространство личной и коллективной принадлежности, эмоциональной близости и символической ответственности. Его актуализация отражает специфику исторического и культурного «пограничья», в условиях которого региональная идентичность оказывается более релевантной и коммуникативно значимой, чем национально-государственная.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с сопоставительным анализом актуализации концепта HEIMAT в медиадискурсе других немецкоязычных регионов, а также с диахроническим изучением его репрезентации в архивных выпусках газеты GrenzEcho, что позволит выявить динамику процессов регионализации идентичности и изменения когнитивного содержания концепта во времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dewulf J. «O liebes Land, o Belgiens Erde»: The Development of the German-Speaking Community in Belgium Reflected in the Light of the Flemish Struggle for Autonomy // German Studies Review. 2009. Vol. 32, № 1. P. 65–81.

2. Алексеенко Е. С., Ульяницкая Л. А. Краткая характеристика немецкого языка и других германских языковых вариантов на территории Валлонии // Дискурс. 2021. Т. 7, № 3. С. 127–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-127-142

3. Zwischenkriegszeit // Zentrum für Ostbelgische Geschichte. URL: https://www.geschichte.be/ (дата обращения: 28.10.2024).

4. Фадеева Г. М. Понятие и дискурс «Heimat»: мода или потребность в эпоху глобализации? // Язык и мода. Сб. статей. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 49–63.

5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

6. Langacker R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. NY: Oxford Univ. Press, 2008.

7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007.

8. GrenzEcho. URL: https://www.grenzecho.net/ (дата обращения: 11.09.2025).

9. Игнатова Е. М. Особенности реляционных концептов в тоталитарном дискурсе (на примере VATERLAND и HEIMAT эпохи национал-социализма) // Язык и межкультурная коммуникация. Астрахань: АГУ, 2007. С. 178–179.

10. Assmann A. Cultural memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives. NY: Cambridge Univ. Press, 2011.

11. Assmann J. Cultural memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.

12. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig: S. Hirzel, 1854. URL: https://www.woerterbuchnetz.de/DWB (дата обращения: 29.10.2024).

13. Das Online-Wörterbuch // Duden. URL: https://www.duden.de/ (дата обращения: 29.10.2024).

14. Wörterbuch // PONS. URL: https://de.pons.com/ (дата обращения: 29.10.2024).

15. Deutscher Thesaurus // OpenThesaurus. URL: https://www.openthesaurus.de/ (дата обращения: 29.10.2024).

16. Игнатова Е. М. Место концепта «Родина» среди культурных концептов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. 2008. №. 14. С. 96–102.

17. Etymologisches Wörterbuch // DWDS. URL: https://www.dwds.de/wb/etymwb (дата обращения: 21.10.2025).

Информация об авторах

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент (2025), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

Игнаткович Василий Васильевич – магистрант (2-й курс) кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: билингвизм, художественный билингвизм, медиадискурс, языковые контакты.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 26.01.2026; принята после рецензирования 01.04.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Dewulf, J. (2009), "'O liebes Land, o Belgiens Erde': The Development of the German-Speaking Community in Belgium Reflected in the Light of the Flemish Struggle for Autonomy", *German Studies Review*, vol. 32, no. 1, pp. 65–81.

2. Alekseenko, E.S. and Ulianitckaia, L.A. (2021), "Brief Description of German and Other Germanic Language Varieties on the Territory of Wallonia", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 3, pp. 127–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-127-142

3. "Zwischenkriegszeit" (n. d.), *Zentrum für Ostbelgische Geschichte*, available at: https://www.geschichte.be/ (accessed 28.10.2024).

4. Fadeeva, G.M. (2017), "Concept and discourse "Heimat": a trend or a need in the context of globalization", *Yazyk i moda* [Language and fashion], INION RAN, Moscow, RUS, pp. 49–63.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 164–175
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 164–175

5. Stepanov, Yu.S. (1997), *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants: a dictionary of Russian culture], Izd-vo Yazyki russkoj kul'tury, Moscow, RUS.

6. Langacker, R.W. (2008), *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*, Oxford Univ. Press, NY, USA.

7. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2007), *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics], Izd-vo AST: "Vostok-Zapad", Moscow, RUS.

8. *GrenzEcho* (n. d.), available at: https://www.grenzecho.net/ (accessed 11.09.2025).

9. Ignatova, E.M. (2007), "Features of relational concepts in totalitarian discourse: a case study of Vaterland and Heimat in the era of national socialism", *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and Intercultural Communication]. Astrakhan, ASU, RUS, pp. 178–179.

10. Assmann, A. (2011), *Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives*, Cambridge Univ. Press, NY, USA.

11. Assmann, J. (2011), *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

12. Grimm, J. and Grimm, W. (1854), *Deutsches Wörterbuch*, S. Hirzel, Leipzig, GER, available at: https://www.woerterbuchnetz.de/DWB (accessed 29.10.2024).

13. "Das Online-Wörterbuch" (n. d.), *Duden*, available at: https://www.duden.de/ (accessed 29.10.2024).

14. "Wörterbuch" (n. d.), *PONS*, available at: https://de.pons.com/ (accessed 29.10.2024).

15. "Deutscher Thesaurus" (n. d.), *OpenThesaurus*, available at: https://www.openthesaurus.de/ (accessed 29.10.2024).

16. Ignatova, E.M. (2008), "The Place of the Concept "Motherland" among Cultural Concepts", *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskii i kognitivnyi aspekty* [The linguistic existence of the individual and the ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects], no. 14. pp. 96–102.

17. "Etymologisches Wörterbuch" (n. d.), *DWDS*, available at: https://www.dwds.de/wb/etymwb (accessed 21.10.2025).

Information about the authors

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology, 2019), Docent (2025), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

Vasily V. Ignatkovich – Master's student (2nd year) at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: bilingualism, literary bilingualism, media discourse, language contacts.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 26.01.2026; adopted after review 01.04.2026; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

Оригинальная статья
УДК 81’42
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-176-185

Лингвокогнитивный анализ концепта LAW (на материале кинотекста сериала «Better Call Saul»)

***Анна Александровна Забоева*[1], *Александра Леонидовна Соколова*[2]✉**

[1, 2]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*
[1]*azaboyeva@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-0368-2892*
[2]✉*alsokolova@etu.ru, https://orcid.org/0009-0009-0963-9939*

Введение. Исследования в области когнитивной лингвистики остаются популярными благодаря устойчивому интересу к вопросам взаимосвязи языка и сознания. Современный кинематограф является источником обширного эмпирического материала для исследования в русле когнитивистики, поскольку кинопроизведения непосредственно участвуют в формировании наших представлений о мире. Целью настоящего исследования является изучение содержательного и структурного наполнения концепта LAW, а также разбор концептуальных метафор, выведенных в процессе анализа.
Методология и источники. Исследование опирается на теоретические положения, представленные З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в их работе «Когнитивная лингвистика». В качестве материала исследования был выбран кинотекст первого сезона американского юридического драматического телесериала «Better Call Saul». Данная работа основывается на таких методах анализа, как дефиниционный, компонентный, сопоставительный, синтагматический, а также дискурсивный.
Результаты и обсуждение. В процессе исследования было определено, что полевая организация концепта LAW состоит из двух комплексных областей: ядра и периферии. Они упорядочиваются в структуре концепта и формируют три основных компонента: чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. В ходе работы были выявлены две концептуальные метафоры, актуализирующиеся в разных структурных областях.
Заключение. Выявленные содержательные и структурные характеристики концепта LAW описывают его наполнение и принципы организации признаков внутри него. Анализ позволил проследить, на каком этапе осуществляется сдвиг в интерпретации правовой системы в рамках телесериала.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, когнитивный признак, концептуальная метафора, кинотекст

Для цитирования: Забоева А. А., Соколова А. Л. Лингвокогнитивный анализ концепта LAW (на материале кинотекста сериала «Better Call Saul») // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-176-185

© Забоева А. А., Соколова А. Л., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

Original paper

The Cognitive Linguistic Analysis of the LAW Concept (Based on the Film Text of the TV Series "Better Call Saul")

***Anna A. Zaboeva*[1], *Alexandra L. Sokolova*[2]✉**

[1, 2]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*
[1]*azaboyeva@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-0368-2892*
[2]✉*alsokolova@etu.ru, https://orcid.org/0009-0009-0963-9939*

Introduction. Research in the field of cognitive linguistics remains prominent due to a sustained interest in the interconnection between language and consciousness. Contemporary cinema provides a rich source of empirical material for cognitive research, as films play a significant role in shaping our view of the world. The study aims to analyze the content and structure of the LAW concept and to examine the conceptual metaphors identified in the analysis.
Methodology and sources. The study is based on the theoretical framework presented by Z.D. Popova and I.A. Sternin in their work Cognitive Linguistics. The film text of the American legal drama series first season "Better Call Saul" was chosen as the research material. This analysis employs definitional, component, comparative, syntagmatic, and discursive methods.
Results and discussion. The analysis shows that the conceptual field of the LAW concept consists of two complex areas: the core and the periphery. They form three main components: the sensory image, the informational content, and the interpretative field. The study provides two conceptual metaphors that are objectified in different structural areas of the concept.
Conclusion. The revealed content and structural characteristics of the LAW concept describe its filling and the principles of the features organization within it. The analysis makes it possible to trace the stage at which the shift in the interpretation of the legal system occurs within the narrative of the TV series.

Keywords: cognitive linguistics, concept, cognitive parameter, conceptual metaphor, film text

For citation: Zaboeva, A.A. and Sokolova, A.L. (2026), "The Cognitive Linguistic Analysis of the LAW Concept (Based on the Film Text of the TV Series "Better Call Saul")", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 176–185. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-176-185

Введение. С момента зарождения когнитивной лингвистики во второй половине XX в. изучение тесной связи языка и мышления приобрело системный характер, определив фокус внимания на способах организации знаний и их языковом выражении. Центральное положение этой научной области состоит в том, что наше мышление, основанное на невербальных процессах, функционирует за счет универсального предметного кода [1, с. 14]. Определяющее значение в формировании этого кода имеют единицы, лежащие в его основе и понимаемые как концепты – дискретные структурированные ментальные образования, сформированные в результате познавательной деятельности и содержащие информацию о предмете или явлении и их интерпретацию [1, с. 24]. Концепты воспроизводят наши знания о мире, систематизируя свойства и связи предметов и явлений.

Концепты как единицы сознания изучаются через анализ языковых средств их выражения. Однако важно отметить, что язык, будучи средством доступа к сознанию человека, позволяет исследовать структуру концепта лишь частично, так как ментальные единицы эксплицируются не только вербально, но также через образные представления и ценностные установки. В рамках лингвокогнитивного подхода к исследованию концептов применяются лингвистические методы описания семантики языковых единиц [1, с. 14].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

Содержание и структура концепта – сложные неоднородные категории, оказывающие взаимное влияние друг на друга. Содержание концепта формируется за счет двух ключевых областей – ядра и периферии, внутри которых происходит распределение когнитивных признаков. Определяющее значение при этом имеет степень их яркости: так, семантически значимые, наиболее характерные и важные прототипические признаки, не зависящие от контекстуальных интерпретаций, составляют ядерную часть концепта. Здесь фиксируется понятийная информация, формирующая смысловую основу концепта. На периферийной области закрепляется вариативная образная составляющая, которая определяется совокупностью непостоянных, менее существенных признаков, подверженных контекстуальному влиянию и пересекающихся с зонами других концептов. Периферия концепта неоднородна и подразделяется на три уровня – ближняя, дальняя и крайняя, – каждый из которых располагается в зависимости от степени его удаленности от ядра концепта. Если представить концепт в виде круга, то в центре фигуры окажется ядро концепта, состоящее из устойчивых и наиболее значимых признаков, а вокруг ядра будут располагаться периферийные слои со вторичными признаками, наполняющими объем и содержание концепта [2, с. 68]. Такое соположение областей лежит в основе полевого принципа его организации.

Макроструктура концепта формирует основу для его содержания и, в свою очередь, состоит из трех базовых когнитивных элементов: чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле [1, с. 81]. Каждый из элементов обладает разной когнитивной природой: образ задействует чувственные переживания и перцептивные ощущения, информационное содержание включает логические и семантические знания об объекте, а интерпретационное поле – оценки и ассоциации, связанные с ним. Структура концепта позволяет увидеть, как именно упорядочиваются когнитивные признаки. Также с ее помощью можно проследить, в каких взаимосвязях находятся признаки. Без описания структуры невозможно говорить о содержании концепта, поскольку внутреннее наполнение ментальной единицы не дает информации о способах упорядочивания когнитивных признаков. Строгая дифференциация концептуальных признаков в процессе описания и объяснение способов их организации позволяют понять, как концепты хранятся и систематизируются в человеческом мышлении, и как они функционируют в процессе коммуникации.

Концепты как ментальные представления образуются в результате когнитивной деятельности человека. Они формируются в сознании людей непрерывно, и этот процесс может запускаться намеренно посредством критического осмысления происходящего, что позволяет анализировать действительность и оценивать явления. Помимо этого, представления могут возникать стихийно, через переживание опыта, под влиянием окружающей среды. Межличностные контакты и социальные взаимодействия также участвуют в сложном процессе формирования сознания. Важную роль играют социальные институты, которые, устанавливая и регулируя общественные отношения, конструируют и отражают реальность в том виде, в котором она закреплена в нашем сознании. Так, право, являясь инструментом общественного контроля, содержит совокупность принципов и норм, применение которых направлено на регулирование действий граждан. Фиксирование законов, введение санкций за их нарушение, закладывание основ судопроизводства и юридических практик – все это позволяет упорядочивать жизненный опыт и структурировать его в сознании людей. Объективный и системный характер права делает его универсальным инструментом при уста-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

новлении рамок дозволенных действий, актуализируя принципы как для каждого конкретного человека, так и для субъектов управления и всего социума. Именно благодаря праву мы воспринимаем реальность не как абстрактный набор данных, а как упорядоченную систему, в которой предписания и правила определяют порядок наших действий. С его помощью мы оцениваем правомерность и противоправность, а также осмысляем такие многомерные феномены, как справедливость, моральность и ответственность.

Методология и источники. Эмпирическим материалом для исследования концепта могут выступать как письменный текст публицистического или художественного стиля и лексикографические источники, так и устная речь или результаты психолингвистического эксперимента. На основе исходных данных осуществляется анализ семантического содержания концепта через рассмотрение языковых средств его выражения. Особенность кинотекста как материала для анализа ментальных представлений заключается в том, что он представляет собой разновидность креолизованного текста и содержит не только лингвистическую информацию, но и невербальные сведения. Коммуникативное единство вербального и визуального кодов кинотекста позволяет осуществлять анализ концептов через призму мультимодального измерения.

Настоящее исследование направлено на изучение концепта LAW и его языковых маркеров. В англоязычной концептуальной картине мира концепт LAW вмещает в себя категории «право» и «закон», находящиеся не в оппозиции по отношению друг к другу, а во взаимосвязи «целое–часть». Это определяет комплексную, ступенчатую структуру концепта, которая объединяет отдельные нормативные акты и систему права в целом.

Материалом для исследования послужил кинотекст первого сезона американского юридического телесериала «Better Call Saul». Такой выбор объясняется тематической спецификой кинопроизведения, поскольку сюжет повествует о становлении адвоката Джимми МакГилла, для которого закон перестает быть непреложным правилом, когда представляется возможным извлечение собственной выгоды. Разнообразие сцен телесериала, освещающих работу американской юридической сферы, позволяет изучить развертывание концепта в контексте и описать его номинативное поле.

В процессе работы применялись следующие методы анализа: дефиниционный, компонентный, сопоставительный, синтагматический и дискурсивный. В совокупности они позволили провести комплексное исследование, раскрывающее разные аспекты концепта LAW.

Результаты и обсуждение. На первом этапе исследования рассмотрим чувственный образ, который находится в основе ментальной единицы, кодируя ее для мыслительных операций [3, с. 17]. Образ формируется посредством ассоциаций, связывающих чувственные представления с внутренним содержанием концепта. На базовый перцептивный уровень, конструирование которого происходит за счет визуальных образов, наслаивается когнитивный уровень, где происходит метафорическое осмысление концепта.

Ассоциативные признаки концепта LAW фиксируются уже в его лексикографическом значении. Обратимся к дефинициям этого понятия для выявления устоявшихся, закрепленных ассоциаций и взаимосвязей.

В словаре Cambridge Dictionary фиксируются следующие определения понятия LAW: 1) *a rule, usually made by a government, that is used to order the way in which a society behaves*; 2) *the system of rules of a particular country, group, or area of activity*; 3) *the area of knowledge or work that involves studying or working with the law* [4].

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

Словарь Collins Dictionary трактует понятие LAW как: 1) *a system of rules that a society or government develops in order to deal with crime, business agreements, and social relationships*; 2) *one of the rules in a system which deals with a particular type of agreement, relationship, or crime*; 3) *a rule or set of rules for good behaviour which is considered right and important by the majority of people for moral, religious, or emotional reasons* [5].

Словарь Merriam-Webster определяет LAW как: 1) *a binding custom or practice of a community: a rule of conduct or action prescribed or formally recognized as binding or enforced by a controlling authority*; 2) *the whole body of such customs, practices, or rules*; 3) *the control brought about by the existence or enforcement of such law* [6].

Наконец, в словаре Oxford English Dictionary даны следующие определения: 1) *the body of rules, whether customary or formally enacted, which regulates the actions of people within a community, city, state, etc., and which is enforced by the imposition of penalties by a ruler or government*; 2) *one of the individual rules belonging to the body of law that governs a community, city, state, etc., esp. as established by the decree of a ruler or the enactment of a lawmaking body*; 3) *a human convention or practice* [7].

Исследование чувственной составляющей концепта на основе лексикографических данных позволяет выделить признаки, формирующие образную компоненту: право – это целостный механизм контроля, который используется людьми. Он определяет рамки правильного и допустимого и, благодаря своему нисходящему принципу управления, воспринимается как гарант надежности и безопасности. Эти характеристики обнаруживаются также в визуальной составляющей кинотекста. Правовая система представляется как строго регламентированная структура, субъектами которой являются правозащитники и судьи, чья деятельность определяется государством. Функционирование правовой системы в телесериале направлено на упорядочивание общественных отношений и разрешение конфликтных ситуаций, которые лежат в основе сюжетных действий.

На когнитивном уровне концепт реализуется с помощью концептуальной метафоры *LAW IS A LIVING AGENT*, которая позволяет рассматривать его через объект материального мира. Данная метафора относится к типу онтологических и может быть определена как способ восприятия событий, действий, эмоций, идей и т. п., как материальных сущностей и веществ [8, p. 51]. С помощью онтологических метафор мы оцениваем комплексные абстрактные категории как физические предметы, что делает осмысление нашего опыта рациональным.

Метафора *LAW IS A LIVING AGENT* объективируется в кинотексте с помощью следующих языковых репрезентаций: «*Open up in the name of the law*», «*Who do you think the court sided with?*», «*Sedima establishes a pretty low threshold for RICO provisions to kick in*», «*The statute requires proof that there was some undue influence*». За счет метафорического переноса правовая система перестает восприниматься как механизм социального воздействия и становится активным участником общественной системы, способным действовать самостоятельно и руководствоваться личными намерениями.

Для изучения информационного содержания концепта необходимо вновь обратиться к словарным определениям и посредством сопоставительного анализа дефиниций вывести его наиболее существенные и характерные признаки. К общим когнитивным признакам относятся: наличие системы правил (*a rule*/*the system of rules* / *the set of rules*/*the body of rules*),

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

регламентированность (*made by a government*/*formally recognized*/*developed by a society or government*/*customary or formally enacted*), неукоснительность исполнения (*a binding custom or practice*/*enforced by the imposition of penalties by a ruler or government*/*enforced by a controlling authority*) и наличие регулятивной функции (*used to order the way in which a society behaves*/*deal with crime, business agreements, and social relationships*/*regulates the actions of people within a community, city, state*). Данные когнитивные признаки в совокупности образуют ядро концепта LAW, которое определяется как:

1) систематизированный набор общеобязательных правил;

2) элемент государственного управления;

3) форма регулирования общественной жизни.

Актуализация систематизированного признака происходит через включение лексических единиц, обозначающих законы и нормативные акты (*the code provisions, RICO, 30-47-1 from NMSA, 18 U.S.C. 1961 to '68*), судебные прецеденты (*case law, Mincey v. Arizona, Bates v. State Bar of Arizona, Sedima v. Imrex, Schlesinger v. Disney, Holmes v. SIPC*), базу данных, содержащую юридические материалы (*Westlaw*), а также конституционную поправку (*the Fourth Amendment*). Кроме этого, в актуализации данного компонента участвуют юридические термины, описывающие правовые категории: преступления и правонарушения (*embezzlement, trademark infringement, obstruction of justice, misdemeanor, felony, fraud, unfair and deceptive trade practices, racketeering*), предписания (*injunction, the cease and desist* [*order*]).

Реализация смыслового содержания «элемент государственного управления» происходит через включение единиц, обозначающих органы публичной власти или государственных служащих: *District Attorney's Office, prosecutors, FBI, DEA, Supreme Court, police officers, sergeant, Tenth Circuit Court of Appeals, Philadelphia Police Department/Philly P.D., judge*.

Объективация компонента ядра, определяющего право как форму регулирования общества, происходит за счет упоминаний санкций за противоправные деяния (*arrest, custody, jail, death sentence, probation,* «*My partner suggested to send a Rule 11 letter and have you sanctioned*», «*You're looking at 30 years in prison*», «*Time served plus counselling*») и форм урегулирования споров (*final settlement,* «*It includes the stipulation that you return $1.6 million in misappropriated funds*»).

Периферия концепта формируется за счет его менее ярких когнитивных признаков, которые характеризуются большей зависимостью от контекста по сравнению с ядерными когнитивными признаками. Несмотря на свой периферийный статус, когнитивные признаки, удаленные от ядра, не определяются как малозначимые или несущественные [1, с. 81]. Они вносят вклад в построение сложной структуры концепта и способствуют глубинному пониманию его сущности. В структуре концепта его периферия образует неоднородное интерпретационное поле, которое состоит из признаков, не относящихся к информационному содержанию. Данные признаки, объединяясь или функционируя независимо, формируют определенные участки, позволяющие дать общую интерпретацию той или иной периферийной области. Так, выделяют оценочную зону, утилитарную, др. [1, с. 78–80]. Всего в практическом материале было обнаружено 172 единицы, не относящихся к ядру концепта и формирующих его периферийную сферу.

К области ближней периферии относятся лексемы, сохраняющие стилистическую нейтральность и минимально зависимые от контекста [1, с. 127]. В исследовательском материале вербальная актуализация данного слоя периферии концепта LAW связана с обла-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

стью функционального правоприменения. Сюда относятся лексемы, описывающие процедуры реализации правовых норм: стадии судопроизводства (*trial, litigation, arraignment, voir dire, summary judgment, verdict, order*) и процессуальные действия (*plea guilty, indict, dismiss, booking, press charges, sue, testify*). Также к данному уровню относятся субъекты, осуществляющие правовую деятельность от лица граждан и институтов гражданского общества: LAW *firms, attorneys at law, lawyer, counsellor, solo practitioner*. Юридические фирмы и частные правозащитники, не обладая государственно-властными полномочиями, представляют интересы доверителей и выступают в качестве участников переговоров с окружными прокурорами и судьями. Данный периферийный слой составляет 64 % от области всей периферии, что позволяет оценить его признаки как наиболее яркие относительно когнитивных компонентов, формирующих другие периферийные слои.

Для дальней периферии характерны признаки, обладающие меньшей частотностью и большей контекстуальной обусловленностью. Семантико-когнитивный анализ исходного материала позволяет обнаружить языковые единицы с характерными стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями. Дальняя периферия охватывает 22 % всей периферийной зоны и содержит две группы когнитивных признаков: «Право – это враг» и «Право – это инструмент обмана и манипуляций». Первый признак, содержащий отчетливую негативную оценку, определяется наличием единиц, подчеркивающих отрицательный характер действий юридической системы, которая, как было отмечено ранее, функционирует в рамках кинотекста в качестве одушевленного агенса (концептуальная метафора *LAW IS A LIVING AGENT*). Право противопоставляется свободе и воспринимается как агрессивный оппонент, который использует угрозу и физические методы борьбы с оппонентами: «*Have opponents of freedom wrongly intimidated you?*», «*And they find themselves in a little room with a detective who acts like he's their best friend*», «*When legal forces have you cornered, better call Saul*», «*The government is gonna fight us tooth and nail*», «*They [the police] will crucify Craig*», «*You know, we are once again at a point in our history where the fly-swatting hand of government is crushing the spirit of entrepreneurship*», «*You're telling us there are drug dealers and murderers walking the streets but instead of them, they wanna put an innocent man in jail*». Воинственный образ права подкрепляется репрезентацией крупной юридической фирмы, которая оказывает давление на частного адвоката: «*The cease and desist is just the beginning. The next step is an injunction. You can't win this fight*», «*Your Honor, I'm a humble solo practitioner merely trying to ply my trade in an aggressive and evolving marketplace*», «*This is a classic David-versus-Goliath story. I mean, you got your gigantic law firm stomping all over the little guy*», «*Lawyer pulls himself up by his bootstraps only to be ground under the heel of the old-money mega-firm*», «*Not 24 hours after my billboard went up a large law firm came after me*», «*They're rich, they're powerful. I'm just one man. So who do you think the court sided with?*» Правовая система в лице государства и коммерческой юридической компании предстает в качестве противоборствующего механизма. Основная цель правовой структуры состоит в подавлении противника, представленного в данном случае обычными гражданами и независимыми адвокатами. В этих примерах реализуется онтологическая концептуальная метафора *LAW IS A HOSTILE AGENT*.

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, суть метафорического переноса определяется пониманием и переживанием одного вида сущностей в терминах другого [8, p. 27]. Взаимодействие двух полярных когнитивных систем знания, определяемых как «сфера-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

источник» и «сфера-мишень», лежат в основе гипотезы инвариантности, согласно которой метафорические отображения сохраняют когнитивную топологию исходной области [9, p. 54]. Это означает, что структурное наполнение сферы-источника частично отображается в структуре сферы-мишени. Такой взгляд объясняет логическую основу метафорического переноса, поскольку наше сознание закономерно воспроизводит признаки более конкретного концепта в терминах менее конкретного. В данном случае мы можем говорить о профилировании, т. е. о наложении характеристик сферы-источника на сферу-мишень [10, p. 5]. Профилирование, выделение отдельных признаков исходного домена в целевом проявляется как на уровне лексики, так и на уровне синтаксиса и всего текста в целом. В концептуальной метафоре *LAW IS A HOSTILE AGENT* право систематически осмысляется через образ атакующего актора, антагониста, действия которого несут угрозу. Такое представление возникает благодаря профилированию свойств источника, т. е. враждебно настроенного, агрессивного субъекта на целевой сфере правовой системы. В результате право объективируется как противостоящая сторона, способная к нападению и зачастую инициирующая его.

Когнитивный признак «право – это инструмент обмана и манипуляций» как второй компонент ближней периферии актуализируется в кинотексте через репрезентацию юридической системы в качестве средства манипулятивного воздействия, применение которого может привести к желаемому результату: «*I'm a lawyer. Check my ID, okay? I was running a scam*», «*Judge has gotta see your mother. Well, do you know anybody who looks like her?*», «*I know you've got a million legal loopholes that we can dance through, big bag of tricks. You know, any clever technicalities, huh? Reasonable-doubt-type stuff?*», «*He's guilty as sin, <…> but there has to be something. Some loophole or...*», «*I sincerely want to help you de-escalate your situation legally and otherwise*», «*This gentleman is willing to not press charges if you help us out*», «*It's a miscarriage of justice. And I think your viewers would be very, very interested and grateful to you for exposing this injustice*». Уловки и хитрости, к которым прибегают субъекты права, трансформируют наше восприятие последнего: непреложность законов перестает быть приоритетом, когда возникает возможность извлечения собственной выгоды. Зритель видит, что для достижения личных целей правом можно воспользоваться, отыскав лазейки в законе и прибегнув к манипулированию и шантажу. Субъекты права активно оперируют им как стратегическим ресурсом, отказываясь от непреклонного следования предписанным нормам. Отношение к денотату концепта как к инструменту определяет принадлежность этого признака к утилитарной зоне периферийной области.

Для единиц крайней периферии характерна низкая частотность и наименее выраженная связь с ядерной компонентой концепта [1, с. 127]. В настоящем материале на крайней периферии, занимающей 14 % от всей периферийной зоны, находится когнитивный признак «Право – это пространство переговоров». Для него характерно включение лексических единиц *deal* и *offer*, определяющих переговорную основу правового взаимодействия: «*We've managed to come up with a deal that is favorable under the circumstances*», «*Best offer. Six months plus the time he's done, halftime for good behavior out in 90, that's my final*», «*However, I'd like to emphasize again that this deal is Craig's best chance of minimizing jail time*», «*I managed to scrape together, from practically nothing, I might add a deal they should feel lucky to have. This is their absolute best bet*». Также выставление своих условий в попытке достижения наиболее выгодного результата представляет форму деловой коммуникации, сопровождаю-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

щей переговорный процесс: «*We have certain conditions. And these are not up for debate. We want no jail time. Zero*». В примерах, актуализирующих данную область, юридические процедуры оцениваются не с нормативных позиций, предоставляющих однозначное и конкретное решение правовых проблем, а через репрезентацию права как гибкой и адаптивной системы. Ее функционирование обеспечивается за счет стратегий переговоров, активного обсуждения, предложений сторон, выгодных условий. Здесь можно выделить коммуникативную зону периферийной области, фиксирующей актуализацию концепта в прагматическом контексте.

Заключение. В результате многоуровневого анализа было установлено, что в кинотексте телесериала «Better call Saul» концепт LAW предстает как цельное ментальное образование, обладающее комплексной структурой. Чувственный образ концепта репрезентует право, как строгую систему контроля и управления. С когнитивной точки зрения это подкрепляется концептуальной метафорой *LAW IS A LIVING AGENT*, что наделяет право функциями одушевленного субъекта, способного осуществлять действия автономно. Содержательно концепт LAW состоит из двух областей – ядра и периферии, организованных по полевому принципу. В ядро концепта входят его формообразующие признаки, составляющие понятийную основу единицы мышления: «систематизированный набор общеобязательных правил», «элемент государственного управления», «форма регулирования общественной жизни». Периферия концепта LAW неоднородна и делится на несколько зон в зависимости от близости признаков к ядру: к области ближней периферии относится признак «правоприменение», к дальней – признаки «право – это враг» и «право – инструмент обмана и манипуляций», к крайней – «право – это пространство для переговоров». В области дальней периферии осуществляется актуализация концептуальной метафоры *LAW IS A HOSTILE AGENT* за счет систематического переноса признаков из сферы исходного концепта на сферу целевого. Когнитивные признаки формируют интерпретационное поле концепта, состоящее из оценочной, утилитарной и коммуникативной зон. Детальный анализ данного структурного компонента приводит к смысловому смещению интерпретации денотата концепта: в кинотексте право утрачивает признаки статичной системы непреложных норм и становится динамической социальной моделью, где распределение ролей основывается на принципе «победители» и «побежденные».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

2. Песина С. А. Ядро как базовый слой концепта // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2015. № 29. С. 66–71.

3. Титова Ю. В. Структура концепта и методы его описания // Вестн. УлГТУ. 2010. № 4. С. 16–21.

4. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/law (дата обращения: 22.01.2026).

5. Collins dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/law (дата обращения: 22.01.2026).

6. Merriam-Webster. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/law (дата обращения: 22.01.2026).

7. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/law (дата обращения: 22.01.2026).

8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: The Univ. of Chicago press, 2003.

9. Lakoff J. The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, № 1. P. 39–74. DOI: https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.39

10. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 1991.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 176–185
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 176–185

Информация об авторах

Забоева Анна Александровна – магистрант (2-й курс) кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, кинодискурс.

Соколова Александра Леонидовна – доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 16 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурс, когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, концепт, теория фреймов, мифологемиа.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 26.01.2026; принята после рецензирования 01.04.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2007), *Kognitivnaya lingistika* [Cognitive linguistics], AST: Vostok-Zapad, Moscow, RUS.

2. Pesina, S.A. (2015), "The core as the basic layer of the concept", *Intellektual'nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniya* [Intellectual potential of the 21st century: stages of cognition], no. 29, pp. 66–71.

3. Titova, Yu.V. (2010), "Concept structure and methods of its description", *Bulletin of Ulyanovsk State Technical Univ*., no. 4, pp. 16–21.

4. *Cambridge Dictionary* (n. d.), available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/law (accessed 22.01.2026).

5. *Collins dictionary* (n. d.), available at: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/law (accessed 22.01.2026).

6. *Merriam Webster* (n. d.), available at: https://www.merriam-webster.com/dictionary/law (accessed 22.01.2026).

7. *Oxford English Dictionary* (n. d.), available at: https://www.oed.com/dictionary/law (accessed 22.01.2026).

8. Lakoff, G. and Johnson, M. (2003), *Metaphors we live by*, The Univ. of Chicago press, Chicago, USA.

9. Lakoff, J. (1990), "The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas?", *Cognitive Linguistics*, vol. 1, no. 1, pp. 39–74. DOI: https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.39

10. Langacker, R.W. (1991), *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*, Mouton de Gruyter, Berlin, NY, GER.

Information about the authors

Anna A. Zaboeva – Master's student (2 year) at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. Research areas include cognitive linguistics, conceptual metaphor, and film discourse.

Alexandra L. Sokolova – Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. The author of 16 scientific publications. Area of expertise: discourse, cognitive linguistics, conceptual metaphor, concept, framing theory, mythologeme.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 26.01.2026; adopted after review 01.04.20266; published online 17.11.2026.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

Оригинальная статья
УДК 81’362
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-186-200

Сравнительный анализ настоящего времени в английском и валлийском языках

Борис Станиславович Богданов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия
ludwiggg45@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-8337-1373

Введение. Настоящее время в валлийском и английском языках представляет особый интерес для лингвистов. В валлийском – параллелизмом флективных и аналитических форм, в английском – их совмещением. Сравнительный анализ настоящего времени в этих языках поможет выяснить возможность взаимного влияния их грамматических систем. Поскольку имеются основания полагать, что особенности образования перифрастических времен в валлийском языке могли структурно повлиять как на образование Present Continuous, так и вопросительных и отрицательных предложений в Present Simple – тема настоящей работы представляется актуальной, ввиду той роли, которую играет английский как язык международного общения.

Методология и источники. Исследование выполнено на основе анализа трех грамматик валлийского языка и одной грамматики английского языка. Помимо этого в работе использовалось два пособия по истории английского языка и учебные пособия валлийского языка, послужившие источниками нужных примеров. Англоязычные примеры взяты из произведений английской литературы. В работе применялись сравнительный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и обсуждение. В валлийском языке настоящее время образуется флективно и перифрастически. Однако в современном валлийском флективное настоящее используется как будущее время. Перифрастическое настоящее формируется при помощи конструкции глагол bod «быть» в нужной форме + предлог yn «в» и отглагольного имени. В английском языке Present Simple в утвердительных формах образуется прибавлением к глаголу окончания –s в 3 лице ед. числа, а отрицательные и вопросительные – при помощи перифрастической конструкции. Present Continuous также образуется при помощи перифрастической конструкции. Сравнительный анализ настоящего времени в английском и валлийском языках позволил выдвинуть предположение о возможном валлийском влиянии на образование настоящего времени в английском.

Заключение. В ходе исследования были выявлены определенные сходства в образовании перифрастического настоящего времени в валлийском языке и Present Continuous. Более того, вопросительные и отрицательные формы Present Simple также выказали валлийское влияние.

Ключевые слова: валлийский язык, английский язык, валлийское настоящее время, английское настоящее время

Для цитирования: Богданов Б. С. Сравнительный анализ настоящего времени в английском и валлийском языках // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-186-200

© Богданов Б. С., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

Original paper

Comparative Analysis of English and Welsh Present Tense

Boris S. Bogdanov

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
ludwiggg45@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-8337-1373

Introduction. The present tense in Welsh and English is of particular interest to linguists: in Welsh, due to the parallelism between inflectional and analytic forms, and in English, due to their combination. A comparative analysis of the present tense in these languages helps determine the potential for mutual influence between their grammatical systems. Since there is a reason to believe that the formation of periphrastic tenses in Welsh may have structurally influenced the formation of the English present continuous, as well as interrogative and negative sentences in the present simple, the theme of this work is highly relevant, given the role English plays as an international language.

Methodology and sources. The study is carried out on the base of three Welsh grammars, and one English grammar. In addition, two textbooks on the history of the English language were used. Welsh language textbooks were also used, providing the necessary examples. The English examples, in turn, were taken from works of English literature. The study involved comparative and comparative historical methods.

Results and discussion. In Welsh, there are two ways of forming the present tense: inflectional and periphrastic. However, in modern Welsh, the inflectional present is used to convey future tenses. The periphrastic present is formed using the verb bod "to be" in the appropriate form + the preposition yn "in" and a verbal noun In turn, in English, the present simple in affirmative forms is formed by adding the ending -s to the verb in the third person singular, while negative and interrogative forms are formed periphrastically. The Present Continuous is also formed using a periphrastic construction. A comparative analysis of the present tense in English and Welsh allowed us to presume a possible Welsh influence on the formation of the present tense in English.

Conclusion. The study revealed certain similarities between the formation of the periphrastic present tense in Welsh and the Present Continuous. Moreover, the interrogative and negative forms of the Present Simple also exhibited Welsh influence.

Keywords: Welsh language, English language, Welsh present, English present

For citation: Bogdanov, B.S. (2026), "Comparative Analysis of English and Welsh Present Tense", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 186–200. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-186-200

Введение. К сравнительному анализу валлийского и английского языков располагает не только их географическое соседство, но и столетия общей истории и, следовательно, неизбежные этнические и лингвистические контакты между англичанами и валлийцами. В сфере языкового взаимодействия представляет особый интерес настоящие времена этих языков.

Настоящее время английский и валлийский языки внешне объединяет разнообразие флективных и перифрастических форм: в валлийском – изначальный параллелизм их употребления, в английском – их совмещение в рамках одного времени. В настоящей работе сравниваются валлийское флективное и перифрастическое настоящее время и английские Present Simple и Present Continuous. Сравнительный анализ настоящих времен в английском и валлийском языках поможет выяснить возможность взаимного влияния грамматических систем этих языков и посмотреть под другим углом на сложную лингвистическую историю Британии.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

Методология и источники. Настоящее исследование выполнено на основе материалов нескольких грамматик валлийского и английского языков, пришлось также обратиться и к грамматикам нидерландского и немецкого языков. В качестве иллюстраций описываемых грамматических явлений валлийского языка приведены тексты из специализированных учебных пособий из-за труднодоступности произведений валлийской литературы. Использование материалов грамматик обусловлено общеупотребимостью носителями языка представляемых лингвистических фактов. В исследовании использовались три грамматики валлийского языка и одна грамматика английского языка. Также использовались материалы двух пособий по истории английского языка. В качестве иллюстративного материала явлений английской грамматики использовались художественные произведения на английском языке. В качестве инструмента исследования использовались сравнительный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и обсуждение. Образование флективного настоящего времени в валлийском языке подчиняется стандартной европейской модели: к основе глагола присоединяется необходимое по лицу и числу окончание [1, p. 80]. В табл. 1 и 2 рассмотрено литературное и разговорное спряжение глагола *neidio* «прыгать» в настоящем времени:

Табл. 1. Литературное спряжение глагола *neidio* в настоящем времени
Table 1. Literary conjugation of *neidio* in the present

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	Neidiaf	Neidiwn
2-е лицо	Neidi	Neidiwch
3-е лицо	Naid	Neidiant

Табл. 2. Разговорное спряжение глагола *neidio* в настоящем времени
Table 2. Colloquial conjugation of *neidio* in the present

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	neidiaf i	neidiwn ni
2-е лицо	neidi di	neidiwch chi
3-е лицо	neidith o/e/hi	neidian nhw

Из представленных парадигм спряжения глагола *neidio* видно, что образование флективного настоящего в разговорной и литературной речи существенно отличается. В первую очередь различия заключаются в необходимости в разговорном языке присоединения личного местоимения к глаголу в случае отсутствия подлежащего, выраженного существительным [2, p. 226]. Более того, в разговорной речи используются иные окончания третьего лица.

Однако, ключевое различие заключается в сфере употребления: флективный презенс в разговорном валлийском используется, за рядом исключений, как будущее время [2, p. 173]. Обратимся к этим исключениям. Во-первых, это простые глаголы, описывающие состояние человека, его эмоции в момент говорения – *gwelaf* – «я вижу», *clywaf* – «я слышу», *medraf* – «я могу», *tybiaf* – «я думаю» [2, p. 174]. Другой областью использования флективного презенса как настоящего времени являются пословицы. Архаичное употребление флективного настоящего в таких конструкциях можно объяснить их консервативностью. Рассмотрим несколько примеров:

– *Nid yn hir y ceidw'r diawl ei was* (Недолго дьявол держит своих слуг), где *nid* – отрицательная частица, *hir* – долго, *ceidw* – третье лицо единственное число глагола *cadw* – дер-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

жать, *ei* – притяжательное местоимение его, а *was* – форма существительного *gwas* под воздействием мягкой мутации;

– *Am gwymp hen y chwardd ieuanc* (молодой смеется, когда старик падает), где *gwymp* – форма третьего лица единственного числа глагола *cwympo* – «падать» под воздействием мягкой мутации, *hen* – старик, *chwardd* – форма третьего лица единственного числа глагола *chwerthin* «смеяться», *ieuanc* – молодой;

– *Gwyn y gwêl y frân ei hchyw* (Ворона видит своего птенца белым), где *gwyn* – белый, *gwêl* – форма третьего лица единственного числа глагола *gweld* «смотреть», *frân – brân* – «ворона» под воздействием мягкой мутации.

Как уже говорилось, в современном разговорном валлийском языке флективное настоящее преимущественно используется для передачи значений будущего времени. Кроме того, будущее время в валлийском можно образовать и перифрастически [2, p. 170]. В большинстве случаев перифрастическое будущее взаимозаменяемо с флективным, однако для выражения интенции используется именно флективное будущее [3, p. 4]. Рассмотрим несколько примеров:

– *Enillan nhw'r gêm?* (Выиграют ли они игру?) В этом предложении *enillan* – форма третьего лица множественного числа глагола ennill «выиграть»;

– *Ffonith Mery heno?* (Мэри сегодня позвонит?) В этом предложении *ffonith* – форма третьего лица единственного числа глагола ffonio «звонить»;

– *Parith y gynhadledd am wythnos* (Конференция продлиться неделю), где *parith* – форма третьего лица единственного числа глагола *para* – «длиться», *gynhadledd* – существительное cynhadledd «конференция» под воздействием мягкой мутации;

– *Arhosan nhw ddim* (Они не будут ждать), где *arhosan* – форма третьего лица множественного числа глагола *aros* – «ждать», *ddim* – отрицательная частица;

– *Ateba i mo'r cwestiwn 'na* (Я не отвечу на этот вопрос), где *ateba* – форма первого лица единственного числа глагола *ateb* – «отвечать», *mo* – отрицательная частица, *cwestiwn* – «вопрос»;

– *Helpa i chi mewn munud* (Я помогу тебе через минуту), где *helpa* – форма первого лица единственного числа глагола *helpu* – «помогать», *munud* – «минута».

Прежде чем приступать к рассмотрению перифрастического настоящего времени, необходимо остановиться на валлийском глаголе *bod* – «быть», используя который можно образовать большинство аналитических времен в современном валлийском [2, p. 168]. В табл. 3 и 4 рассмотрены литературная и разговорная[1] парадигмы спряжения глагола *bod* в настоящем времени [1, p. 92; 2, p. 181]:

Табл. 3. Литературное спряжение глагола *bod* в настоящем времени
Table 3. Literary conjugation of *bod* in the present

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	wyf, ydwyf	ŷm
2-е лицо	wyt, ydwyt	ŷch
3-е лицо	mae,	maent

[1] В статье представлено спряжение глагола *bod* в северных диалектах валлийского языка.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

Табл. 4. Разговорное спряжение глагола *bod* в настоящем времени
Table 4. Colloquial conjugation of *bod* in the present

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	dw i	dyn ni
2-е лицо	rwyt ti	dych chi
3-е лицо	mae e/hi	maen nhw

Как и в случае правильных глаголов, литературная и разговорная форма *bod* существенно отличаются. Однако различия между литературной и разговорной формами, различия между многочисленными диалектными формами – лишь малая часть особенностей этого глагола (так, *bod* – единственный валлийский глагол, имеющий отдельную парадигму спряжения будущего времени) [2, p. 195]. В рамках настоящего исследования целесообразно рассмотреть также особенности употребления глагола *bod* в настоящем времени и имперфекте, где для образования утвердительных, вопросительных и отрицательных предложений существуют отдельные формы этого глагола [2, p. 176]. Более того, для образования определительных, экзистенциальных и описательных предложений используются особые формы третьего лица единственного числа [2, p. 176]. Для начала, рассмотрим в табл. 5 и 6 отрицательные и вопросительные формы *bod* в настоящем времени в северных диалектах [2, p. 181].

Табл. 5. Отрицательные формы глагола *bod* в настоящем времени
Table 5. Negative forms of *bod* in the present

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	(dy)dw i ddim	(dy)dan ni ddim
2-е лицо	dwyt ti ddim	(dy)dach chi ddim
3-е лицо	dydy o/hi ddim	dydyn nhw ddim

Табл. 6. Вопросительные формы глагола *bod* в настоящем времени.
Table 6. Interrogative forms of *bod* in the present

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	ydw i	ydan ni
2-е лицо	wyt ti	(y)dach chi
3-е лицо	ydy o/hi	ydyn nhw

Валлийский лингвист Гарет Кинг в своей грамматике «Modern Welsh: A Comprehensive Grammar» так характеризует особые формы *bod* третьего лица единственного числа: под определительными понимаются предложения, отвечающие на вопрос «кто/что это?», экзистенциальные предложения соответствуют английским предложениям *there is/are*; к описательным относятся предложения, не попадающие под критерии предыдущих двух типов (например, кот снаружи) [2, p. 176]. Эти формы приведены в табл. 7.

Табл. 7. Особые формы *bod* третьего лица единственного числа настоящего времени
Table 7. Special third pers. sing. Present forms of *bod*

Тип предложения	Утвердительные	Вопросительные	Отрицательные
Определительные	ydy	ydy	Dim … ydy
Экзистенциальные	Mae	Oes	Does dim
Описательные	Mae	ydy	Dydy … ddim

Определительные предложения отличает инверсивный порядок слов, так как форма глагола *bod – ydy* ставится после подлежащего, а не во главе предложения. Отрицательная частица *dim* в отрицательных описательных предложениях под воздействием мягкой мута-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

ции, вызванной ее расположением после подлежащего, превращается в *ddim*. Рассмотрим несколько примеров из грамматики Кинга [2, p. 179]:

– определительные предложения: *Crys Sioned* ***ydy*** *hwnna* (это рубашка Шонед), где *crys* – рубашка, *hwnna* – это. *Crys Sioned* ***ydy*** *hwnna*? (Это рубашка Шонед?) ***Dim*** *crys Sioned* ***ydy*** *hwnna* (Это не рубашка Шонед);

– экзистенциальные предложения: ***Mae*** *llaeth yn yr oergell* (В холодильнике есть молоко), где *llaeth* – молоко, *oergell* – холодильник. ***Oes*** *llaeth yn yr oergell*? (Есть ли молоко в холодильнике?) ***Does dim*** *llaeth yn yr oergell* – молока в холодильнике нет;

– описательные предложения: ***Mae****'r cwrw 'ma'n gryf* (это пиво крепкое), где *cwrw* – пиво, *gryf* – cryf «крепкий» под воздействием мягкой мутации. ***Ydy****'r cwrw 'ma'n gryf*? (Это пиво крепкое?) ***Dydy****'r cwrw 'ma* ***ddim*** *yn gryf* – это пиво некрепкое.

Итак, настоящее время в современном валлийском формируется перифрастически. Как и большинство перифрастических времен, описательный презенс образуется при помощи конструкции, состоящей из глагола *bod* – «быть» в настоящем времени, предлога *yn* – «в» и отглагольного имени знаменательной части сказуемого [2, p. 207]. В вопросительных и отрицательных предложениях используются соответствующие формы глагола *bod*. Рассмотрим несколько примеров:

– *Dw i ddim yn gweld y ffilm* (Я не смотрю этот фильм), где *dw i* – форма bod первого лица единственного числа, использующаяся в отрицательных предложениях, *ddim* – отрицательная частица, *gweld* – отглагольное имя со значением «смотреть»;

– *Mae'r plant yn mynychu ysgol gynradd Gymraeg* (Дети ходят в валлийскую начальную школу), где mae – форма *bod* третьего лица единственного числа, *plant* – дети, *mynychu* – отглагольное имя со значением «ходить», «посещать», *ysgol* – школа, *gynradd* – прилагательное – «начальный» под воздействием мягкой мутации, *Gymraeg – Cymraeg* «валлийский» под воздействием мягкой мутации;

– *Dyw Mary fach ddim yn siarad Saesneg eto* (Маленькая Мэри еще не говорит по-английски), где *dyw* – форма третьего лица единственного числа глагола *bod*, использующаяся в отрицательных предложениях в южных диалектах валлийского языка, *fach – bach* – «маленькая» под воздействием мягкой мутации, *siarad* – отглагольное имя со значением «говорить», *Saesneg* – английский язык, *eto* – еще;

– *Ydych gŵr yn dod 'da ni heno*? (Ваш муж поедет с нами сегодня вечером?) В этом предложении *ydych* – форма *bod* второго лица множественного числа, использующаяся в вопросительных предложениях, *gŵr* – муж, *dod* – отглагольное имя со значением «ехать», *heno* – сегодня вечером;

– *Mae'r hen ddyn yn llosgi sbwriel yn yr ardd* (Старик сжигает мусор в саду), где *mae* – форма *bod* третьего лица единственного числа, *hen* – старый, *ddyn – dyn* «мужчина» под воздействием мягкой мутации, *llosgi* – отглагольное имя со значением «сжигать», *sbwriel* – «мусор», *ardd – gardd* «сад» под воздействием мягкой мутации.

Представленная картина свидетельствует о практически полном переходе к использованию перифрастических конструкций для образования настоящего времени в современном валлийском языке. Флективный презенс используется, за редким исключением, для передачи значений будущего времени. Принимая во внимание склонность валлийского синтак-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

сиса к аналитизму, логичным будет предположение, что полный переход к аналитизации настоящего времени произошел несколько столетий назад. Валлийский лингвист Джон Моррис-Джонс в своей грамматике валлийского языка, изданной в 1913 г., отмечал как характерную черту разговорной речи использование перифрастических конструкций для передачи настоящего времени [4, p. 315].

Тем не менее аналитизм валлийского синтаксиса не ограничивается настоящим временем. При помощи конструкций с глаголом *bod* образовывается не только настоящее, но также и будущее время, имперфект и перфект; флективные аналоги этих времен, если они есть, вытесняются. Так, флективный имперфект в разговорной речи используется исключительно для образования сослагательного наклонения [2, p. 173]. Флективные претерит и будущее время заменяются перифрастическими конструкциями, образованными при помощи глагола *gwneud* – «делать» [2, p. 229].

Таким образом, отличительная черта валлийской грамматики – практически полный отказ от употребления спрягаемого глагола. Более того, это наблюдается на разных уровнях языка: от совмещения перифрастических и флективных времен с преобладанием первых в стандартной разговорной речи, до практически полного вытеснения оставшихся флективных времен аналитическими в северных диалектах.

Сам валлийский, как и другие кельтские языки поставивший глагол во главе предложения, располагает к таким радикальным переменам. Инверсивный относительно других европейских языков порядок слов вызвал неравновесность валлийского глагола, наиболее ярко проявляющуюся в согласовании его с подлежащим: как известно, сказуемое в валлийском согласуется с подлежащим только если оно выражено местоимением, в противном случае оно употребляется только в третьем лице единственного числа [2, p. 170].

Подводя предварительный итог, следует предположить, что переход к перифрастическим временам в современном валлийском отражает стремление закрепить инверсивный порядок слов, поставив во главе предложения глагол *bod* – «быть» и несколько граматикализированных глаголов, а смысловую часть возникшего составного сказуемого передать посредством номинализированного глагола.

Перейдем к рассмотрению настоящего времени в английском языке. Настоящее время в английском языке существует в двух ипостасях – настоящее простое и настоящее длительное. Present Simple используется для описания регулярный действий, Present Continuous, в свою очередь, употребляется для описания непрерывных, продолженных (продолжающихся) действий.

Утвердительные формы глагола в настоящем простом времени изменяются только в третьем лице единственного числа прибавлением окончания *–s*; вопросительные и отрицательные формы образуются посредством перифрастических конструкций с глаголом *to do* – «делать [5, с. 116]. Настоящее длительное время образуется при помощи перифрастических конструкций с глаголом *to be* и причастием настоящего времени, выражающим смысловую часть составного сказуемого [5, с. 126].

Образование вопросительных и отрицательных предложений в английском отличается от других западногерманских языков. В нидерландском и немецком вопросительные предложения формируются при помощи вопросительных частиц либо перемещением глагола в начало предложения [6, с. 223; 7, с. 127]: *Ga jij naar huis vandaag*? (Ты пойдешь сегодня

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

домой?) (в нидерландском), *Wen sol ich heute abend anrufen*? (Кому мне нужно позвонить сегодня вечером?) (в немецком). В свою очередь, отрицательные предложения как в немецком, так и в нидерландском языках образуются при помощи отрицательных частиц – *nicht* (в немецком) и *niet* (в нидерландском) [6, с. 229; 7, с. 128]: *Ik ken deze man niet* (Я не знаю этого человека), *Ik las dit boek niet* (Я не читал этой книги), *Er konnte seine Brille nicht finden* (Он не мог найти свои очки) (нем.).

В работе, посвященной сравнительному анализу валлийского и английского претерита, подробно рассмотрено употребление перифрастических *do*-конструкций в английском языке, их генезис, поэтому в настоящей работе анализ употребления глагола *to do* в настоящем простом времени будет представлен кратко [8]. В упоминаемой статье мы пришли к выводу, что английские времена, использующие глагол *to do* в качестве вспомогательного – Past Simple и Present Simple – структурно совмещают в себе флективное время в утвердительных формах и перифрастическое в вопросительных и отрицательных. Более того, утвердительные формы также можно образовать при помощи *to do*, но такие формы используются в эмфатических целях. Соответственно, настоящее простое время представляет из себя амальгаму флективного настоящего в утвердительных предложениях и перифрастического настоящего в вопросительных и отрицательных (следует отметить, что перифрастическое отрицание подчиняется западногерманской модели: *do*/*does not*, *am*/*is not*).

Разумеется, в этой парадигме имеется ряд исключений. В современном английском еще встречается литературный архаизм – отрицание, образованное по «западногерманской» модели, т. е. без использования вспомогательного глагола. Характерным примером служит начало известного стихотворения лорда Байрона: «*I speak not, I trace not, I breathe not thy name*» [9, с. 155]. Обратим внимание на несколько примеров архаичного отрицания в поэме Байрона «Дон Жуан»: «*spoil not my draught of spirit*»; «*They are young, but know not youth – it is anticipated*» [10].

Настоящее продолженное время, как и группа продолженных времен в целом, представляет собой характерную особенность английского синтаксиса, отличающую его от синтаксиса других германских языков. Появление группы продолженных времен тесно связано с деградацией флективной системы и переходу английского синтаксиса к крайним формам аналитизма.

Зарождение и развитие продолженного времени тесно переплетено с тремя частями речи, претерпевавшими в средне- и новоанглийский периоды существенные перемены – причастием настоящего времени, герундием и отглагольным существительным. В среднеанглийский период причастие настоящего времени приобрело окончание *-ing*(*e*), распространенное в южных диалектах, вытеснив из употребления формы, оканчивавшиеся на *-inde*, *-ende* и *-ande: finding*(*e*), *looking*(*e*) [11, с. 246]. В то же время формы причастие стали совпадать с формами отглагольного существительного, также имевшего окончание *-ing*. Ближе к концу Среднеанглийского периода причастия настоящего времени потеряли окончания, выражавшие признаки рода, числа и падежа, сделав различия между этими частями речи исключительно семантическими [11, с. 248].

В среднеанглийский период (первые случаи употребления относят к XII в.) началось развитие герундия как отдельной части речи [11, с. 247]. Лингвистами выделяется три ис-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

точника среднеанглийского герундия: староанглийское отглагольное существительное с окончанием *-ung*/*-ing*, причастие настоящего времени и инфинитив [11, с. 247]. Т. А. Расторгуева в «Истории английского языка» объясняет появление герундия как отдельной части речи смешением синтаксических функций причастия настоящего времени и отглагольного существительного, вызванного внешней их неразличимостью [11, с. 247]. Также на развитие герундия повлияло исчезновение флективного инфинитива, некоторые функции которого перешли к герундию.

Конструкции, выражающие длительность, наблюдались в английском языке еще в староанглийский период. Образовывались они при помощи глагола *beon* (быть) и причастия настоящего времени [11, с. 271]. Например, *Seo is irnende þurh middewearde Babylonia burȝ* (Эта река протекает посередине Вавилона). Тем не менее эти конструкции употреблялись исключительно для придания эмфазы определенному факту и не играли такой синтаксической роли, как в современном английском. Частота употребления эмфатического перифразиса варьировалась от диалекта к диалекту.

В ранний среднеанглийский период эмфатический перифразис практически вышел из употребления, его популярность снова возросла лишь к концу этого периода: *Syngynge he was or floytynge al the day* (Он пел весь день или играл на флейте) (Chauser) [11, с. 271]. Ситуация начала меняться к XVI в., когда причастие настоящего времени перестало отличаться от отглагольного существительного, являвшегося частью другой составной конструкции – глагола *be* + *on* + отглагольное существительное [12, с. 159]. При помощи этой конструкции как правило передавалась длительность процесса, происходившего в определенный период времени, хотя изначально сочетание *on* + герундий употреблялось как обстоятельство места: *he is on huntinge*. Впоследствии предлог *on* редуцировался до префикса *a-*: *he is ahunting*. В стандартной речи префикс также отпал, хотя и в наше время наблюдается в ряде диалектов [12, с. 159].

Процесс перерождения эмфатической конструкции в перифрастическое настоящее, выражающее протяженность и непрерывность процесса, занял больше столетия, и лишь к началу XVIII в. разграничение настоящего времени на простое и длительное приобрело современный вид [11, с. 272]. Расторгуева приводит следующие примеры синтаксической неясности в разделении этих времен в произведениях Шекспира [11, с. 271]:

– *The Earl of Westmoreland, seven thousand strong,* ***is marching*** *hitherwards* – здесь употребление Present Continuous вполне современно;

– *What do you read, my lord?* – вопрос обращен к читающему Гамлету; вместо продолженного времени в этом фрагменте используется настоящее простое.

Подводя предварительный итог, эволюцию настоящего продолженного времени можно представить следующим образом: древнеанглийская эмфатическая конструкция, состоящая из глагола *beon* – «быть» и причастия настоящего времени, распространенная в ряде диалектов, но периодически выходящая из употребления, в результате стирания границ между причастием настоящего времени и герундием/отглагольным существительным слилась с перифрастической конструкцией *be* + *on* + герундий. Получившаяся конструкция с течением времени стала передавать непрерывное действие, разделив таким образом настоящее время на два разных времени – в целом флективное настоящее простое и перифрастическое дли-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

тельное время, передаваемое конструкцией *to be* в нужной форме + причастие/герундий (внешне неразличимые части речи).

Поверхностный анализ настоящего времени в английском языке показывает его глубокую своеобычность на фоне других языков западногерманской подгруппы. Уже разделение его на простое и длительное отсутствует как в нидерландском, так и немецком языках. Более того, странности обнаруживаются и в самом устройстве Present Simple: образование вопросительных и отрицательных предложений при помощи перифрастических конструкций нетипично для других германских языков.

Примечательно, что при всей исключительности настоящего длительного времени, в ряде немецких и нидерландских диалектов наблюдаются конструкции, на первый взгляд структурно схожие с английским Present Continuous – например, немецкая *er ist am lesen* – «он в чтении» [13, p. 69]. Эти конструкции, по-немецки именуемые Am-Progressiv, наиболее распространены в рейнских, швейцарских и западных диалектах немецкого языка. В свою очередь в нидерландских диалектах употребляется сходная конструкция *aan het* + глагол для передачи значений длительности [14, p. 1]. Например, *Ik ben aan het lezen* (Я читаю) (при чтении).

Ключевые отличия между немецкими и нидерландскими конструкциями, передающими длительность процесса, и английскими временами группы Continuous, заключаются в эмфатичности и необязательности их в немецком и нидерландском, а также использовании субстантивированного инфинитива, а не причастия/герундия, как в английском языке [13, p. 69]. Таким образом, зарождение времен группы Continuous нельзя объяснить только развитием германской эмфатической конструкции, имеющей определенное сходство с диалектными конструкциями в нидерландском и немецком языках.

Объяснение описанных парадоксов английского синтаксиса возможно найти в сравнении настоящих времен английского и валлийского языков. Более ста лет назад немецкие лингвисты, среди которых Вальтер Пройслер и Вольфганг Келлер, предположили, что развитие нетипичных для германских языков грамматических черт в английском языке объясняется влиянием валлийского/кельтского субстрата [13, p. 66].

Для начала, сравним флективное настоящее время валлийское и английский Present Simple:

– *A* ***wnei*** *di hyn?* ***Gwnaf****, yn y man* (Ты сделаешь это? Да, я сейчас сделаю);

– *Fe'ch* ***gwelwn*** *yfory, ac fe* ***gewch*** *y llythyr os daw ef* (Мы увидимся с тобой завтра, возьми с собой письмо, если оно придет);

– *Nid aur,* ***gredaf*** *fi, yw hwn* (Я верю, что это не золото);

– *A* ***weli*** *di'r aderyn yn awr?* (Ты видишь сейчас птицу?);

– *I really* ***don't feel*** *like any right now* (Мне не очень хочется сейчас);

– *So just* ***give*** *us something to eat, and* ***don't bother to call*** *anyone* (Просто дай нам что-нибудь поесть и не зови никого);

– *The human body* ***contains*** *206 bones* (В человеческом теле содержится 206 костей);

– *She really* ***looks*** *very much like your wife* (Она действительно очень похожа на твою жену).

На первый взгляд, в английском настоящем простом времени отсутствуют какие-либо специфически валлийские черты. Сходства его с флективным валлийским находятся в общеевропейских рамках. В первую очередь их выделяет произошедшее в прошлом измене-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

ние грамматической роли в предложении – валлийское флективное настоящее стало в основном использоваться для передачи значений будущего времени, в то время как английское флективное настоящее стало употребляться для обозначения регулярных действий и передачи фактов (иногда, впрочем, английское флективное время употребляется для выражения будущего). В обоих языках при помощи флективного настоящего передается состоящие говорящего: *I agree*, *I think* и *gwelaf* (я вижу), *clywaf* (я слышу). Как в валлийском, так и в английском языке первоначальные грамматические функции этих времен стали передаваться аналитически. Тем не менее такие сходства поверхностны и не выказывают глубокой связи между двумя временами.

Ранее уже затрагивалась интересная особенность английского Present Simple (равно и Past Simple) – образование отрицательных и вопросительных предложений при помощи перифрастической конструкции с вспомогательным глаголом *to do* – «делать». Перифрастические конструкции с глаголом *to do* в современном виде появились в XVI в. [11, с. 266]. Примечательно, что и на протяжении XVII в. они активно использовались и в утвердительных предложениях [11, с. 266]. С тех пор такое употребление не закрепилось в стандартной речи, и используется в основном в эмфатических целях, за исключением ряда юго-западных диалектов.

В ранний новоанглийский период (XVI–XVII вв.) перифрастические формы полностью вытеснили стандартные западногерманские вопросительные и отрицательные формы, хотя в литературе они продолжали употребляться и в XIX в., о чем свидетельствует отрывок из стихотворения лорда Байрона [11, с. 266]. Английское отрицание, образованное без помощи вспомогательного глагола, не имело существенных отличий от других западногерманских языков – как правило, после глагола ставилась отрицательная частица *not.* Рассмотрим несколько примеров из Библии короля Якова, опубликованной в 1611 г. [15]:

***– Let not** your heart be troubled, neither let it be afraid (John 14:27)*;

*– But the angel said unto him, **fear not**, Zacharias (Luke 1:13)*;

*– <…>because thou **believest not** my words, which shall be fulfilled in their season (Luke 1:20)*;

*– Then said Mary unto the angel, how shall this be, seeing **I know not** a man? (Luke 1:34)*.

Образование вопросительных предложений также не отличалось от нидерландской или немецкой модели. Например, в 138 сонете Шекспира вопрос формируется так [15]:

– But wherefore says she not she is unjust?;

– And wherefore say not I that I am old?.

Именно слияние в Present/Past Simple флективных форм в утвердительных предложениях и аналитических в отрицательных и вопросительных позволило представить простое настоящее и прошедшее времена как амальгамы нескольких времен. С одной стороны, флективное настоящее время – *I read, I read not, read I,* с другой – перифрастическое *I do read, I do not read, do I read*. В процессе слияния этих времен в ранний новоанглийский период утвердительные формы перифрастического времени, за рядом исключений, вышли из широкого употребления, как и вопросительные и отрицательные формы флективного.

Традиционно появление и развитие *do*-конструкций связывают с каузативными конструкциями, чью «повелительность» в ранний новоанглийский период вытеснили конструкции с глаголом *make* [11, p. 266]. Однако такое объяснение выглядит сомнительным: с одной стороны, неясно, зачем имеющуюся каузативную конструкцию заменять другой и затем ис-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

пользовать первоначальную как перифрастическую замену флективным формам настоящего времени, с другой – такой подход противоречит истории зарождения *do*-перифразиса.

Лингвисты локализовали место зарождения перифрастических конструкций с глаголом *to do* – регионы юго-запада Англии, особенно англо-валлийское пограничье, и Корнуолл, прежде кельтский регион. В этих диалектах и поныне сохраняется неэмфатическое употребление глагола *to do* в утвердительных предложениях. Отличным примером служат стихотворения поэта Уильяма Барнса (1801–1886), написанные на дорсетском диалекте: *An' zometimes she do goo to zome/Young naïghbours' housen down the pleäce,/An' I do get a clue to treäce/Her out, an' goo to zee her hwome* [17, p. 26].

Возникновение перифрастических конструкций с глаголом *to do* в роли вспомогательного можно объяснить валлийским влиянием. В валлийском языке при помощи конструкций с глаголом *gwneud* – «делать» в нужной форме и отглагольного существительного, выражающего смысловую часть сказуемого, образуется как претерит, так и будущее время [2, с. 229]. Рассмотрим несколько примеров:

– *Naeth Julie wario gormod o arian* (Джули потратила много денег), где *naeth* – претерит 3-го лица единственного числа *gwneud, wario* – отглагольное имя глагола *gwario,* со значением «тратить деньги» под влиянием мягкой мутации, *arian* – деньги;

– *Gwnawn losgi y papur* (Мы сожжем бумагу), где *gwnawn* – форма 2-го лица множественного числа глагола *gwneud* в настоящем (разговорном будущем) времени, *losgi* – отглагольное имя со значением «сжечь», *papur* – бумага.

Как видно из представленных примеров, в валлийском языке существует конструкция, структурно очень похожая на английскую – глагол «делать» в роли вспомогательного и смысловая часть сказуемого, выраженная отглагольным существительным. Отличия ее от аналогичной английской конструкции заключаются в использовании ее в утвердительных предложениях и выражении смысловой части составного сказуемого отглагольным существительным.

Тем не менее эти различия можно полагать несущественными, ведь в современном английском сохраняется эмфатическое употребление *to do* в утвердительных предложениях, а неэмфатическое употребление в ранний новоанглийский период было повсеместным. Более того, выражение смысловой части сказуемого в английской конструкции при помощи *bare infinitive* также имеет сходство с валлийской конструкцией, т. к. в валлийском отглагольное существительное играет роль инфинитива помимо других своих функций [2, с. 163]. Ключевое различие между валлийским и английским перифрастическим употреблением глагола «делать» – временное. Полное совпадение наблюдается только в претерите, в настоящем времени не используют *gwneud* валлийцы, в будущем *to do* не употребляют англичане.

Учитывая все сказанное разумным будет предположение, что английское употребление глагола *to do* в роли вспомогательного появилось под валлийским влиянием. Однако степень этого влияния – вопрос для дальнейших дискуссий, где камнем преткновения будет несовпадение английских и валлийских конструкций с глаголом «делать» в настоящем и будущем времени. Разумным будет предложить два варианта возникновения *do*-перифразиса в английском языке: заимствование из валлийского языка и одновременное возникновение этой

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

конструкции в обоих языках. Оба предположения косвенно подтверждаются географией зарождения этой конструкции – англо-валлийское пограничье.

В случае совместного развития вероятнее всего сначала эту конструкцию использовали только в претерите, затем ее употребление перешло на настоящее время в английском языке и будущее время в валлийском. Нам, однако, более вероятным представляется заимствование этой конструкции из валлийского в английский. Несовпадение в сфере употребления можно объяснить тем, что глагол *gwneud* в перифрастическом будущем употребляется в настоящем времени, так как валлийские глаголы, за исключением *bod* – «быть», не имеют отдельной формы будущего времени. Этим можно объяснить тот факт, что при заимствовании англичане стали употреблять эту перифрастическое будущее для передачи значений настоящего времени, ведь в английском языке флективное настоящее не изменило сферу своего употребления, в отличие от валлийского языка.

Теперь перейдем к сравнению валлийского перифрастического настоящего времени и английского Present Continuous:

– *I'm speaking of European candles* (Я говорю о европейских свечах);

– *Graham is learning to drive* (Грэм учится водить);

– *I am living with my brother until I find an apartment* (Я живу со свои братом пока не найду квартиру);

– *I'm washing my clothes at the moment* (В настоящий момент я стираю одежду);

– *My sister is looking for a job these days* (Моя сестра сейчас ищет работу);

– *Mae Elinor yn darllen y papur* (Элинор читает газету), где *mae* – форма 3-го лица ед. числа глагола *bod*, *darllen* – отглагольное имя «читать», *papur* – газета;

– *Ydych chi'n gwylio'r teledu*? (Вы смотрите передачу по телевизору?) В этом предложении *ydych* – вопросительная форма глагола *bod* 2-го лица множественного числа, *gwylio* – смотреть, *teledu* – телевизор;

– *Dw i ddim yn gadael tan yfory* (До завтра я не уеду), где *gadael* – отглагольное имя «уезжать», *yfory* – завтра;

– *Mae Sioned a Medi'n paratoi'r bwyd* (Шонед и Меди готовят еду), где *mae* – форма *bod* 3-го лица ед. числа (согласно правилу согласования, в валлийском подлежащее и сказуемое согласуются в 3-м лице только в том случае, когда оно выражено местоимением. В других случаях сказуемое будет всегда в 3-м лице ед. числе), *paratoi* – «готовить», *bwyd* – еда;

– *Dyn ni'n mynd tramor eleni* (В этом году мы едем за границу), где *dyn* – форма 2-го лица мн. числа *bod*, *mynd* – идти, ехать, *tramor* – за границу.

Из представленных примеров сложно не согласиться с предположением об определенном структурном сходстве между перифрастическими настоящими временами в валлийском и английском языках: единственное различие в их образовании заключается в отсутствии предлога в английском Present Continuous. Однако как уже отмечалось, изначально настоящее продолженное имело следующий вид – форма *to be* + предлог *on* + причастие/герундий.

Ключевое различие между перифрастическими настоящими временами в исследуемых языках состоит в сфере употребления – в валлийском языке оно лишено аспекта длительности и непрерывности. Тем не менее, в английском языке Present Continuous окончательно

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

приобрел этот аспект ближе к концу XVII в., на заре своего существования оно часто использовалось и в значениях настоящего простого времени.

Наиболее разумным будет предположение, что английское настоящее длительное время формировалось под большим валлийским влиянием, особенно влиянием структурным. Возможно, что в среднеанглийский период одна из перифрастических эмфатических конструкций, периодически возникавших в английском языке в то время, стала употребляться как перифрастическое настоящее время, еще не имея аспекта длительности. Следование валлийской кальке облегчалось тем, что в тот период исчезли внешние различия между герундием и причастием настоящего времени, при помощи которого формировались эмфатические конструкции. С течением времени получившееся время приобрело аспект длительности, разделив сферы употребления настоящего времени в английском языке. Возможно, на это повлияло прошедшее длительное, имеющие ярко выраженные имперфективные свойства.

Фоном этой метаморфозы была стремительная аналитизация английского синтаксиса в целом. Валлийское влияние на английский синтаксис прослеживается не только в настоящем времени, но и в других временах, на пример, в претерите. Вопрос датировки метаморфоз и исторических процессов, повлиявших на их возникновение, остается открытым. Наиболее логичным нам кажется предположение о креолизации языка англосаксонских колонистов, ведь сама история Англии склоняет к этой точке зрения – волны кельтской, германской, скандинавской колонизации, многосотлетнее господство франкоязычной норманнской элиты не могли не оставить следов влияния на структуре английского языка. Именно эти влияния делают английский поистине уникальным языком для исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wiliams S. Jo. A Welsh Grammar. Cardiff: Univ. of Wales Press, 1980.
2. King G. Modern Welsh: A comprehensive grammar. London: Routledge, 2016.
3. King G. Intermediate Welsh: A Grammar and Workbook. NY: Routledge, 2018.
4. Morris-Jones J. A Welsh grammar: historical and comparative. Oxford: Clarendon press, 1913.
5. Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка: учебник. Бишкек: Туркестан, 2007.
6. Нарустранг Е. В. Практическая грамматика немецкого языка: учеб. пособие. СПб.: Союз, 1999.
7. Миронов С. А. Нидерландский (голландский) язык: грамматический очерк, литературные тексты с комментарием. 2-е изд., перераб. Калуга: Эйдос, 2001.
8. Богданов Б. С. Сравнительный анализ валлийского и английского претерита // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 4. С. 194–204. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-4-194-204
9. Байрон Д. Г. Избранное. На английском языке. М.: Прогресс, 1979.
10. Lord Byron. Don Juan // Poetry Foundation. URL: https://www.poetryfoundation.org/poems/43833/don-juan-canto-11 (дата обращения: 01.03.2026).
11. Расторгуева Т. А. История английского языка: учебник. М.: Астрель, 2003.
12. Аракин В. Д. История английского языка. М.: Физматлит, 2003.
13. Filppula M., Klemola J., Paulasto H. English and Celtic in Contact. NY: Routledge, 2008.
14. Boogaart R. The syntax of progressive and ingressive aanhet-constructions in Dutch // Linguistics in the Netherlands. 2022. Vol. 39. P. 2–20. DOI: 10.1075/avt.00058.bog
15. King James Bible. URL: https://www.kingjamesbibleonline.org (дата обращения: 01.03.2026).
16. Shakespeare W. Sonnets. URL: https://www.shakespeares-sonnets.com/sonnet/138 (дата обращения: 01.03.2026).
17. Barnes W. Selected Poems. London: Penguin Books Ltd, 1994.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 186–200
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 186–200

Информация об авторе

Богданов Борис Станиславович – аспирант кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор шести научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительно-историческое языкознание, кельтские языки, англо-валлийские языковые контакты.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.05.2026; принята после рецензирования 01.07.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Wiliams, S.Jo. (1980), *A Welsh Grammar*, Univ. of Wales Press, Cardiff, USA.
2. King, G. (2016), *Modern Welsh: A comprehensive grammar*, Routledge, London, UK.
3. King, G. (2018), *Intermediate Welsh: A Grammar and Workbook*, Routledge, NY, USA.
4. Morris-Jones, J. (1913), *A Welsh grammar: historical and comparative*, Clarendon press, Oxford, USA.
5. Kachalova, K.N. and Izrailevich, E.E. (2007), *Prakticheskaya grammatika angliiskogo yazyka* [Practical grammar of English language], Bishkek, Izd-vo "Turkestan", TKM.
6. Narustrang, E.V. (1999), *Prakticheskaya grammatika nemetskogo yazyka* [Practical grammar of German language], Soyuz, SPb., RUS.
7. Mironov, S.A. (2001), *Niderlandskii (gollandskii) yazyk: Grammaticheskii ocherk, literaturnye teksty s kommentariem* [Dutch language: an outline on grammar, literary texts with commentary], 2nd ed., ID "Eidos", Kaluga, RUS.
8. Bogadnov, B.S. (2026), "Comparative Analysis of English and Welsh Preterite", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 4, pp. 194–204. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-4-194-204
9. Byron, G.G. (1979), *Selections from Byron*, Progress, Moscow, USSR.
10. Lord Byron (n. d.), "Don Juan", *Poetry Foundation*, available at: https://www.poetryfoundation.org/poems/43833/don-juan-canto-11 (accessed 01.03.2026).
11. Rastorgueva, T.A. (2003), *Istoriya angliiskogo yazyka* [A history of English language], Astrel', Moscow, RUS.
12. Arakin, V.D. (2003), *Istoriya angliiskogo yazyka* [The history of the English language], Fizmatlit, Moscow, RUS.
13. Filppula, M., Klemola, J. and Paulasto, H. (2008), *English and Celtic in Contact*, Routledge, NY, USA.
14. Boogaart, R. (2022), "The syntax of progressive and ingressive aanhet-constructions in Dutch", *Linguistics in the Netherlands*, vol. 39, pp. 2–20. DOI: 10.1075/avt.00058.bog
15. *King James Bible* (n. d.), available at: https://www.kingjamesbibleonline.org (accessed 01.03.2026).
16. Shakespeare, W. (n. d.), *Sonnets*, available at: https://www.shakespeares-sonnets.com/sonnet/138 (accessed 01.03.2026).
17. Barnes, W. (1994), *Selected Poems*, Penguin Books Ltd, London, UK.

Information about the author

Boris S. Bogdanov – Postgraduate Student at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. The author of 6 scientific publications. Area of expertise: comparative linguistics, Celtic languages, Anglo-Welsh language contacts.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.05.2026; adopted after review 01.07.2026; published online 17.11.2026.

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

● по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:

➢ электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;

➢ каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;

➢ сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *а*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

• *Заголовочная часть*:

– УДК (выравнивание по левому краю);

– авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько, ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;

– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, разделенных запятыми и отражающих содержание статьи;

• текст статьи;

• приложения (при наличии);

• список литературы (библиографический список);

• справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);

– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название (Title);

– аннотация (Abstract);

– ключевые слова (Keywords);

– список литературы (References);

– справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи подряд, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте http://search.crossref.org/ или https://www.citethisforme.com.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI. Онлайн-

помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора, сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний), e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

5.7.1. Онтология и теория познания;
5.7.2. История философии;
5.7.3. Эстетика;
5.7.4. Этика;
5.7.5. Логика;
5.7.6. Философия науки и техники;
5.7.7. Социальная и политическая философия;
5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

5.4.1. Теория, методология и история социологии;
5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
5.4.5. Политическая социология;
5.4.6. Социология культуры;
5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина, Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina, E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 13.11.26. Дата выхода в свет 20.11.26.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 26,65. Печ. л. 25,75. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 151.
Цена свободная.

Signed to print 13.11.26. Publication date 20.11.26.
Sheet size 60 × 84 1/8. Educational-ed. liter. 26,65. Conventional printed sheets 25,75.
Number of copies 300. Printing plant 1–150 copies. Order no. 151.
Free price.

Отпечатано в издательстве СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

Published by ETU Publishing house
5F Professor Popov St., St Petersburg 197022, Russia. Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56